Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Январь 2019 г.

НОМЕР 46

ЧАСТЬ 3

Самара 2019

УДК 001.1

ББК 60

T34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Январь 2019 г. №46, Часть 3 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2019. - 96с.

SPLN 001-000001-0396-LJ

DOI 10.18411/lj-01-2019-p3

IDSP ljjournal-01-2019-p3

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljjournal.ru

УДК 001.1

ББК 60

SPLN 001-000001-0396-LJ

<http://ljjournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ II. ПСИХОЛОГИЯ	5
Гармаева Т.В., Гармаева Е.А. Проявление познавательной активности в младшем школьном возрасте.....	5
Кротенко Т.Ю. Оценка персонала и психологическое тестирование в организации.....	9
Соколова А.О. Гендерная адаптация студентов первого курса	12
РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ	17
Дронов А.И. Космическая деятельность в процессах глобализации	17
РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ	23
Фортунова М.Г. Информационные факторы формирования конфликтогенных этнических стереотипов.....	23
РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ	28
Гайфутдинов Р.И. Особенности Российско-Турецких отношений и перспективы преодоления межгосударственных кризисов в современных геополитических реалиях	28
Доронин В.А. Значение объектов дизайна для формирования и управления массами в социально-политических проектах.....	32
Литвинова А.С. Гражданское образование как способ социального конструирования политической культуры современного общества	36
Сирота Н.М. Конфронтация между Россией и западом в контексте глобальной конфликтности.....	39
РАЗДЕЛ VI. ИСТОРИЯ	43
Упоров И.В. Государственная служба представителей дворянского сословия в годы правления Екатерины II.....	43
РАЗДЕЛ VII. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	47
Базиева Г.Д. Этнокультурное образование в Кабардино-Балкарской Республике.....	47

Семенов С.Г. Навруз, Наръс – праздник пробуждения природы и начало новой жизни	49
---	----

РАЗДЕЛ VIII. ФИЛОЛОГИЯ 54

Mironenko V.V. The pragmatic aspect of the functioning of English phraseological units with ethno cultural semantics	54
---	----

Джабраилова В.С., Фомичева М.П. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования.....	56
---	----

Книга Г.П. Проектно-исследовательская деятельность учащихся как эффективное средство их интеллектуального и творческого развития	61
---	----

Кузьмичева В.А. Семантико-синтаксические особенности глаголов, объективирующих фрейм «социальная деятельность по достижению цели»	64
--	----

Нестеренко Е.Ю. Обращения в русском медицинском дискурсе.....	67
--	----

Роббек Л.В. Аллитерационно-ассонансная звуковая гармония в Бурятских улигерах..	72
--	----

Тураева А.Р. Когнитивные подуровни внутренней семантики эргонимов, функционирующих в разносистемных разнополюсных эргонимических комплексах ..	75
---	----

РАЗДЕЛ IX. АРХИТЕКТУРА 80

Зинов И.А., Зинова А.И., Боброва Д.П. Энергетические исследования вертикальных тепловых жалюзи системы солнечного теплообеспечения в условиях Республики Башкортостан.....	80
---	----

Клочко П.И., Протопопова Д.А. Основные принципы проектирования большепролетных спортивных сооружений	83
---	----

Клочко П.И., Протопопова Д.А. Основные виды конструкций, применяемые при строительстве большепролетных зданий.....	85
---	----

Козырева Е.А., Голубинова М.Д. Ближние усадьбы высшей знати, как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга, на примере дачи К.Е. Сиверса.....	89
--	----

Михайлов А.В. Особенности определения предметов охраны для объектов типа «дачи»	92
--	----

РАЗДЕЛ II. ПСИХОЛОГИЯ

Гармаева Т.В., Гармаева Е.А.

Проявление познавательной активности в младшем школьном возрасте

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

(Россия, Улан-Удэ)

doi: 10.18411/lj-01-2019-44

idsp: ljjournal-01-2019-44

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей проявления познавательной активности учащимися начальных классов по таким её критериям, как когнитивный, мотивационный, поведенческий и эмоциональный. Определена и эмпирически доказана необходимость создания условий для формирования у детей навыков поиска информации, критичного к ней отношения и эффективного использования в обучении и социализации.

Ключевые слова: познавательная инициатива, познавательная активность, учебно-познавательные мотивы, эмоциональный фон, школьная тревожность, кругозор, эрудированность, младшие школьники.

Abstract

The article presents the results of researches of features of manifestation of cognitive activity of students in primary classes on such criteria as her cognitive, motivational, behavioral and emotional. Identified and empirically proved the need to create conditions for providing child information retrieval skills critical to her relationship and efficient use in learning and socialization.

Keywords: educational initiative, cognitive activity, educational and cognitive motivations, emotional background, school anxiety, knowledge, erudition, younger students.

Развитие инициативы в любом возрасте на сегодня одна из важнейших задач образования по причине её роли в становлении успешной и востребованной личности, творчески мыслящей. Эффективная поддержка познавательной инициативы выступает одной из задач реализации образовательных стандартов любого поколения. Познавательная активность и инициатива необходимы для самостоятельного решения учащимися различных задач и ориентации в огромном потоке научной информации. При этом с появлением и активным освоением Интернет-пространства от учеников требуется определенный уровень критичности мышления и восприятия транслируемой информации, что возможно при достаточно высоком уровне познавательной рефлексии.

Рассматриваемая проблема также признается многими педагогами и психологами актуальной по причине демотивированности, пассивности и несамостоятельности в учебной деятельности большей части учащихся всех ступеней образования. При чем с данной проблемой педагоги сталкиваются уже в начальной школе, где у современных детей часто проявляется отсутствие усердия и интереса относительно познания чего-то нового, не касающегося появившихся в их жизни технологий (гаджетов, телефона, компьютерных и электронных игр, социальных сетей в более старшем возрасте и т.п.). Тогда как развитие познавательной активности в системе образования должно занимать ведущее место, имея в виду, что она определяется в педагогическом словаре как деятельностное состояние личности, характеризующееся стремлением к учению, умственному напряжению и проявлению волевых усилий в процессе овладения знаниями. Познавательную активность рассматривают, и как деятельность (Лисина Л.М.), и как

личностное качество (Щукина Г.И., Абульханова-Славская К.А.), и как цель, средство и результат деятельности (Шаманова Т.И. и др.).

В педагогике «познавательную активность характеризуют как двусторонний взаимосвязанный процесс: с одной стороны, это форма самоорганизации и самореализации учащегося, а с другой – как результат особых усилий педагога в организации познавательной деятельности учащегося и формировании его опыта» [1]. Многими учеными отмечается взаимосвязь и взаимообусловленность познавательной активности и учебной деятельности, общественного смысла которой не видят все большее количество учеников и их родителей. Что в свою очередь может выступать препятствием для проявления познавательной инициативы и способствовать потере интереса к познанию в целом.

Инициатива – внутреннее побуждение к новым формам деятельности, руководящая роль в каком-либо действии. Представляет собой разновидность общественной активности, предпринимаемой конкретным лицом и (или) группой; выражается в добровольной деятельности, в творческом отношении к происходящему. Инициативность в современном педагогическом словаре определяется как творческая способность, заключающаяся в постоянном стремлении к самостоятельным действиям, активной жизненной позиции личности; одна из важнейших задач воспитания детей дошкольного возраста. В свою очередь, познавательная инициатива представляет собой любознательность, включенность в экспериментирование, простую познавательно-исследовательскую деятельность [3]. Именно в них у детей развиваются способности устанавливать пространственно-временные, причинно-следственные и родо-видовые отношения. При этом, начиная формироваться в дошкольном детстве, познавательная инициатива не теряет своего значения и во все последующие периоды развития человека, выступая одним из критериев проявления им познавательной активности.

Проведенное Красножоной Е.С. исследование существующих в трудах отечественных ученых научных идей, концепций и теорий познавательной активности позволило сформулировать ряд концептуальных положений, характеризующих её сущность. Среди них: познавательная активность – стержневая характеристика личности, помогающая обеспечить готовность вхождения растущего человека в новый постоянно меняющийся мир; познавательная активность – личностное качество, которое приобретается, закрепляется и развивается в результате познания с учетом индивидуальных и возрастных особенностей; имеет место связь познавательной активности и самостоятельности личности, где самостоятельность является высшим уровнем активности.

Кроме того, познавательная активность имеет несколько уровней: 1) устойчивое внимание, которое вызывается новизной стимула и используется в виде вопросов, задаваемых учителю; 2) любознательность, которая проявляется в количестве и качестве задаваемых вопросов; 3) появление устойчивого интереса, который проявляется в реальном поведении и поступках (проявление познавательной активности в ходе решения конкретных задач) [2].

В младшем школьном возрасте одним из важнейших вопросов в контексте проявления детьми инициативы, в том числе познавательной, остается вопрос о том, инициатором каких учебных действий должен стать младший школьник. Он может инициировать постановку новой учебной задачи, процесс поиска ее решения, процесс совершенствования способа ее решения (самостоятельно продвигаться в учебном в многообразном материале) при определенных условиях организации учебного процесса. Одним из главных психолого-педагогических условий проявления инициативы младшими школьниками признается умение педагога поставить учебную задачу перед учащимися так, чтобы она стала их собственной задачей. Важность данного условия объясняется тем, что интенсивность познавательной активности детей во многом зависит от того, насколько учебная мотивация с «соприкасается» с их познавательными

интересами. Чтобы подобно ситуации дошкольного возраста – возраста «Почемучек» - активность была присуща самому ученику, они должны стать авторами собственного дальнейшего исследования заданной педагогом проблемы, учебной задачи. С этой целью используется разнообразный материал проблемного содержания, совокупность средств стимулирования активности учеников, а также арсенал традиционных и инновационных методов.

В отличие от дошкольного возраста, начиная с начальных классов, задания носят разноуровневый характер по степени сложности задаваемых проблем, что также способствует проявлению у учащихся здоровой конкуренции в контексте проявления адекватной познавательной инициативности и рефлексии. Ученик должен иметь возможность самостоятельно выбрать учебную задачу, способ её решения, вариант демонстрации результата собственного интеллектуального поиска. Необходимо иметь в виду, что в этом находит свое отражение также и личностная составляющая психического развития учащихся: уровень притязаний, характер самооценки и отдельные качества характера. Так как речь идет о способности ученика адекватно оценивать свои возможности в предоставляемой ситуации выбора.

В связи со всем вышеотмеченным целью нашего исследования стало изучение особенностей проявления познавательной активности современными младшими школьниками. Критериями её диагностики были определены: уровень знаний, представлений, кругозор, эрудированность; познавательные компетенции; беглость, гибкость, точность мышления; вербальный / невербальный интеллект (когнитивная составляющая); умение и навыки поиска информации, характер применения знаний и т.п. (поведенческая). Важно, на наш взгляд, также было изучить характер и содержание познавательной мотивации, сформированность познавательных мотивов (мотивационный компонент) и уровень школьной тревожности, эмоциональный фон при поиске, получении новых знаний, эмоциональный фон на занятиях (эмоциональный).

Когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий компоненты познавательной активности младших школьников диагностировались нами посредством ряда методик: субтесты Гилфорда, субтесты Векслера, «Изучение мотивационной сферы учащихся» (Матюхина В.М.), «Анкета для определения школьной мотивации» (Лусканова Н.Г.), Самооценочный тест «Лесенка», методика «Тревожность у детей и подростков» (Прихожан А.М.), наблюдение, опрос педагога, анкетирование родителей. Нами были обследованы младшие школьники двух 3-х классов одной из средних общеобразовательных школ г.Улан-Удэ (Республика Бурятия) в количестве 65 человек в возрасте 10 лет.

Изучение уровня развития когнитивной составляющей познавательной активности младших школьников и данные таблицы 1 позволяют говорить о преимущественно высоких значениях (средний балл составил 2,24). Большинство детей (76,9%) по методикам, проведенным для изучения этого компонента, показали высокий уровень, и 23,1% - средний.

Таблица 1.

Уровни сформированности компонентов познавательной активности младших школьников (баллы, %)

Компоненты	Средний балл	Уровни		
		высокий	средний	низкий
Когнитивный	2,24	76,9%	23,1%	0%
Мотивационный	1,98	74,3%	25,7%	0%
Эмоциональный	2,34	86,1%	13,1%	0%
Поведенческий	2,45	45,3%	52,8%	1,9%
Общий уровень	2,24	75,4%	24,6%	0%

В этом случае изучение креативности, творческого мышления у учащихся позволяет сделать вывод, что творческому человеку сложно подчиняться школьным

правилам, действовать шаблонно и быть на сто процентов дисциплинированным человеком. Это относится к детям с высокими показателями креативности мышления. Кроме того, результаты проведённых методик и опроса педагогов свидетельствуют о достаточно высоком уровне сформированности у большинства детей познавательных компетенций, уровня вербального и невербального интеллекта. Полученные диагностические данные обуславливают необходимость обратить большее внимание на мотивационную составляющую изучаемой нами познавательной активности младших школьников, так как из всех её компонентов именно она выражена у них слабее всего. Общий средний балл по мотивационному компоненту составил 1,98, что говорит о средних показателях сформированности учебно-познавательных мотивов. В данном случае речь идет о заинтересованности содержанием учения. Как показывает методика Матюхиной М.В., не для всех учащихся содержание учебного материала представляет необходимый интерес, соответственно не все увлечены процессом учения. В результате этого в ряде случаев падает учебно-познавательная мотивация учеников. Это говорит о том, что главная цель школы – давать знания – не совсем достигается.

Еще одной проблемой проявления детьми младшего школьного возраста познавательной активности на должном уровне оказалась слабая выраженность поведенческого её компонента. О чем свидетельствует процентное соотношение испытуемых по уровням, так как именно по этому аспекту изучаемого нами явления были дети с низким уровнем развития умений и навыков поиска информации (1,9%). Необходимо отметить, что в этом случае речь идет преимущественно об информации определённого плана: обучающего, расширяющего общий кругозор в противовес информации развлекательного характера, в работе с которой дети справляются достаточно успешно самостоятельно. Речь шла также и о характере применения знаний на практике. Данные таблицы 1 демонстрируют, что преимущественное большинство обследованных учащихся (52,8%) имеют средние показатели сформированности необходимых навыков поиска информации и умения применять ее на практике, в том числе в процессе обучения.

Как показывает анкетирование родителей учащихся, школьники 10 лет уже почти «самостоятельны в поиске информации», выполнении домашнего задания, лишь «в трудных случаях обращаются за помощью к родителям». Основным источником её поиска является интернет, реже энциклопедии и книги. В выборе просмотра передач, мультфильмов по телевизору большинство родителей пишет, что «нет времени смотреть телевизор», т.к. их дети заняты в музыкальных, художественных, танцевальных школах, в спортивных секциях. Это говорит о том, что вторая половина дня у большинства школьников, как правило, занята дополнительным образованием, что безусловно положительно сказывается на познавательной активности детей.

Нельзя не отметить, что определённым положительным моментом являются полученные данные исследования эмоциональной составляющей познавательной активности детей, так как в ней мы заходили такие аспекты, как уровень школьной тревожности, эмоциональный фон при поиске, получении новых знаний, а также эмоциональный фон на занятиях. Здесь в целом были выявлены хорошие результаты: абсолютное большинство учащихся (86,1%) продемонстрировали высокие показатели. В связи с чем можно говорить о в целом благоприятном эмоциональном фоне образовательно-воспитательного процесса в классах, участвовавших в исследовании.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о необходимости расширения границ компетентности младших школьников в вопросах поиска необходимой информации, значимой для эффективности обучения, развития и социализации учеников начальных классов в целом. На наш взгляд, в этом возрасте важно не только показать где и как необходимо искать нужные данные и материалы, но и достаточно критично относиться к их содержанию. При этом в любом случае детям необходима помощь взрослых: родителей и педагогов, так как большая роль в

формировании познавательной активности на начальном этапе (в период дошкольного детства и младшего школьного возраста) принадлежит им.

1. Кибальченко И. А. Актуализация и активизация учебно-познавательного опыта учащихся в образовательном процессе / И. А. Кибальченко // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. N14. С.32-38.
2. Красножонина Е. С. Познавательная активность младших школьников в концепциях российских педагогов 60-80-х гг. XX века : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2005.
3. Примерная основная образовательная программа дошкольного образования : миры детства : конструирование возможностей / Т. Н. Доронова [и др.]; науч. рук. А. Г. Асмолов, Т. Н. Доронова. Москва : АСТ : Астрель, 2015.

Кротенко Т.Ю.

Оценка персонала и психологическое тестирование в организации

*Государственный университет управления
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-45

idsp: ljjournal-01-2019-45

Аннотация

Оценка при приеме на работу - это устоявшаяся форма предварительного контроля качества человеческого капитала организации. В рамках разных подходов существует множество вариантов оценки. Субъективность является их серьезным недостатком. Решение о принятии человека в организацию порой зависит от того, кто занимается оценкой, какая группа экспертов привлекается для диагностики, какими методами и насколько качественно действует группа оценивания.

Ключевые слова: психологическая диагностика, оценка, психологическое тестирование, методы оценки, психологическая характеристика.

Abstract

Job evaluation is an established form of preliminary quality control of the human capital of an organization. There are many options for evaluation in different approaches. Subjectivity is a serious disadvantage. The decision to admit a person to the organization sometimes depends on who is involved in the assessment, which group of experts is involved in the diagnosis, what methods and how well the evaluation group operates.

Keywords: psychological diagnostics, evaluation, psychological testing, evaluation methods, psychological characteristics.

Объективность оценки обеспечивается, по сути, соблюдением ряда принципов.

- Персонал оценивается вне зависимости от частных мнений или суждений;
- Должна быть обеспечена относительная свобода от влияния случайных и ситуативных факторов;
- Оценивается реальный уровень умений и навыков;
- Оценка содержит прогностические данные о потенциальных способностях;
- Используются стандартизированные комплексы тестов для оценки различных сфер психической жизни человека;
- Критерии, как и процесс оценки должны быть понятны и оценщикам, и пользователям.

Цель - определить степень выраженности различных личностных, деловых и профессиональных качеств у кандидатов и соответствие этих качеств традиционным требованиям к должности и к специфическим требованиям организации

Принципы:

1. Тестирование – распространенный метод психологической диагностики, он использует стандартизированные вопросы и задачи (тесты), применяется для измерения индивидуальных различий.
2. Серия психодиагностических методик представляет собой апробированный, адаптированный для российской среды комплекс, позволяющий с максимальной вероятностью определить актуальный уровень развития у индивида интересующих заказчика навыков, умений, знаний, личностных свойств.
3. Результат тестирования отражается в психологической характеристике, имеющей типовую структуру.

Таблица 1.

Характеристика психодиагностических методик

Название теста	Кол-во вопросов	Порядок выполнения	Время и место выполнения	Время обработки и интерпретации	Измеряемые свойства
Тест на измерение уровня интеллекта Амтхауэра	50	Испытуемому на специальном бланке предлагается установить указанные инструкцией логические отношения классификации, аналогии, обобщение и др. между терминами, понятиями, сделав выбор из пяти предложенных вариантов ответов	30 минут в присутствии и экспериментатора	10 минут	Уровень и потенциал умственного развития кандидата в целом; степень сформированности отдельных видов познавательной деятельности; тип мыслительной организации и скорость протекания операций; особенности прошлого опыта, обученности, осведомленности и обучаемости, которые неминуемо сказываются при работе с заданиями теста.
Методика многостороннего исследования личности (СМИЛ)	566 адаптированных для России вопросов	Каждый вопрос содержит 2 варианта ответа. Испытуемому на специальном бланке предлагается осуществить выбор.	1,5 – 2 часа домашней работы	Ввод информации с бланка – 10 минут Интерпретация профиля – в рамках написания Психол. характеристики	Дает информацию об особенностях личности кандидата, актуальном психическом состоянии, вариантах психопатологических синдромов с учетом психологической динамики и ведущих психологических защит, что сказывается на успешности профессиональной деятельности. Вторично вычленяемые свойства: <ul style="list-style-type: none"> • Системность мышления • Динамичность и гибкость мышления • Нестандартность и креативность мышления • Внимание к деталям • Ориентация на конкретный результат • Способность планировать и прогнозировать • Планирование и организация работ • Управление деятельностью • Руководство группой

					<ul style="list-style-type: none"> • Постановка задач и контроль выполнения • Эффективность взаимодействия с людьми • Работа в команде • Гибкость в общении • Гибкость поведения • Устное предоставление информации • Способность к ведению переговоров • Письменное взаимодействие • Ответственность в принятии решений • Решение проблемных ситуаций • Инициативность • Адаптивность • Мотивация к достижению • Готовность к обучению • Саморазвитие
16-факторный личностный опросник	300 адаптированных для России вопросов	Каждый вопрос содержит 3 варианта ответа. Испытуемому на специальном бланке предлагается осуществить выбор.	1 -1,5 часа домашней работы	Ввод информации с бланка – 10 минут Интерпретация профиля – в рамках написания Психологической характеристики	<ul style="list-style-type: none"> • Интеллектуальные способности • Особенности эмоционально-волевой устойчивости • Контроль поведения • Характер социальной активности • Практичность • Зависимость от группы • Уверенность в себе • Самооценка и т.д.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ф.И.О. кандидата _____

Год рождения _____

Должность, на которую планируется сотрудник _____

Дата выполнения тестов _____

Дата написания психологической характеристики _____

Результаты тестирования:

1. Умственные способности:

- Уровень интеллектуального развития
- Особенности мыслительных процессов
- Особенности принятия решений

2. Эмоционально-волевые особенности:

- Какие обстоятельства являются стрессом
 - Стил ь преодоления препятствий
 - Стил ь трудовой деятельности (ответственность, дисциплинированность)
3. Коммуникативные качества:
- Стил ь взаимодействия с коллегами, с руководителями, с подчиненными
 - Широта круга общения
 - Склонность принимать нормы группы, умение им следовать
 - Позиция в коллективе (лидерская, исполнительская, обособленная и т.д.)
4. Самооценка, отношение к критике.
5. Прогноз профессиональной пригодности.

1. Шмелев А. Г. Основы психодиагностики. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.

Соколова А.О.**Гендерная адаптация студентов первого курса**

*Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
(Россия, Новокузнецк)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-46

idsp: ljournal-01-2019-46

Аннотация

В статье рассматривается проблема адаптации студентов, юношей и девушек первого курса. Успешность адаптации студентов к учебной деятельности, их психологические и гендерные особенности.

Ключевые слова: гендер, адаптация, студенты, девушки, юноши, образование.

Abstract

In this article the problem of adaptation of students, young men and girls of the first course is considered. Success of adaptation of students to educational activity, their psychological and gender features.

Keywords: gender, adaptation, students, girls, young men, educational.

Адаптация человека всегда являлась актуальной проблемой во все времена. Человек должен уметь приспосабливаться к разным условиям среды, уметь использовать знания которые он приобретает в ходе развития и становления личности. Адаптация молодежи к студенческой жизни – это сложный и многогранный процесс, так как он представляет собой усвоение новой социальной роли – студент, адаптирование к новой системе обучения и системе социальных отношений. Для того чтобы студент мог успешно адаптироваться необходимо учитывать его психологические и гендерные особенности. Студенты первого курса представляют собой социальную группу, объединенную возрастной категорией и особым видом деятельности. Существуют определенные сложности в адаптации у студентов первого курса, возникают некоторые проблемы, связанные с непривычным темпом работы и большим количеством информации [2].

В процессе гендерной адаптации индивид соотносит свои умения и навыки не только с психической реальностью, но и с природной сущностью, как своего, так и другого пола, а также и с характером взаимоотношений полов, которые складываются в данном обществе. Так же в данном процессе индивид испытывает нормативное и

информационное давление со стороны окружения. От адекватности восприятия себя и окружающих, будет зависеть эффективность полоролевой адаптации [4].

В учебной сфере гендерные представления преподавателей влияют на формирование благоприятной среды для успешного развития личности студента. На первом курсе преподаватели ожидают от студентов мужского и женского пола разного поведения, отношения к учебной деятельности и различных достижений, помимо учебы (Штылева Л. В.) [6]. Известно, что гендерно-ролевое поведение студента является показателем адаптации в образовательной среде, потому что оно характеризует содержание подготовки будущего специалиста и соединяет в себе такие компоненты как: профессионализм и общий уровень культуры, культуру общения и поведения. Данное поведение является характеристикой адаптации и проявляется в стереотипах, нормах поведения, в особенностях женского и мужского взаимодействия и отношениях к своему «второму» полу. При выполнении учебной деятельности, формируется стиль гендерно-ролевого поведения и опыт деятельности, которые вырабатываются на основе ценностей [1]. Так же студентам просто необходимо иметь окружение, в котором они будут находиться большую часть своего времени, часто в одну группу попадают юноши и девушки из разных городов и с разным социальным уровнем [5]. Как правило, к девочкам предъявляют более высокие требования в отношении учебы и успеваемости, чем к мальчикам, так как родители воспитывают своих дочерей на основе моральных и нравственных норм, в отличие от мальчиков, которых воспитывают на приобретении достижения [3].

Теоретические взгляды стали предпосылкой для нашего исследования. Цель – изучение гендерных особенностей процесса адаптации к обучению в Вузе у студентов первого курса. Для реализации цели была выбрана группа студентов первокурсников, из них 73% девушки и 27% юноши.

В нашем исследовании мы использовали такие методики как: диагностика социально-психической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; методика Ф. Фидлера для оценки психологической атмосферы в группе; методика исследования адаптированности студентов в Вузе Т. Д. Дубовицкой.

Анализ результатов по методике Ф. Фидлера показал, что группа имеет неустойчивый, но достаточно благоприятный климат. В котором присутствуют некоторые противоречия между положительными, деловыми и эмоциональными взаимоотношениями, среди наиболее активных его членов и отрицательным напряжением среди тех, кто не разделяет общественного мнения актива, установок руководителя.

По методике социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда показал что, по шкале «адаптация» 73% человек имели высокий уровень приспособления к существованию в обществе в соответствии с его требованиями, и с собственными потребностями, мотивами и интересами, из них 69% девушки и 31% юноши. Низкий уровень приспособления имели 27% человек, из них 84% девушки и 16% юноши. По шкале «принятия себя» 68% человек не принимают себя, то есть они имеют неудовлетворенность к своим личностным качествам, из них 68% девушек и 33% юношей. А 32% человек принимают себя и имеют удовлетворенность в своих личностных качествах. По шкале «принятие других» 86% человек имеют потребность в общении, взаимодействии, совместной деятельности, из них 75% девушек и 25% юношей. Остальные 14% не имеют потребности во взаимодействии с людьми, из них 67% девушек и 33% юношей. По шкале «эмоциональная комфортность» 73% человек имеют определенность в эмоциональном отношении к происходящей действительности, окружающим предметам и явлениям, где 75% девушек и 25% юношей. Остальные 27% не имеют определенности в эмоциональном отношении, окружающим предметам и явлениям, из них 67% девушек и 33% юношей. По шкале «внутренний контроль» 64% человек несут ответственность за события, происходящие в жизни человека, все события принимаются в большей мере на себя и результаты деятельности объясняют своим

поведением, характером, способностями, из них 72% девушек и 28% юношей. По внешнему контролю 36% человек не воспринимают все происходящее на себя, и большинство результатов своей деятельности объясняют везением или чудом, из них 75% девушек и 25% юношей. По шкале «доминирование» 41% человек имеют потребности к доминированию, и лидерству, где 56% девушек и 44% юношей. Остальные 59% имеют потребность в подчинении, руководстве над собой, из них 82% девушек и 18% юношей. По шкале «эскапизм» 73% человек имеют тенденцию избегать проблем и проблемных ситуаций, где 65% девушки и 35% юноши. Не избегают проблемы и проблемные ситуации, а решают по мере поступления 27% человек, из них 83% девушек и 17% юношей. Процентное соотношение представлено на рис. 1

Рис. 1 – Результаты исследования по тесту социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Анализ результатов по методике адаптированности студентов в Вузе Т. Д. Дубовицкая показал что, комфортно чувствуют себя в группе 68% человек, они легко находят общий язык с однокурсниками, следует принятым в группе нормам и правилам. При необходимости могут обратиться к однокурсникам за помощью, способны проявлять активность и взять инициативу в группе на себя, из них 67% девушек и 33% юношей. Имеют трудности в общении с одноклассниками 32%, им сложно найти общий язык с одноклассниками, они не разделяют принятые в группе нормы и правила, из них 86% девушек и 14% юношей. Легко осваивают учебные предметы 68% человек, они успешно и в срок выполняет учебные задания, при необходимости могут обратиться за помощью к преподавателю, свободно выражают свои мысли, могут проявить способности на занятиях, из них 80% девушек и 20% юношей. С трудом осваивают учебные предметы и выполняют учебные задания 32%, им трудно выступать на занятиях, выражать свои мысли. При необходимости они не могут задать вопрос преподавателю, из них 57% девушек и 43% юношей. Процентное соотношение представлено на рис. 2

Рис. 2 – Результаты исследования по методике адаптированности студентов в вузе Т. Д. Дубовицкая.

Также для обработки данных и установления разницы в адаптации между девушками и юношами, был использован корреляционный анализ t-критерия Стьюдента.

По шкалам адаптации, принятию других, эмоциональной комфортностью и стремлению к доминированию из методики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда наблюдалась ускоренная тенденция у девушек, однако корреляционный анализ показал, что по всем шкалам значимых различий между девушками и юношами не обнаружено. Данные корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные данные социально-психологической адаптации по методике К. Роджерса и Р. Даймонда

Шкалы	Пол	tэмп	Среднее значение
Адаптация	Женский	0,24	112,75
	Мужской		108,33
Принятие других	Женский	0,98	23,94
	Мужской		20,67
Интернальность	Женский	0,13	46,19
	Мужской		47,17
Эмоциональная комфортность	Женский	0,37	23,62
	Мужской		21,67
Самовосприятие	Женский	0,71	32,69
	Мужской		37
Стремление к доминированию	Женский	1,88	19,38
	Мужской		13,83

Уровень значимости при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования различий по результатам методики адаптированности студентов Т. Д. Дубовицкой, не показал значимых различий в адаптации первокурсников. Данные корреляционного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительные данные адаптированности студентов в вузе по методике Т. Д. Дубовицкой

Шкала	Пол	tэмп	Среднее значение
Адаптация	Женский	0,48	20
	Мужской		21,5

Уровень значимости при $p \leq 0,05$.

Таким образом, по результатам проведённых методик можно сделать вывод о том, что атмосфера в коллективе довольно благоприятная, так как студенты проявляют себя и стараются занять определенные позиции и роли в группе. Анализируя девушек и юношей по методикам К. Роджерса, Р. Даймонда и Т. Д. Дубовицкой можно подвести итог, что между девушками и юношами существуют некоторые отличия в адаптационном процессе, девушки больше направлены на процесс обучения, а юноши на адаптацию в группе. Девушки лучше воспринимают других, нежели себя, у них уровень эмоционального комфорта выше, чем у юношей, и они в большей степени склонны к ведомости, и решению проблем, чем юноши. Корреляционный анализ показал, что

значимые отличия отсутствуют, это значит, что в целом девушки и юноши первого курса проходят процесс адаптации идентично.

1. Багичева, Ж. Б. Гендерный подход как условие адаптации студента к образовательной среде педагогического вуза [Электронный ресурс] / Ж. Б. Багичева— Режим доступа: disserCat — электронная библиотека диссертаций Дата обращения: 05.11.2018.
2. Бахтин, М. М. Психолого-педагогические проблемы оптимизации к философии поступка [Текст]/ Философия деятельности преподавателя вуза М. М. Бахтин. – Москва: межвузовский тематический сборник, 1986. С. 223.
3. Джафарова, К. Р. Гендерные особенности социальной адаптации юношей и девушек в современных условиях [Текст] // К. Р. Джафарова – Курск : Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов, 2013. С. 47–49.
4. Национально психологическая энциклопедия [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/gendernaja-adaptacija.html> Дата обращения: 05.11.2018.
5. Репьева, Н.Г. Проблема адаптации студентов первого курса к обучению в вузе [Текст] // Н.Г. Репьева – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015.
6. Штылева, Л. В. Исследование гендерных характеристик студентов [Текст] / Гендерная психология. Коллектив авторов 2–е изд. Л. В. Штылева Под ред. И. С. Клециной – Санкт-Петербург, 2009. 496 с.

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ

Дронов А.И.

Космическая деятельность в процессах глобализации

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-47

idsp: ljournal-01-2019-47

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы связи космической деятельности с глобалистикой. Дается обоснование смысловой трансформации понятия глобализации. Прослеживается путь «вхождения» освоения космоса в цивилизационные процессы и определяется его роль в решении глобальных проблем. Анализируются особенности развития космонавтики на современном этапе и перспективы реализации проектов космической деятельности в обозримом будущем.

Ключевые слова: глобализация, космоглобалистика, космическая деятельность, освоение космоса, космонавтика, экзосфера.

Abstract

The article deals with the problems of the connection of space activities with globalistics. The substantiation of semantic transformation of the notion of globalization is given. The path of the "entry" of space exploration into civilizational processes is observed and its role in solving global problems is determined. The features of space development at the current stage and the prospects for the projects of space activity in the foreseeable future are analyzed.

Keywords: globalization, space activity, global space technosphere, space exploration, extraterrestrial resources.

Проблемы освоения космоса в контексте теории глобалистики стали обсуждаться с конца 70-х гг. прошлого столетия (в частности, они получили освещение в исследованиях А.Д. Урсула, Г.С. Хозина, Ю.А. Школенко и др.). По этим проблемам за прошедшие десятилетия были опубликованы отдельные статьи и разделы в монографиях [1]. В данной статье попробуем обозначить новые аспекты космоглобалистики в соответствии с меняющимися условиями глобального мира и развитием космонавтики.

Общетеоретические и методологические посылки. Понятия «глобальные проблемы», «глобальная деятельность», «глобализация» последовательно входили в науку, начиная с 60-х годов XX века. По классическому определению глобальными называют проблемы, которые затрагивают интересы всего человечества и каждого человека в отдельности, имеют международный и планетарный характер, предполагают для своего решения сотрудничество всех стран и народов мира. При этом особо подчеркивается, что субъектом глобальной деятельности призвано выступать интегрированное в социально-экономических, научных и технологических средствах мировое сообщество.

Под глобализацией здесь в первую очередь понимается закономерный исторический процесс, начавшийся с создания мирового экономического рынка и распространения базисных ценностей техногенной цивилизации по всему земному шару. Полномасштабно этот процесс развернулся в XX веке, что породило феномен глобальной деятельности и связанные с ней общемировые проблемы. Ряд глобальных проблем обострен до кризисных состояний (особенно проблемы, связанные с экологией, международным терроризмом и угрозой развязывания войны с

использованием оружия массового поражения). Однако глобализацию сопровождали не только негативные эффекты, но и позитивные социально-экономические и технологические сдвиги, к которым, в частности, относится создание и использование средств космонавтики в интересах всех людей, населяющих земную планету.

На современном этапе глобализацию активно используют элитарные силы, ассоциированные с «золотым миллиардом» и сопряженные с транснациональными корпорациями, которые направляют ее в соответствии со своими узко обозначенными интересами, сталкивающимися с экономическими интересами отдельных государств (в первую очередь стран с развивающимися экономиками). Встав на позицию этих государств, разделяемую и Россией, резонно сформулировать иной подход к стратегии глобализации: «элитарный эгоизм» должен уступить место «ноосферному императиву», в соответствии с которым управление глобализацией со стороны мирового сообщества (если такое управление в принципе допустимо) должно строиться не на насаждении «моделей» цивилизационного развития, а на создании международноправовых и экономических условий для добровольного вхождения всех стран и народов мира в ноосферное общество, как новую общественную формацию. В данном контексте понятия «ноосферное общество», «ноосферная цивилизация» составляют один смысловой ряд с исходным понятием «ноосфера» в трактовке В.И. Вернадского [2, с. 118-147].

В связи с анализом понятий нельзя не отметить одну методологическую тенденцию. Появление в науке нового понятия часто сопровождается его трансформацией, а в итоге смысловой дисперсией, порождающей дискретное смысловое поле, крайние зоны которого представлены широкими и узкими по смыслу понятиями. [В качестве ремарки: дискретное поле с набором смыслов при терминологическом инварианте в пределе дает омонимы, а с набором терминов при смысловом инварианте – синонимы].

Относительно понятия глобализации сейчас наметился сдвиг в область его узкосмысловой трактовки (особенно в публицистике). В результате появилось два дискретно-смысловых образования: 1) понятие глобализации, приближенное к логическому ряду «глобалистика», «глобальная деятельность», «глобальные проблемы» – в широком смысле; 2) понятие глобализации как навязывание «элитарными силами» цивилизационных стереотипов – в узком смысле. Однако здесь вполне применим принцип соответствия: глобализация как «навязывание цивилизационных стереотипов» есть лишь частный случай – локально-историческое проявление универсальных процессов глобализации.

Глобализация, трактуемая как закономерное историческое развитие, может проявлять себя на трех уровнях: на субглобальном – региональном и локальном (Евразия, Западная Европа, Ближний восток, отдельные страны); на собственно глобальном – в масштабах планетарного сообщества, соизмеримого с человеческой цивилизацией; на глобально-космическом – с практическим выходом социума за пределы Земной планеты в формирующуюся систему «Человечество – Земля – Космос».

Что касается первого уровня, то его проявление наиболее выразительно описывается тезисом, выдвинутым в рамках глобалистики еще в 1980-х гг.: «Думать глобально, действовать локально». Второй – глобальный уровень – основной, и именно от его наполнения зависит эффективность глобальной деятельности мирового сообщества, цель которой заключается в реализации модели его устойчивого развития, в предотвращении экономических и экологических кризисов, в исключении военно-политических эксцессов. Выход на третий – глобально-космический уровень – требует от цивилизации больших ресурсных затрат и усилий в международном сотрудничестве. В создании глобально-космической техносферы заинтересовано все человечество хотя

бы потому, что она способна обеспечить в будущем защиту социобиосферы Земли от угроз, исходящих из космоса (в частности, от «астероидных атак»).

Особенности «вхождения» освоения космоса в процессы глобализации. Практическая космонавтика зарождалась и становилась параллельно с активным развертыванием глобализации. Насколько такая параллель не случайна, могла ли космическая деятельность реализоваться в доглобализационный период? Очевидно, что совпадение в историческом времени процессов активной глобализации и реализации практической космонавтики явление закономерное: освоение космоса по природе своей соизмеримо с глобальной деятельностью человечества.

Во-первых, потребность в использовании средств космонавтики объективно имеют все народы мира, все человеческое сообщество. Во-вторых, освоение космоса в силу масштабности проектов предполагает разностороннее сотрудничество государств. Эта сфера – высокочатратна. Не случайно поэтому Россия, приняв от СССР космические программы, вынуждена была их сократить. А США, заинтересовавшись орбитальными станциями, не только по технологическим (перенять российский опыт), но и по экономическим соображениям (снизить за счет партнерства собственные затраты) приняли решение об участии в программе МКС. Еще более затратными будут проекты индустриализации Луны, пилотируемых полетов к планетам, что по силам может оказаться лишь международному сообществу. В-третьих, освоение космоса органично вписывается в процессы глобализации еще и потому, что оно способно оказать содействие в решении других глобальных проблем (в экологии, в изучении изменения климата, в ресурсообеспечении, в предсказании стихийных бедствий и др.).

Являясь глобальной, проблема освоения космоса имеет определенное своеобразие, связанное с тем, что инженерно-технологические комплексы космонавтики базируются и на Земле, и в космосе. Тем самым космонавтика, корнями уходя в наземное производство, своей орбитально-спутниковой, а в перспективе экзоиндустриальной кроной расширяет земную социосферу за пределы планеты, переводит процесс освоения и присвоения человеком природы на глобально-космический уровень.

В научной литературе терминологическая связка «освоение и присвоение природы» используется редко. Однако в международном космическом праве понятие «присвоение» нашло отражение. Оно не должно восприниматься с негативным подтекстом: как покорение, безудержная экспансия, граничащая с экологической агрессией – взять от природы все, не думая о разрушительных последствиях. Не исключено, что в нем просматривается аналог с освоением и захватом новых земель на американских континентах в период великих географических открытий, что было связано с разрушением коренных этнических культур. В космическом варианте это маловероятный сценарий: на объектах Солнечной системы разумной жизни (космоэтносов) не обнаружено. Допуская в перспективе колонизацию планет землянами (государствами или частными корпорациями), следует предвидеть актуализацию правового смысла термина «присвоение», причем, не зависимо от того, сохранит ли к тому времени свою юридическую силу запрет на присвоение внеземных пространств и естественных объектов [3].

Формирование глобально-космической техносферы началось с запуска в 1957 году первого искусственного спутника Земли: это событие ознаменовало начало космической эры, что утверждено решением конгресса Международной астронавтической федерации (Белград, 1967 год). Выход в космос представлял собой первый шаг к преодолению планетарных масштабов деятельности. При этом разделение пространства Земли и космоса, не будучи формально закрепленным в международном космическом праве, на практике было признано всеми субъектами космической деятельности: во избежание эксцессов, связанных с проникновением спутниковых аппаратов в зоны над территориями суверенных государств, принято

считать, что космическое пространство начинается с высоты 100-110 км над уровнем океана.

Придерживаясь концепции «космического оптимизма», нельзя уйти от признания необходимости масштабных проектов освоения космоса. Такая концептуальная позиция представлена классиками русского космизма и продолжена космистами «второй волны» уже в период после начала космической эры. Среди классиков русского космизма в первую очередь следует назвать Н.Ф. Федорова, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского [4].

Во второй половине XX столетия их идеи получили дальнейшее развитие в работах Е.Т. Фаддеева, А.Д. Урсула, Ю.А. Школенко, В.В. Казютинского и др. Причем, исследования, посвященные проблемам развития космонавтики, претерпели эволюцию «позиционирования» в отношении к самой космонавтике: от преобладания идеологической парадигмы эйфории и оценки неограниченных возможностей в освоении космоса к нарастанию критики результатов космической деятельности и необходимости смены парадигмы, поиска новой стратегии, нового общественного договора в сфере реализации проектов освоения космоса [5, с. 183].

В работах, вышедших после начала практического освоения космоса, прогнозы на развитие космической деятельности подкрепляются развернутыми инженерно-техническими проектами. Одним из таких является проект, предложенный К.А. Эрике по индустриализации геолунного пространства, включающей создание «Астрополиса» (урбанизированного производственного комплекса общей массой всех агрегатов до 15 тыс. тонн и с астроинженерным персоналом до 1000 человек) и осуществление первого этапа индустриализации Луны. Вероятно, под впечатлением успехов практической космонавтики К.А. Эрике спрогнозировал воплощение своего проекта в предельно короткие сроки: в 90-е годы – создать первый «Астрополис», не позднее 2001 года – приступить к индустриализации Луны [6].

С позиции человека, живущего во втором десятилетии XXI века, такой проект может показаться наивным. Однако не следует забывать, что разрабатывался он почти сорок лет назад, после периода наиболее ощутимых сдвигов в развитии мировой космонавтики – создания космической индустрии, производства мощных ракет-носителей и пилотируемых аппаратов, успешного осуществления целого ряда лунных программ. Конечно, уже тогда отчетливо просматривались те факторы, которые не учитывались К.А. Эрике при определении сроков развертывания экзоиндустрии.

Во-первых, начальный этап развития космонавтики имел по преимуществу земную направленность, т.е. был ориентирован, прежде всего, на потребности земной экономики, на использование информации, полученной из космоса, для науки, метеорологии, экологии и других сфер. Развернуть в короткие сроки космонавтику в сторону экзоиндустрии даже с чисто производственно-технологической точки зрения в то время было проблематично: не была разработана технология строительства крупных орбитальных и лунных модулей; для обеспечения экзоиндустрии требовался более мощный, экономичный, экологически безопасный и надежный космотранспорт; далеко не до конца были изучены возможности и последствия пребывания людей в условиях космоса, его воздействия на жизнедеятельность человека – будь то орбитальные станции, летательные аппараты для экспедиций к Луне или физические условия на самой Луне.

Во-вторых, с расширением масштабов освоения космоса экономические затраты экспоненциально возрастают. Так, программа «Аполлон» при всей привлекательности пилотируемых полетов к Луне оказалась весьма дорогостоящей: обошлась американцам в 25 млрд. долларов – цифра по тем временам внушительная. Куда более затратными могли бы стать программы осуществления экзоиндустрии. Как показывают расчеты, на создание элементарного производственного комплекса вне Земли – «Астрополиса» при его весе в 6 тыс. тонн и при использовании транспортных средств,

соизмеримых по экономичности с современными космолетами, может уйти более 500 млрд. долларов. Это притом, что не берутся в расчет расходы на его последующее функционирование и производственную эксплуатацию.

Более реалистичными, хотя и требующими существенной коррекции с позиции современного видения перспектив дальнейшего освоения космоса, являются прогностические данные, полученные с помощью методики Дельфи при участии 15 экспертов из США и Великобритании, которым были предъявлены вопросы относительно будущего развития космонавтики: создание «Астрополиса» – 2024 год; полет человека в систему Юпитера – 2029 год; быстрый, надежный космотранспорт и интенсивное использование ресурсов Солнечной системы – 2040 год; первый полет летательного аппарата за пределы Солнечной системы – 2054 год [7].

Учитывая общемировые тренды развития цивилизации (не ослабевающий глобальный экономический кризис, продолжающаяся неоправданная трата огромных средств на вооружения, международные конфликты, мешающие сближению наций и углублению научно-технического сотрудничества, явное замедление инновационных темпов в космической отрасли), вряд ли стоит рассчитывать на то, что и этот прогноз окажется более-менее верным. Думается, большая часть приведенных событий по времени должна быть отодвинута к концу начавшегося столетия. А такие события, как интенсивное использование ресурсов Солнечной системы и полет за ее пределы, вообще могут осуществиться не раньше XXII столетия.

Такая оценка перспектив освоения космоса обусловлена еще и тем, что в определенный момент в обществе обозначилось охлаждение к новым космическим программам. Особенно ощутимо было снижение интереса к космонавтике в 90-е годы, на что в немалой степени повлиял распад СССР, который до этого являлся одной из ведущих космических держав в мире. На фоне своего экономического спада Россия, как преемница накопленных средств отечественной космонавтики, вынуждена была свернуть ряд космических программ. В тот период сократились инвестиционные проекты и замедлились темпы развития космонавтики и в других странах. Правда, в последние годы наметилось некоторое оживление в этой сфере: явно активизировался Китай, в России будущие проекты освоения космоса связываются с эксплуатацией нового космодрома «Восточный», в США периодически возвращаются к идее освоения Луны и пилотируемого полета на Марс.

Процессу торможения в развитии космонавтики способствует также отсутствие инноваций в разработке транспортных космических средств. Для существенных сдвигов в освоении космоса необходимо создать летательные аппараты, удовлетворяющие целому ряду требований: более высокая, чем у современных космолетов, грузоподъемность, ниже затраты на доставку грузов в космос, высокая степень безопасности, минимизированное негативное воздействие на окружающую среду. Не оправдал себя в этом плане «Шаттл», при создании которого предполагалось снизить затраты на 1 кг вынесенного на орбиту полезного груза с 1,5-2,5 тыс. долларов, что было в 80-х гг. нормой для одноразовых ракет-носителей, до 400 долларов. В реальности расходы оказались значительно выше. Уровень безопасности на «Шаттлах» также оказался под сомнением, особенно после катастрофы в 2003 году «Колумбии». Более мощными и экономичными могут стать космолеты с ядерными двигателями большой тяги. Однако ответ на вопрос, будут ли они более безопасными и экологичными, представляется далеко не однозначным.

Вместо заключения. При всех неизбежных трудностях, с которыми сталкивается освоение космоса, интерес к реализации новых космических программ в обществе сохраняется. В проявлении такого интереса, в активизации развития космонавтики прослеживается некоторая периодичность. Не исключено, что по аналогии с циклами экономического развития, впервые подробно описанными Н.Д. Кондратьевым [8], могут существовать и циклы развития космической деятельности. Факторы,

оказывающие влияние на периодичность развития космонавтики, требуют специального рассмотрения. Здесь же подчеркнем, что освоение космоса, ставшее одним из направлений глобальной деятельности человеческой цивилизации, за сравнительно короткий исторический период само превратилось в фактор процессов глобализации, в эффективное средство решения наиболее важных глобальных проблем.

1. Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная: Философские проблемы космонавтики. – М.: Мысль, 1977; Хозин Г.С. Глобальные проблемы современности: критика буржуазных концепций. – М.: Мысль, 1982; Дронов А.И., Урсул А.Д. Глобальные проблемы освоения космоса (к формированию космической глобалистики) // В кн.: Глобальные проблемы социального развития (философско-методологические аспекты). – Кишинев: Штиинца, 1988; Дронов А.И. Освоение космоса в процессах глобализации // В кн.: Основные проблемы глобального мира. – Калуга: Издательство КЦДО, 2009; Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. – М.: Издательство Московского университета, 2012, с. 401-578.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.
3. Такой запрет прописан в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
4. Лыткин В.В. Космические альтернативы человечества: социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма: монография. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2012.
5. Кричевский С.В., Дронов А.И. Космонавтика и общество: опыт, проблемы, перспективы // К.Э. Циолковский и инновационное развитие космонавтики: материалы XLVIII Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. – Калуга: Издательство «Эйдос», 2013.
6. Эрике К.А. Будущее космической индустрии. – М.: Машиностроение, 1979.
7. Martin A.R. A Delphi experiment on mankind's interstellar future. – Journal of the British Interplanetary Society, 1983, N 11, p. 510-516.
8. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ

Фортунова М.Г.

Информационные факторы формирования конфликтогенных этнических стереотипов*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-48

idsp: ljjournal-01-2019-48

Аннотация

Представленная статья посвящена формированию новых и актуализации уже существующих конфликтогенных этнических стереотипов в современном обществе посредством специфического употребления единиц языка в средствах массовой информации (СМИ). Изначально предназначенные для информирования общественности о ключевых событиях в стране и за рубежом, СМИ превратились в средство подсознательного воздействия на аудиторию с целью формирования определенного и устойчивого отношения к событиям и процессам в жизни общества. Путем анализа некоторых российских печатных изданий показано навязывание конфликтогенных стереотипов этнополитического противостояния на Украине в 2014-2015 гг.

Ключевые слова: СМИ, этнический стереотип, этнополитический конфликт, манипулятивные технологии.

Abstract

The article focuses on the formation of new conflict-generating ethnic stereotypes in terms of modern society and actualization of existing ones through the specific use of language units in the media.. Originally intended to inform the public about key events in the country and abroad, the media turned into means of subconscious impact on the audience with the aim of forming a certain and sustained attitude to events and processes in public life. The imposition of conflictogenic stereotypes of the ethno-political confrontation in Ukraine in 2014-2015 is illustrated by an analysis of some Russian printed publications.

Key words: Media, ethnic stereotype, ethno-political conflict, manipulative technologies

Для современного общественного устройства характерно проникновение информационного аспекта во все сферы жизни. И, безусловно, в формировании духовно-нравственных, эстетических, политических ценностей, при решении идеологических задач общественного развития значительную роль играют средства массовой информации (СМИ). Современные СМИ сами выбирают определенную трактовку при освещении политических, международных событий, зачастую отражая государственную идеологию и конструируя искусственную социальную реальность. В зависимости от различной социально-политической ситуации СМИ могут выступать не только в роли посредника в диалоге, но и в роли консолидатора общества, организатора, просветителя и т.д. Известный социолог С.Г. Кара-Мурза отмечает, что СМИ стали главным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание и предлагает принять как догму, что СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации [1].

Все происходящие в настоящее время изменения в обществе находят свое отражение и в языке средств массовой информации. К концу XX века язык СМИ стал более разговорным, использует приемы, характерные преимущественно для устной речи. Это во многом облегчило задачу речевой манипуляции в лексическом выражении. Главную роль в этом процессе играет концептуальная информация текста. Используемая

терминология, риторика по разному «окрашивает» мысли и управляет восприятием действительности. Очень часто используются лексико-стилистические средства (метафоры, метонимия, сравнение, эпитет и пр.). Лексико-синтаксические средства представляют собой слова с особыми семантическими отношениями: синонимы, антонимы, гиперонимы [2]. Зачастую используются фразеологизмы, пословицы, клише. Поэтически выраженная мысль рождает определенные стереотипы.

Лексико-прагматические средства включают лексику с отрицательной или положительной оценочной или идеологической коннотацией: ярлыки, прозвища, клички, гиперболы, пейоративы, дисфемизмы. Лингвистический подход, используемый в анализе социально-политического дискурса основан на анализе политического языка, используемого в манипулятивных целях. Американский социолог Гарольд Лассуэлл разработал целую систему определения влияния определенного сочетания слов на создание «политического мифа». В основу легли методы семантического анализа текстов, когда для искажения истинного смысла используются те или иные конкретные слова. Известный С.Г. Кара-Мурза выделил основные методы, применяемые СМИ в манипулировании общественным сознанием. Это:

- высокая концентрация неологизмов и заимствованных слов;
- использование особого «новояза», слова которого не обросли ветвями смыслов и ассоциаций, свойственных истинному слову, исторически закрепившемуся в языке;
- предложение срочности, сенсационности в сообщении;
- нагнетание тревожности, препятствующей осмыслению.

События на Украине в период 2014-2015 гг. способствовали появлению в СМИ, в том числе и российских, целого арсенала публицистических средств, отражающих социальные, политические и этнические реалии. В данный период тема Украины активно использовалась во всех мировых СМИ. Российские журналисты, теле-, радиорепортеры, интерпретируя события на Украине, в своих публицистических очерках и статьях активно используют лингвостилистические средства, способствующие развитию этнополитической конфликтной ситуации вплоть до разжигания межнациональной розни. Клишированные фразы, фразеологические единицы, вошедшие в арсенал российских СМИ, зачастую имеют национально-специфичный характер. Освещение событий на Украине стало и объектом лингвистических исследований. И. А. Сергеева и А. П. Чудинов дали метафорическую интерпретацию событий в Крыму [3]. А.О. Уржумцевой проанализированы метафоры, создающие образ Украины, России и Европейского союза: «При метафорическом обозначении объекта ему могут быть приписаны новые свойства...» [4]. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине дана Э.В. Будаевым и В.В. Корейко: «...основным средством репрезентации кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов являются антропоморфная, театральная, зооморфная, игровая, морбиальная метафора, а также метафора родства...» [5]. Ряд исследований посвящен изучению конфликтных речевых тактик. Например, А. А. Алексеева на материале страниц групп социальной сети «ВКонтакте» рассмотрела конкретные языковые средства реализации таких тактик, как «насмешка, переход на личности (снижение статуса собеседника и оскорбление собеседника), оценка, нарочитая интеллигентность, обобщения (наклеивание ярлыков)» [6] при обсуждении присоединения Крыма к России и последствий этого действия.

В данном же исследовании предпринята попытка анализа массива информации и социальных действий исследуемой совокупности с целью выявления степени концентрации в средствах массовой информации негативных этнических стереотипов конфликтного характера при освещении событий на Украине в период 2014-2015 гг. «Общественное сознание взбудоражено столь масштабным событием, втянувшим в вооруженный конфликт тысячи соотечественников. Россияне наблюдали, как постепенно политический конфликт стал все более приобретать формы межэтнического, происходила

его этнизация, переросшая в этническую мобилизацию сторон» [7]. А.В. Дмитриев утверждает, что «зачастую многие стереотипы оказываются чрезвычайно конфликтогенными...Нас в данном случае интересует этнический стереотип, который представляет собой разновидность социального стереотипа, относящегося не столько к индивиду, сколько к социальным группам разного рода, к диаспорам в данном случае. В конфликтологии этот вид стереотипа наиболее значим, поскольку он часто определяет свою остроту с вектором возможного межнационального столкновения [8].

Анализ проводился на обширном языковом материале, включающем в себя тексты ведущих российских печатных СМИ. Предметом исследования послужили речевые стратегии и тактики, а предметом анализа – степень концентрации конфликтогенных стереотипов в информационных сообщениях на различных этапах этнополитического противостояния. Совокупность изучаемых источников: статьи, заметки. Среди авторов материалов встречаются журналисты, чиновники. Проанализированы материалы следующих печатных изданий: «Российская газета» [9], «Известия» [10], «Московский комсомолец» [11], «Комсомольская правда» [12].

Выбор печатных СМИ был обусловлен тиражом, периодичностью выхода и социальной динамикой аудитории. Проведен интент-анализ текстов порядка тридцати статей в вышеперечисленных печатных изданиях, общая тематика которых – обострение этнополитического конфликта на Украине. В качестве основной единицы дискурса выбраны визуально определяемые отдельные высказывания.

Глобальные преобразования, происходящие на Украине, обогатили язык новыми лексическими единицами и арсенал российских СМИ активно пополнялся неологизмами, «новоязом», лозунгами, призывами. Представители прессы параллельно с этим использовали и украинский лексический фонд. С помощью рефлексивов изменялась информативность текста и категория модальности.

Во многих исследованных материалах используется прием «приклеивание ярлыков» - *namescalling*, при котором вдобавок используются неологизмы, прочно вошедшие в арсенал российских СМИ. В этом случае информационная функция СМИ отодвигается на второй план, а на первый выходит стремление коммуниканта внушить аудитории определенную картину происходящих событий. Наряду с официальными названиями частей Украины (Восток Украины, Юго-Восток, Новороссия, самопровозглашенные республики, Донецкая народная республика, Луганская народная республика), используются неофициальные и оскорбительные («Укропия», «Бандерлогия», «Даунбасс», «Луганда»). Рядовые участники конфликта: нацгвардейцы, силовики и граждане Украины, поддерживающие евроинтеграцию, зачастую выступают как «укропы», «укры», «правосеки», «эсбэушники. Происходит замена определения какого-либо субъекта на дисфемизм, при этом в корне изменяется его сущность, снижается его социальный статус и унижается национальная принадлежность. Надо отметить, что огромное количество эпитетов, вошедших в язык российских СМИ, связано с именем главной фигуры украинского национализма – Степаном Бандерой («бандеровские недобитки», «бандеровская идеология», «бандеровские гниды», «Бандерлогия»). Этот термин первоначально указывал на принадлежность адресата к украинско-немецкой идеологии. В СМИ такие эпитеты «навешиваются» на простых жителей Украины, поддерживающих так называемый курс евроинтеграции.

Из словосочетания «національна свідомість» (национальное сознание) образовались неологизмы «свидомый», «свидомитский» - укоренившиеся характеристики «настоящих» украинцев, разговаривающих только на родном языке и негативно относящихся ко всему русскому.

При описании событий часто используются метафоры, подсознательно включающие ассоциативное мышление. Украина часто представляется, как «рідна мати», «ненька», «незалежна Україна», Россия нередко выступает в качестве «агрессора», «северного соседа», «первородного зла». Неоднократно повторяются лозунги-реалии:

«Хай живе вільна Україна!» «Одна Україна - один народ», «Єдиний народ, єдина нація, єдина країна!». Русофобские настроения украинцев подогреваются такими высказываниями, как «злочинна Россия», «Угромаонгольська Московія». Публицистический антироссийский потенциал с каждым выпуском газет обогащался новыми терминами и девизами: «Хто не скаче, той москаль!», «Майданутые допрыгались». К этому же времени относится рождение лозунгов «Москаляку на гиляку!» и «Москаляку на ножи!» (букв. Русского – на виселицу! и Русского – на ножи!); «Нет – России! Да – Америке!»; «Москаль – це раб!»; «Геть, москалі!».

Ранее неизвестная русскому языку лексема «незалежна» за последние четыре года настолько активно использовалась в текстах российских СМИ, что уже не воспринимается, как экзотизм, а чаще воспринимается как синоним слову «Украина».

Все исследуемые материалы СМИ представляют собой различные жанры: репортажи, информационные сообщения, отчеты, интервью, комментарии и анализ и т.п.; при этом все журналисты пользовались одними и теми же источниками: собственной информацией, пресс-релизами, ссылками на другие СМИ, анонимными источниками и т.п. Однозначно можно сделать вывод, что везде подаваемая СМИ информация, как правило, сопровождалась применением неологизмов, эпитетов, метафор, придающих определенное эмоциональное окрашивание и нередко выполняющих манипулятивно-управленческую функцию. Исследование материалов печатных российских СМИ помогло выявить специфику использования российскими журналистами языковых манипулятивных средств в текстах, которые способствуют искажению фактов, формируют в сознании читателей неточные обозначения и свидетельствуют о явной русофобской направленности информационной войны на Украине. Российские СМИ используют языковые термины, появившиеся в среде участников украинских событий. Очень часто материал «украшается» украинизмами, специфической чертой которых является противопоставление своего и чужого, перерастающее подчас в межнациональное противостояние. Лексические новшества в российских СМИ достаточно четко создают две коннотационные цепочки «свой-чужой».

Отметим, что в эпоху, когда информационные войны стали реальностью, беспристрастное и объективное информирование о наиболее важных событиях перестало быть единственной целью СМИ. Очевидно, что сегодня СМИ являются мощным инструментом политического манипулирования, в том числе при освещении этнополитических конфликтов. Созданию негативных этнических образов способствуют утверждения журналистов о физической, интеллектуальной, духовной, моральной неполноценности той или иной этнической группы или отдельных ее представителей [13].

Таким образом, напрашивается вывод, что полномочия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России четко не определены и должным образом не исполняются, особенно в области нравственности и здоровья граждан. А в случае возникновения этнополитического конфликта только действия власти и печатных СМИ способны усилить или минимизировать его действия.

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием// М.: Эксмо-пресс, 2002.- 832 с.
2. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ.: Дис...канд. филолог. Наук. Уфа, 2006. 234с.
3. Серегина И.А. Метафорическая интерпретация событий в Крыму// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014, №16. С.252-255.
4. Уржумцева А.О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль Паис»// Политическая лингвистика, №2. Изд-во Уральский государственный педагогический университет. 2014. С.195-200.
5. Будаев Э.В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов// Политическая лингвистика. №4. Изд-во Уральский государственный педагогический университет, 2016. С.93-97.

6. Алексеева А.А. «Крым наш»: Конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте»// Политическая коммуникация: Перспективы развития научного направления. материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2014. С.6-10.
7. Савин С.Д. Измерение этнических конфликтов: к проблеме анализа сенситивных тем//Современные проблемы исследований транснационализма и миграции. Том II. Теория, методология, эмпирика сравнительного исследования: поэтика и практика/ Под ред. А.В. Резаева и П. Кивисто. – СПб.: Скифия-принт, 2016. С.116-131.
8. Дмитриев В.А. Этнический стереотип — конфликтоген?// Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах: сб. статей / Под ред. А.В. Дмитриева. М.: Новый Хронограф, 2016. С.41-51.
9. Известия [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/> (дата обращения: 07.02.2018).
10. Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: <http://rg.ru/> (дата обращения: 10.02.2018).
11. Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru> (дата обращения 12.02.2018).
12. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.mk.ru> (дата обращения 15.02.2018).
13. Попова В.О. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания //Вестник Пермского университета. Выпуск 2(22), 2015.- С. 89-94.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Гайфутдинов Р.И.

**Особенности Российско-Турецких отношений и перспективы преодоления
межгосударственных кризисов в современных геополитических реалиях***Дипломатическая Академия МИД России
(Россия, Москва)**doi: 10.18411/lj-01-2019-49**idsp: ljournal-01-2019-49***Аннотация**

Статья посвящена описанию состояния российско-турецких отношений в современности. В статье описывается особенность межгосударственных отношений, потенциал Российской Федерации в политическом диалоге с Турецкой Республикой, а так же возможные риски для двусторонних отношений, возникающие в результате особенностей политической жизни и современного внешнеполитического курса двух стран.

Ключевые слова: Российская Федерация, Турецкая республика, Российско-Турецкие отношения, перспективы, риски, противоречия.

Abstract

The article is devoted to the description of the state of Russian-Turkish relations in modern times. The article describes the peculiarities of interstate relations, the potential of the Russian Federation in the political dialogue with the Republic of Turkey, as well as the possible risks to bilateral relations arising from the peculiarities of political life and the modern foreign policy of the two countries.

Key words: Russian Federation, Turkish Republic, R.T. Erdogan, Russian-Turkish relations, prospects, risks, contradictions.

Введение

За временной отрезок с 2002 года и по сегодняшний день, Российско-Турецкие межгосударственные отношения претерпели значительную трансформацию. Приход к власти в обеих странах новых людей со свежими идеями и иным мировоззрением, предопределило новый вектор направления развития двусторонних государственных отношений. Отказавшись от «блокового мышления» и руководствуясь принципами прагматичности, независимости и взаимодополняемости, встраиваясь в модель современного стремительно меняющегося, все более отчетливо и ярко выражено приобретающего черты многополярного мира, эпоху глобализации, страны смогли преодолеть веками сложившиеся стереотипы и открыть абсолютно новую и уникальную страницу в истории двусторонних межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

Обоюдная политическая воля и независимый внешнеполитический курс двух стран позволили совершить существенный рывок в развитии двусторонних отношений и возвести их на качественно новый уровень. Людям, возглавляющие два государства, удалось отказаться от сложившихся стереотипов и восприятия двух стран через призму враждебности. Изменился сам подход к выстраиванию межгосударственного диалога, взаимодействия и принципов восприятия. Страны отказались от политики противостояния и враждебности в пользу выстраивания продуктивного стратегического партнерства, осознавая всю выгоду и возможные перспективы. С новыми геополитическими реалиями пришло сознание неоспоримых фактов: действуя в духе

партнерства, руководствуясь взаимными интересами и в тесном политическом взаимодействии, страны будут добиваться удовлетворения своих геополитических интересов гораздо более продуктивнее, нежели проводя контр продуктивную политику враждебности. Тем самым, Россия и Турция в корне изменив подход к взаимоидентификации, отказались от политики противостояния и семимильными шагами начали реализовывать намеченный вектор развития по выстраиванию стратегического партнерства между двумя странами.

Российско-Турецкие отношения в современных геополитических реалиях.

За полтора десятилетия выстраивания отношений в духе стратегического партнерства странам удалось создать качественно новый формат межгосударственного взаимодействия. Страны имеют положительную динамику развития практически по всем важнейшим аспектам сотрудничества, а направления стратегического партнерства охватывают самые различные отрасли государственной жизнедеятельности. Сформированы мощные платформы для координации межведомственного сотрудничества, налажен тесный политический диалог, страны реализуют крупные двусторонние стратегические проекты. Российской Федерации и Турецкой Республике удалось совершить исторический прорыв, «перезагрузив» двусторонние межгосударственные отношения, выстраивая их через призму принципиально новых принципов и подходов.

Положительные результаты расширения экономического сотрудничества, а также сотрудничество в сфере энергетики, наглядно продемонстрировали продуктивность направления политики, направленную на выстраивание и расширение двустороннего стратегического партнерства, а также тот огромный потенциал, которым обладают страны в сфере межгосударственного взаимодействия.

Политика и Новая Турция

Современная Турецкая Республика – страна с ярко выраженным восточным колоритом и новым внешнеполитическим имиджем, проповедующая новые ценности, опираясь на историческое наследие Османского прошлого, укладывающиеся в новую внешнеполитическую концепцию страны, базирующуюся на основе сборника научных трудов А. Давутоглу «Стратегическая Глубина» [5]. Такой ярко выраженный поворот «Новой Турции» на «Восток»: целый спектр кардинальных внешнеполитических преобразований (внешнеполитический курс, имидж, риторика, модель поведения, комплекс задач, основополагающая концепция и т.п.) объясняется победой в историческом 2002 году на парламентских выборах страны умеренных исламистов, и как следствие возведенные ими ценности на уровень государственной идеологии, трансформировались в мейнстрим политической мысли. Даже несмотря на частую депродуктивность и даже губительность для интересов Турецкой Республики, базовые ценности правящей партии играют огромную роль во внешней политике страны.

Ситуация с «самолетным кризисом», а так же «Сирийская война» наглядно продемонстрировали, что Турецкая Республика, как страна, позиционирующая себя лидером мусульманского мира, готова поступиться экономическими интересами ради достижения политических целей, увязывающихся в проповедуемую государством идеологию. Современная Турция готова жертвовать экономическими выгодами ради достижения политических интересов. Политика и идеология зачастую «ставятся во главе угла» турецким руководством, часто вопреки рациональности.

Российско-Турецкие противоречия

Через призму эффективного экономического и энергетического сотрудничества, страны очень долго старались «не обращать внимания» на все более накапливающиеся политические противоречия. Яркий тому пример ситуация с вхождением р. Крыма в состав Российской Федерации, который являлся важнейшим объектом внешнеполитических устремлений Турецкой Республики. Враждебная антироссийская риторика турецких СМИ и высших должностных лиц, включая многочисленные

«выпады» Президента Республики Р.Т. Эрдогана [3] , является наглядным примером наличия серьезных фундаментальных политических противоречий между двумя странами. На фоне разногласий по Крыму и кризисом в российско-украинских отношениях, грозящий перерасти в полномасштабную войну, Турецкая Республика с каждым годом укрепляет военное сотрудничество с Украиной. Турция является одним из крупнейших поставщиков после США вооружения в «Незалежную». Чего стоит только новость о скорых поставках Турцией ударных беспилотников на Украину[4]. Откровенно враждебный нашей стране курс, умело сочетается с расширением и углублением стратегического партнерства с Россией в двусторонних отношениях. Также Турция оказывает серьезную поддержку Грузии (еще одной враждебной России стране), а также занимает враждебную позицию относительно Нагорного Карабаха, являясь непримиримым соперником Армении (нашего союзника по ОДКБ).

Однако «Сирийский кризис» стал апогеем уровня обострения политических противоречий, когда Россия и Турция оказались в сложнейших геополитических реалиях «по разные стороны баррикад». Именно «Сирийский кризис» наглядно продемонстрировал, преподав жестокий урок субъектам политических процессов, невозможность построения полноценного стратегического партнерства с соответствующим уровнем доверия и межгосударственного сотрудничества и возможностью оперативно и эффективно реагировать на возникающие угрозы и вызовы, имея серьезные политические противоречия, невзирая на какие либо экономические успехи.

Пантюркизм в Российско-Турецких отношениях

Политика Пантюркизма, реализуемая в основном путем применения рычагов «мягкой силы» является одна из самых серьезных и недооцененных проблем для Российской Федерации со стороны Турецкого партнера. Турецкая Республика проводит политику «мягкой силы» весьма успешно и эффективно, за несколько десятилетий значительно увеличив свое влияние во всем мире, в особенности на постсоветском пространстве (в основном тюркоязычных республиках) и в тюркских субъектах Российской Федерации, эффективно заполнив образовавшийся после распада СССР, вакуум.

За десятилетия свободного доступа различного рода турецких некоммерческих организаций ко многим жизненно важным сферам государственного функционирования (наука, религия, бизнес, ключевые должности во власти и различных ведомствах и т.п.), Турецкой Республике удалось «пустить корни» во многих тюркских регионах Российской Федерации, вырастив целое поколение про турецки настроенных граждан, некоторые из которых имеют возможность занимать высокие должности и обладать существенным влиянием на те или иные важные процессы, происходящие в регионе. Высокое социальное положение, всесторонняя поддержка «своих протеже», является эффективно выстроенной системой Турецкой Республики проведения «мягкой силы». Всесторонняя «обработка» населения, создание нужного политического фона, грамотная пропаганда в СМИ, эффективная работа на киберпространстве, все это является неотъемлемой частью политики «мягкой силы» Турецкой Республики. Отдельное внимание уделяется образовательному и религиозному аспекту. Долгое время «острием пантюркизма» была работа секты «Нурджулар» Ф. Гюлена. На территориях Российской Федерации открыто открывались турецкие образовательные (в основном с упором на религию) учреждения, открывались представительства в российских вузах, организовывались поездки российских студентов на обучение в Турцию, с последующим «продвижением» своих учеников на ключевые посты в важнейших сферах деятельности государства.

Многим подобным организациям позволялось вести свою деятельность безнаказанно слишком долго, что привело к «засилию» во многих тюркских субъектах, очень сильного про турецкого лобби. Они же продолжают работу по продвижению

турецких интересов по ключевым направлениям и формированию про турецкого общественного мнения на правах преемственности своих турецких учителей.

Политика «мягкой силы» постоянно трансформируется и усовершенствуется, сегодня ей уделяется особое внимание и оказывается всесторонняя поддержка со стороны турецкого государства. Официальным флагманом политики «мягкой силы» Турецкой Республики сегодня является ТИКА (Турецкое Агентство по Сотрудничеству и Координации). Помимо ТИКА действует много государственных и негосударственных институтов подобного рода (в том числе и на территории РФ) [1].

Пантюркизм - опасное для нашей страны явление, имея ввиду этническую принадлежность многих коренных народов в тюркоязычных субъектах РФ. Учитывая весьма эффективно заложенный фундамент и благоприятную почву, продуктивная турецкая политика пантюркизма может обернуться весьма тяжелыми последствиями для нашей страны .

Итоги последних парламентских выборов в Турции, позволяют констатировать тот факт, что национализм, как фундаментальный базис Пантюркизма, только усилит свои позиции на политической арене турецкого государства. Дело в том, что помимо уже ставшей традиционным, пребывание ПНД («Партии Национального Движения», националисты) в Меджлисе (союз с правящей партией Партии Справедливости и Развития), парламентские мандаты получили (право представлять свои интересы в Меджлисе) представители «Хорошей Партии» , новой партии, быстро набирающей популярность, партии откровенно националистического толка.

Националисты имеют весьма серьезное влияние на проводимую внешнюю политику, так как правящей партии приходится с ними считаться для сохранения парламентского большинства. А появление еще одной националистической партии в Великом Национальном Собрании Турецкой Республики только усилит мейнстрим националистической мысли в турецкой политике.

Вывод

Двусторонние отношения между странами за десятилетия обрели определенную тональность, прослеживается положительная тенденция их развития. Несмотря на целый ряд политических противоречий, Российская Федерация и Турецкая Республика «нащупали» тот самый импульс взаимопонимания и конструктивного диалога, который позволяет странам двигаться вперед намеченным курсом [2], успешно преодолевая «острые углы». Это является результатом многолетней системной работы по выстраиванию политического диалога и искренней политической волей руководства двух стран. Успешный тандем Российско-Турецкого взаимодействия доказал свою эффективность в том числе и в разрешении крупнейших политических кризисов. Стратегическое партнерство существенно расширяет возможности двух стран во всех жизненно важных аспектах и является весьма эффективным локомотивом продвижения своих интересов на международной арене.

Несмотря на целый ряд политических противоречий, неоспоримая всесторонняя выгода и огромный потенциал, являются определяющими факторами продолжения двумя странами курса по выстраиванию и расширению стратегического партнерства, позволяют смотреть с оптимизмом в будущее российско-турецких отношений, способные преодолеть все политические разногласия.

1. Панкратенко И.Н. «Россия-Турция: сложные нюансы взаимоотношений», М..Центр стратегических оценок и прогнозов. 2015.- 50 с.
2. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. 13.02.2009. // Официальный сайт Президента РФ// [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172/print> (дата обращения: 27.01.2019)

3. Эрдоган на встрече с Порошенко заявил о непризнании Крыма российским// Московский Комсомолец. 09.10.2017 // Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2017/10/09/erdogan-na-vstreche-s-poroshenko-zayavil-o-nepriznanii-kryma-rossiyskim.html>
4. Турция поставит Украине ударные беспилотники// EurAsiaDaily. 12.01.2019//Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2019/01/12/turciya-postavit-ukraine-udarnye-bespilotniki>
5. Стародубцев И.И. Россия-Турция: 500 лет беспокойного соседства/И. Стародубцев.- Москва: Издательство «Э»,2017.- 148с.

Доронин В.А.

Значение объектов дизайна для формирования и управления массами в социально-политических проектах

*Кубанский государственный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-50

idsp: ljjournal-01-2019-50

Аннотация

В статье рассматривается роль элементов дизайн-проектирования в методах психологического воздействия на мышление индивида с целью формирования толпы и её управления в социально-политических проектах. Выявляются инструменты дизайн-проектирования и методы психологического воздействия на мышление индивида на всех этапах формирования масс.

Ключевые слова: психология толпы, дизайн-проектирование, социально-политические проекты, бархатные революции.

Abstract

The article considers the role of design-project elements in the methods of psychological impacts on human cogitation for the purpose of the formation and the masses management in politico-social projects. The design-project tools and the methods of psychological impacts on human cogitation are identified at every step of the masses movement formation.

Keywords: mob psychology, design-project, politico-social projects, velvet revolution

В современном обществе такие феномены как митинг, демонстрация, пикет, забастовка и др. стали не менее частым событием, чем в прошлом веке, можно даже заметить увеличение частоты их применения, в связи с усовершенствованием методик, а, следовательно, и увеличением эффективности. Данные методы используются как для мелких и имеющих мирный характер проектов, например, демонстрации, приуроченные к какому-либо историческому событию, так и для крупных и радикальных, таких как цветные революции. Достаточно большой интерес среди исследователей в этих процессах вызвала психологическая часть, а именно психология толпы. Это неудивительно, ведь тот, кто может управлять активной толпой, имеет сильное оружие даже для преобразования политического строя целой страны. И, несмотря на то, что изучение поведения масс относится в большей мере к психологической сфере наук, инструментарий для необходимого воздействия на мышления человека включает немало количество объектов дизайн-проектирования.

Когда происходит какое-либо организованное движение массы людей, будь то митинг, демонстрация и др., не сложно заметить присутствие элементов дизайна. На различных шествиях масс можно видеть транспаранты, плакаты, элементы одежды, мобильные малые архитектурные объекты, особое освещение и многое другое. Причём, в некоторых случаях этих объектов так много, что по количеству носителей идентичности митинг можно сравнить с концертом, организованным какой-либо коммерческой организацией в рекламных целях, как это показано на рисунке 1.

Рисунок 1 – Концерт, организованный компанией Мегафон в г. Ставрополе в 2015 году (слева). Оранжевая революция на Украине в 2004 году (справа)

Для понимания роли того или иного инструмента дизайн-деятельности в организации толпы, в начале нужно определить цели их использования. В исследование данного вопроса большой вклад внёс Г. Лебон. Интересным является его утверждение, что «одного факта случайного нахождения вместе многих индивидов недостаточно для того, чтобы они приобрели характер организованной толпы» [4, 157]. Т.е. существует ряд мер воздействия на поведение и мышление человека, позволяющих сделать индивида частью толпы, и в дальнейшем управлять этой толпой.

Важно отметить, что эти меры воздействия основываются на следующих характеристиках толпы: анонимность, диффузия ответственности, безнаказанность, внушаемость, импульсивность, неспособность обдумывать происходящее, раздражительность, отсутствие сомнений, примитивность рассуждений, способность воспринимать только яркие образы, необходимость в вожаке [3, 110]. Именно на них опираются методы, по формированию и управлению толпы. Пальцев А.И. выделяет здесь три стадии:

- формирование недовольства, т.е. общей причины, которая объединит группу единомышленников;
- возникновение повода, который используется в качестве детонатора событий.
- обстановка после завершения массовых действий [5, 74].

На основании этого можно сформировать три последовательные задачи: формирование толпы; её удержание и управление ею; третья задача, касающаяся обстановки после завершения событий, зависит от долгосрочности проекта и может включать как полное устранение последствий, так и дальнейшее распространение и развитие проекта.

Касательно первой задачи, интересно формирование недовольства уже на этапе объединения масс на месте событий, так как в рамках данной работы рассматривается дизайн-деятельность в условиях активной толпы. Как уже было отмечено выше, попадая в толпу, индивид становится примитивен в рассуждениях. Происходит эволюционная регрессия: актуализуются низшие, филогенетически более примитивные пласты психики [5, 69]. Из чего следует, что он становится восприимчив к простым и активным элементам

в окружении, и игнорирует сложные. Поэтому неслучайно в бархатных революциях часто главной константой идентичности события оказывается цвет. Во-первых, цвет является самым простым (с точки зрения восприятия) визуальным элементом, который очень быстро идентифицируется человеком. Во-вторых, не секрет, что «цвета оказывают влияние на человеческое мышление, чувственное восприятие действительности, даже на наши поступки» [1, 6]. Например, оранжевый цвет, который использовался в бархатной революции на Украине в 2004 году, мало того, что был настолько распространён по месту события, что даже свет ночных фонарей поддерживал стилистику революции, но в то же время психологически воздействовал на подсознание присутствующих в пользу революции, так как этот цвет призывает к активности и радости [1, 78].

Для того чтобы толпа образовалась и начала увеличиваться, нужно чтобы каждый индивид внутри её ощущал себя частью чего-то большого, даже если людей не так много. Лебон отмечал, что «в известные моменты даже шести человек достаточно, чтобы образовать одухотворённую толпу, между тем как в другое время сотня человек, случайно собравшихся вместе, при отсутствии необходимых условий не образуют подобной толпы» [4, 157]. В данном случае необходимо создать иллюзию массовости. Здесь элементы дизайна могут сыграть ключевую роль. Ведь если небольшая толпа объединена насыщенной визуальной идентичностью, то она смотрится вызывающе и активно. Для наглядного примера можно поставить рядом фотографии с митингов «оранжевой революции» на Украине 2004 г. и «антикоррупционных акций» в России 2017 г., представленные на рисунке 2.

Рисунок 2 – Митинги во время «оранжевой революции» на Украине 2004 года (слева). «Антикоррупционных акций» в России 2017 года (справа)

Объединяющая идентичность важна при воздействии на мышление индивида. Человеку легче стать частью толпы, когда у него такие же элементы одежды, как и у других участников. Эта психология заложена у человека ещё с самого детства, когда, например, в школе делят класс на две команды для игры в футбол, и каждая команда отмечается определённым цветом игровых маек. Также это подтверждает единый стиль одежды у конкретных субкультур, тем более что общий внешний вид размывает социальные, возрастные и половые различия. Ведь и военные, участвуя в боевом действии, в первую очередь различают врагов и союзников по элементам одежды. Человек даже на подсознании тянется к тем, кто визуально схож с ним. Это поддерживается также желанием людей соотнести себя с какой-либо группой, и внешний вид играет здесь одну из ключевых ролей. Особенно это касается молодёжи, ведь на них делают акцент в формировании оппозиционной массы и часто устраивают целые лагеря по подготовке к цветным революциям [2; 53], так как, во-первых, молодым людям в большей мере свойственна тяга к поиску единомышленников, и объединение в группы, а, во-вторых, ей характерна мобильность, вспыльчивость, эмоциональность, легкомыслие, внушаемость, идейная неустойчивость.

После того как толпа сформирована нужно удерживать её на позиции и постоянно сохранять возбуждённое настроение людей. Здесь стоит отметить интересный феномен, который образуется внутри больших масс людей – эмоциональное кружение, когда эмоциональное состояние передаётся на психофизическом уровне контакта между организмами [5, 69]. Учитывая этот фактор и необходимость эмоционального возбуждения толпы, актуальность использования инструментов дизайна только увеличивается. Ведь часто для поддержания общего психологического настроя в эпицентре акции оборудуют место обращения лидеров движения к толпе, и чем активнее визуально оно будет выглядеть, тем больший охват оно обеспечит. Очень часто собирают целую сцену, которая способна транслировать необходимое сообщение на большое расстояние, тем более что она чаще всего ассоциируется у человека с каким-либо концертом или представлением, что рождает праздничный настрой. Даже если нет возможности организовать большую сцену, достаточно небольшого подиума, с активным на ней, как аудиально, так и визуально, образом, который будет поддерживать атмосферу окружающих людей, а эмоциональное кружение обеспечит распространение настроя и на окраины толпы.

И после завершения всех действий элементы дизайн-проектирования продолжают играть достаточно важную роль. Ведь они являются идентификатором конкретной позиции. Например, какая-либо оппозиционная сторона, противостоящая нынешней управляющей верхушке и организовавшая крупный митинг, создала насыщенный визуальный образ своей организации, который активно был введён в условия движения масс. И по окончании всех действий у присутствующих остался в воспоминаниях визуальный образ организаторов, который они смогут узнать при последующей с ним встрече. Это важный момент, так как значительная часть участников митинга могла попасть туда случайно, и участвовать в шествии под чувством общей эйфории, но в итоге даже не зная для чего устраивалась данное мероприятие, и кто это организовывал, в случае, если визуальной идентичности не было. И, наоборот, в случае присутствия идентичности акции, случайные люди на месте событий могут стать сторонниками оппозиции в дальнейшем, твёрдо зафиксировав и утвердив в памяти визуальные образы, которые будут идентифицировать организаторов не только в других мероприятиях, но и в любых коммуникационных каналах.

В конечном итоге получилось определить, что объекты дизайн-деятельности выполняют важную роль в формировании мышления индивида, необходимого при организации и управлении больших масс людей в социально-политических проектах. Связи с тем, что в толпе человек становится примитивен в восприятии, именно яркие и простые образы способны сыграть одну из ключевых ролей на всех этапах проводимой акции. Эти образы и создаёт стилистическая идентичность проводимых событий, которая:

- представляет собой активные элементы, позволяющие индивиду почувствовать себя частью большой массы людей и соотнести себя с ними независимо от возраста, социального статуса, пола и т.д.;
- позволяет организовать толпу, способную успешно провести как мирную демонстрацию, так и агрессивный митинг с элементами насилия;
- позволяет создать долгосрочные связи участников акций и его организаторов.

1. Браэм Г. Психология цвета /; пер. с нем. М.В. Крапивкиной. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 158 с.
2. Жильцо С.С. Технологии политической борьбы за власть на Украине // ПОЛИС. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 52-61.
3. Иваненко К. Психология толпы: границы изменчивости мнений // Научно-аналитический журнал обозреватель. — М., 2013. — С. 110–119.
4. Лебон Г. Психология масс и народов. — СПб.: Макет, 1955. — 311 с.
5. Пальцев А.И. Психология управления действующей агрессивной толпой в особых условиях // Сибирский международный. № 16. — Новосибирск, 2014. — С. 69–82.

Литвинова А.С.

Гражданское образование как способ социального конструирования политической культуры современного общества*Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии
(Россия, Санкт-Петербург)**doi: 10.18411/lj-01-2019-51**ids: lj-01-2019-51***Аннотация**

В статье рассматривается роль гражданского образования в социальном конструировании политических коммуникаций и политической культуры. Политическая культура анализируется как символическая матрица, в рамках которой происходит непрерывный процесс воспроизводства прошлого политического опыта и включение его структур в политическое настоящее и будущего. Гражданское образование можно рассматривать как сложную систему коммуникативных практик, интегрирующих элементы политической культуры и формирующих тип политического участия, ориентаций и ценностей. Конструктивистская составляющая гражданского образования актуализируется в результате проводимой элитами политики памяти и исторической политики, которые, определяя интерпретацию коллективного опыта в символическом пространстве, поддерживают и легитимируют существующие политико-культурные структуры общества.

Ключевые слова: политическая культура, гражданское образование, социальное конструирование, политическая коммуникация, легитимация.

Abstract

The article discusses the role of civic education in the social construction of political communications and political culture. The author analyzes the political culture as a symbolic matrix, within which there is a continuous process of reproducing past political experience and the inclusion of its structures in the political present and the future. Civic education can be viewed as a complex system of communicative practices that integrate elements of political culture and shape the type of political participation, orientations and values. The constructivist component of civic education is actualized as a result of the memory and historical policy pursued by elites, which, defining the interpretation of collective experience in a symbolic space, support and legitimize the existing political and cultural structures of society.

Keywords: civic education, political communication, social construction, political culture, legitimization

Политическая культура придает целостность и интегрированность сфере политического наряду с тем, как общенациональная культура – жизни общества в целом. Культура, благодаря заложенному в своей основе набору символов и значений, разделяемых всеми членами конкретного сообщества, выполняет коммуникативную функцию, то есть обеспечивает понимание в процессе социального взаимодействия. На основе коммуникативной функции культура выполняет также интеграционную функцию, создавая чувство общности и солидарности. Политическая культура обладает сходными функциями в рамках политического пространства. С этой точки зрения, основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности любой общественно-политической системы.

К.Ф. Завершинский рассматривает политическую культуру как процесс «понимания» (обобщения смысловых ориентаций), необходимого условия конституирования политических идентичностей, которые всегда выявляются в проекции времени (соотнесенности с «прошлым» и «будущим») и составляют содержание

политической памяти [1]. Политическая культура представляется как символическая матрица, в которой происходит непрерывный процесс воспроизводства прошлого социального и политического опыта и включение его структур в политическое настоящее и будущее.

В.А. Гуторов отмечает, что политическая культура и образование неотделимы друг от друга, даже тождественны, и определяет политическое образование как «сложную систему, интегрирующую в результате целенаправленной деятельности те элементы культуры, которые определяют характер и формы политической социализации (по сути, гражданского образования) в процессе формирования определенного типа политического поведения и сознания, свойственных данному типу общества и государственному устройству» [2].

Система гражданского образования должна способствовать формированию гражданской культуры. Главная проблема гражданского образования заключается в способности политических институтов и общей системы образования стимулировать политическое сознание и гражданственность в рамках уже существующих форм политической культуры.

Изучение непосредственно процесса конструирования было предпринято П.Бергером и Т.Лукманом, которые разработали концепцию конструирования социальной реальности, где под таковой понимается «вся совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции».[3] Социальная реальность представляется, с одной стороны, сложной культурно-исторической конструкцией, где процесс познания и самопознания определяется социальными представлениями и опосредуются значимыми другими, а с другой – как результат человеческой деятельности, точнее типизации действий и дальнейшей их институционализации.

Социальные представления, таким образом, на когнитивном уровне упорядочивают, разделяемый всеми членами социальной общности, образ действительности, создавая пространство повседневности. Социальный порядок — это продукт непрерывной человеческой деятельности, значимая часть которой связана с процессом институционализации, в результате которой институты, образующие сконструированный объективный институциональный мир, понимаются всеми членами данного общества. Институциональному порядку требуется легитимация, и именно гражданское образование, являясь важнейшей составляющей политической социализации, выступает механизмом трансляции существующих элементов значений политической реальности новым поколениям. Тем самым происходит интеграция и легитимация социально значимых смыслов.

Процесс конструирования политической реальности не является конечным, политическое пространство эволюционно трансформируется. Как отмечал А.Турен, «социальные отношения никогда не остаются полностью «открытыми», они закрываются, трансформируются в социальный порядок, поддерживаемый агентами социального и культурного контроля и, в конечном счете, государственной властью».[4] Именно политическая элита в любом государстве поддерживает социальный порядок, способствует адаптации его к изменяющимся реалиям, а также легитимирует свое господство. Достижение этих целей осуществляется через основные каналы передачи идеологических задач - СМИ и образование.

Так, Ван Дейк, определяя социальную власть в терминах контроля, который осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов, отмечает, что представители власти наделены особенностью, которая позволяет ее продуцировать смыслы, которые затем становятся общезначимыми. Это достигается за счет доступа (к определенным знаниям), с помощью которого производится публичный дискурс.[5] Ш. Муфф выдвинула тезис о том, что «социальный агент конституируется набором

субъективных позиций, которые никогда не могут быть зафиксированы в закрытой системе различий»[6], который можно уточнить тем, что источником процесса конструирования дискурсов являются существующие властные структуры, осуществляющие символическое производство.

Так, эффективность социального конструирования в рамках символического пространства «предопределяется символическим дизайном пространственно-временного континуума процедур легитимации политического господства».[7] Ю. Левада выделяет две возможные оси символизации социальных и политических явлений: временная, связанная с выделением в истории важных событий, и пространственная [8]. А.И. Щербинин отмечал, что «политическое время приобретает публичный назидательно-воспитательный характер для потомков (как матрица своеобразного политического воспитания), становится коллективно присеваемым». [9] Указанная воспитательная функция времени проявляется в настоящем, создавая представление об организации политического пространства, воспроизводящего в каждом новом поколении свои фундаментальные ценностные основы.

Конструктивистская составляющая гражданского образования непосредственно актуализируется в результате проводимой элитами политики памяти, которая определяет интерпретацию коллективного опыта и инкорпорирует практики освоения настоящего в символическом пространстве. Государство выполняет регулятивное воздействие на нашу память, влияя на процесс развития исторической науки, определяя исследовательский вектор в проблемных областях знания, задавая стандарты исторического образования. По А.И. Миллеру, «историческая политика — это особый сорт политики памяти, когда она проводится в конфронтационном ключе, преследуя партийные цели, и это не диалоговый режим, а навязывание какой-то точки зрения той группы, которая контролирует дискурс или пытается его контролировать»[10]. Историческая политика определяет то, как интерпретировать коллективный опыт освоения социального мира и процесс его исторического развития.

Элиты, выполняя задачу общественной интеграции и легитимации существующего порядка, конституируют наше представление о прошлом за счет имеющейся монополии на распространение социальных представлений в рамках существующей культурной матрицы. Гражданское образование, выступая одним из способов социального конструирования реальности через передачу культурного опыта, таким образом, легитимирует существующий социальный порядок, а так же обозначает координаты политического будущего.

Наряду с постоянной необходимостью стабилизации социальных структур, указанной выше, существует также необходимость их адаптации к социальной динамике. В современных условиях политической модернизации, возросшей скорости социальных изменений возрастает потребность в гражданственности, растут требования к качественным характеристикам гражданина как политического актора. Демократические политические системы предполагают эффективную коммуникацию в публичной сфере, активное политическое участие и высокий уровень развития гражданской политической культуры. Данные факторы социального процесса создают запрос на формирование системы гражданского образования, способствующей выработке модели политического поведения и набора социально-политических качеств гражданского типа.

1. Завершинский К.Ф. Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние. – М.: ИНИОН РАН. – 2006. – №3. – С. 38 – 43.
2. Гуторов В.А. Политическое образование, демократизация и роль университетов в современной России. / «Политика и образование: Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин». – СПб. 2008. – 340 с.

3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П.Бергер, Т.Лукман. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.
5. Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013 — 344 с.
6. Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории. // Политическая наука. — 2005 — №3. — С. 21-28.
7. Завершинский К.Ф. «Политическая культура» общества: от «зависимых переменных» к «сильной программе». // ПОЛИТЭК. — 2012. — Т.8. — №1. — С. 32-39.
8. Левада Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки 2000-2005. — М., 2011. — 507 с.
9. Щербинин А.И. Политическое образование: Учебное пособие. — М.: Весь Мир, 2005. — 288 с.
10. Миллер А. И. Россия: власть и история. // Pro et Contra. — 2009. — № 3–4 (46). — С. 6-23.

Сирота Н.М.

Конфронтация между Россией и западом в контексте глобальной конфликтности

*Государственный Университет аэрокосмического приборостроения
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-52

ids: lj-01-2019-52

Аннотация

Анализируются причины и перспективы конфронтации между Россией и Западом, показано её отличие от противостояния СССР и США в период холодной войны. Излагается авторское видение места и роли России на новом этапе мирового развития.

Ключевые слова: Россия, США, «новая холодная война», центры силы, полицентрический мировой порядок, умная сила

Abstract

The causes and prospects of the confrontation between Russia and the West are analyzed, and it is shown to differ from the confrontation between the USSR and the USA during the Cold War. The author's vision of the place and role of Russia at the new stage of world development is stated.

Keywords: Russia, USA, new cold war, centers of power, polycentric world order, smart power

В процессе международно-политических трансформаций современного мира возникают линии противоречий и размежеваний между ведущими центрами силы. Одна из наиболее значимых для становления нового миропорядка – между Россией и Западом (прежде всего Соединёнными Штатами), нередко трактуемая как «новая холодная война», вызвана такими проблемами как расширение НАТО на восток вплотную к границам России, геополитическое соперничество на постсоветском пространстве, украинский кризис и его интернационализация, конфликт в Сирии. Эти проблемы, гальванизируя бывшие противоречия между Россией и США и резко обострив существующие разногласия, создали новую ситуацию в мире,

Тем не менее нынешнее противостояние между РФ и Западом существенно отличается от холодной войны XX века. Оно охватывает гораздо более узкий круг участников и не является осью мировой политики, как это имело место в 40-80-х гг. XX века. Ряд центров силы дистанцируется от конфронтации, поддерживая нормальные отношения между Россией и Западом. Возрастает роль геополитической и экономической составляющих конфликта при снижении значимости идеологической компоненты. Функционирует интернет, являющийся мощным инструментом расширения контактов между рядовыми гражданами.

В силу вышеуказанных обстоятельств понятие «новая холодная война» скорее следует рассматривать как метафору, отражающую крайнюю степень обострения отношений между Россией и Западом, прежде всего Соединёнными Штатами. Резонна констатация британского учёного Р.Саква: «На самом деле говорить о новой холодной войне не приходится, так как конфронтация между Россией и атлантическим сообществом обусловлена новыми вызовами и происходит в рамках иной логики по сравнению с периодом «первой холодной войны» [1, с.53].

Согласно прогнозу американской аналитической кампании «Стратфор», в условиях американо-российского противостояния США будут стремиться усилить давление на Россию в граничащих с ней государствах по следующим направлениям: 1) путём расширения контактов с прозападными странами через продажу оружия и проведение военных учений; 2) предлагая экономические стимулы и гарантии безопасности государствам, зависимым от России, - членам возглавляемого ею Евразийского экономического союза и военного блока Организации Договора о коллективной безопасности.

По мнению авторов прогноза, усилия Соединённых Штатов, направленные на то, чтобы проникнуть в граничащие с Россией районы, в свою очередь, будут определять её действия против Запада. Стремясь использовать раскол Европы и подорвать единство ЕС и НАТО, Россия будет активно участвовать в проведении гибридной войны, вмешиваясь в политику других стран, распространяя пропаганду, проводя кибератаки и тайные операции против западных и ориентированных на Запад стран. Хотя России, возможно, не удастся компенсировать посулы Соединённых Штатов государствам на бывшей советской периферии, она может вызвать серьёзную нестабильность в приграничных районах, сделав их ключевым полем битвы в рамках более широкого американо-российского противостояния [2].

Противостояние характеризуется одновременно стремлением его участников избежать эскалации в полномасштабный конфликт, способный привести к катастрофическим последствиям, и в то же время созданием множества рискованных ситуаций, которые могут к такому конфликту привести.

Следует исходить из того, что отношения между Россией и Соединёнными Штатами в ближайшие годы будут варьироваться в диапазоне от открытого противостояния до умеренного взаимного сдерживания. Это обусловлено как общей логикой их развития, так и переживаемыми внутренними трансформациями, что негативно повлияет на выстраивание конструктивного взаимодействия между государствами. Проявлением конфронтационности со стороны администрации США служит содержащаяся в Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2017 г., оценка России и Китая как главных угроз существующему миропорядку, американскому влиянию и ценностям.

Представляется обоснованным мнение бывшего заместителя госсекретаря США и посла в России У.Бернса о состоянии и перспективах российско-американских отношений. Констатируя наличие в недавнем прошлом у США и России иллюзий относительно возможности стратегического партнёрства, он прогнозирует: «Реальность такова, что в обозримом будущем наши отношения с Россией будут оставаться отношениями соперников, а временами и врагов. Это объясняется прежде всего фундаментальными различиями в их мировоззрении и в том, как они видят роль друг друга в мире» [3].

Тем не менее, даже в условиях неблагоприятной политической конъюнктуры сохраняется потенциал для налаживания сотрудничества по важнейшим проблемам мировой политики. Несмотря на усилившиеся взаимное недоверие и рост напряжённости в отношениях между Россией и Западом, на базе общих интересов возможны совместные

действия по таким вопросам, как прекращение конфликта на Украине и гражданской войны в Сирии, преодоление кризиса на Корейском полуострове, реализация договоренностей по ядерной программе Ирана, нераспространение ядерного оружия, отпор радикальному исламу, и др. Снижение интенсивности негативного тренда мировой политики может предопределить переход сторон от формулы «противник-партнёр» к более естественной формуле «партнёр-соперник».

Хотя перспективы новой разрядки и тем более «перезагрузки» весьма туманны, уже в обозримой перспективе могут быть предприняты меры по повышению уровня доверия: сохранение имеющихся механизмов контроля над вооружениями – Договора РСМД и Договора СНВ; взаимный отказ от информационных войн и пропагандистских кампаний, нерасширение НАТО на восток, создание механизмов для предотвращения опасных инцидентов в открытом море и воздушном пространстве.

Заслуживает внимания мысль бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера о том, что «долгосрочные интересы США и России требуют, чтобы мир превратил нынешнюю турбулентность и переменчивость в новое равновесие, которое будет всё более многополярным и глобализованным». Для стабилизации обстановки в мире, полагает он, «любые попытки улучшить отношения обоих государств должны сопровождаться диалогом о зарождающемся новом мировом порядке». В центр этого диалога Г. Киссинджер рекомендует поставить следующие вопросы. Какие тенденции разрушают старый порядок и формируют новый? Какие вызовы эти изменения бросают российским и американским национальным интересам? Какую роль каждая из стран хочет играть в формировании этого нового порядка, и на какое положение в нем они могут рассчитывать? Как нам состыковать очень разные идеи о мировом порядке, которые появляются в России, США и других крупных странах на основе их исторического опыта? Цель диалога, согласно Г. Киссинджеру, «должна заключаться в том, чтобы разработать стратегическую концепцию российско-американских отношений, в которой можно преодолеть пункты противоречий» [4].

Для формирующегося миропорядка соперничество между США и Китаем, экономика этих стран более значимо, чем противоречия между Западом (США и Европой) и Россией. Возможен и вариант взаимодополнения и переплетения этих противоречий, логика которого будет подталкивать Россию и Китай к сближению с целью создания противовеса США.

В обстановке обостряющегося соперничества и взаимозависимости между двумя наиболее мощными центрами силы современного мира – США и Китаем оптимальной стратегией России представляется развитие двусторонних отношений с обоими государствами в соответствии с собственными интересами, избегая «привязки» к одному из них. В сотрудничестве с Соединёнными Штатами целесообразно объединение усилий прежде всего в области обеспечения безопасности, а с Китаем (а также Японией и Южной Кореей) – в совместном торгово-экономическом освоении Евразии и Дальнего Востока. При этом рост влияния КНР следует балансировать путём развития партнёрства с Японией, Индией, Южной Кореей и Вьетнамом.

Реализация этой стратегии требует гибкости и тщательного просчёта каждого шага. Ключевым условием её успеха является разумное использование имеющихся ресурсов и соизмерение средств, выделяемых на обеспечение безопасности, с экономическим и демографическим потенциалом страны. В настоящее время напряжённость в отношениях Запада и России ставит в наиболее выигрышное положение Китай, позволяя ему занимать позицию балансира между ними. Противостояние США и Китая объективно создаёт для России новые возможности для диверсификации внешнеэкономических связей и источников получения высоких технологий.

Как территориально самая большая страна, сталкивающаяся с многочисленными вызовами по периметру своих границ, Россия должна быть заинтересована в сотрудничестве с самыми разными партнёрами для противодействия этим вызовам, стремиться к минимизации конфликтов с соседями, поиску оптимальных комбинаций партнёрств для решения конкретных проблем.

1. Саква Р. Кризис мирового порядка: Россия в поисках выхода из тупика //Полис (Политические исследования) . 2016. №6 .С.52-68.
2. The U.S.Zeroes in on Russia`s Borderlands. Assessments. Nov.15. 2018. Stratfor. Worldview. Available: <https://worldview.stratfor.com/article/us-zeroes-russias-borderl> (Accessed: 20. 12.2018).
3. Burns W.J. How We Fool Ourselves on Russia. The New York Times 07.01.2017.
4. Kissinger`s Vision for U.S.-Russia Relations.The National Interest February 4, 2016. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111> (Accessed: 21. 7.2016).

РАЗДЕЛ VI. ИСТОРИЯ

Упоров И.В.

Государственная служба представителей дворянского сословия в годы правления Екатерины II

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-53

idsp: ljjournal-01-2019-53

Аннотация

Рассматриваются политико-правовые аспекты развития института государственной службы в эпоху Екатерины II. Отмечается, что императрице в силу ее деятельного характера для реализации своих масштабных реформ требовались грамотные государственные служащие, однако для дворянства такая служба ко времени ее восшествия на престол не была обязательной. Пытаясь решить эту проблему, Екатерина II стремилась, с одной стороны, стимулировать дворянскую службу, а с другой – не войти в конфликт с аристократией. В данной статье автор развивает некоторые свои суждения, опубликованные ранее.

Ключевые слова: государственная служба, дворяне, привилегии, императрица, монархия, закон, манифест.

Abstract

The political and legal aspects of the development of the institute of public service in the era of Catherine II are considered. It is noted that because of her active nature, the empress required competent government officials to implement her large-scale reforms, but for the nobility such service was not obligatory at the time of her accession to the throne. Trying to solve this problem, Catherine II sought, on the one hand, to stimulate the noble service, and on the other - not to enter into conflict with the aristocracy. In this article, the author develops some of his judgments, published earlier.

Keywords: public service, nobles, privileges, empress, monarchy, law, manifesto.

В период правления Екатерины II, как известно, активно осуществлялись государственные реформы в самых разных сферах (значительный масштаб имела, например, реформа управления губерниями, трансформации подверглась судебная и полицейская системы, существенно видоизменились финансовые институты и т.д.). Такой подход императрицы остро поставил вопрос о совершенствовании государственной службы, поскольку без достаточного количества государственных служащих реализовать свои замыслы Екатерине II было невозможно, соответственно актуализировался вопрос о более широком привлечении к государственной службе представителей дворянского сословия.

В этой связи следует напомнить, что госслужба как государственный институт возник при Петра I, который, можно сказать, держал все дворянское сословие под своим жестким контролем [1; 2]. Важно, что знаменитая петровская Табель о рангах позволила ему придать государственной службе единые для всей страны принципы ее прохождения. А. Филиппов, оценивая преобразования в данной сфере общественных отношений, указывал следующее: «Несомненною заслугою Петра Великого было

возвышение чисто государственного начала над частноправовым, чем едва ли не целое столетие реформатор опережал свое время» [3, с. 55]. И действительно, заложенная Петром I как законодательная база, так и правоприменительная практика осуществления государственной службы длительное время сохраняли свою актуальность. По этому поводу Т.И. Метушевская, в частности, отмечает, что «Табелью о рангах каждому разряду служащих был дан определенный и четко зафиксированный законом статус в обществе, обеспечивающий престиж данного лица в социальной иерархии. В этом заключалось принципиальное отличие от чиновного строя Московского государства. Устанавливалось строгое почитание высшего ранга низшими и штрафы за нарушение субординации. Привилегированность государственной службы заключалась также в том, что Табель открывала возможность получения нового социального статуса - дворянства - путем службы. Таким образом, открывались новые возможности для усиления социальной мобильности, что способствовало демократизации правящего класса и притоку новых сил в государственный аппарат» [4].

В дальнейшем, однако, в связи со снижением уровня государственного императорского управления (последователи Петра I отнюдь не переняли в прежнем объеме его таланты, необычайную энергетику в своей деятельности и, главное, стремление улучшить ситуацию в стране) вопрос о государственной службе дворянства стал решаться в пользу дворян в том смысле, что им предоставлялось право самим определять свое отношение к службе на пользу Отечества, кроме того, определенный принцип выплаты жалованья государственным служащим из казны часто заменялся, по сути, «кормлением» [4].

После нескольких десятилетий послепетровского политического «безвременья» пришла пора менять ситуацию, на что ранее мы обращали внимание. Однако для Екатерины II институт государственной службы был лишь возможностью показать свое расположение аристократии – с тем, вероятно, чтобы не потерять ее поддержку, что, впрочем, вполне понятно, учитывая, что императрица монаршие полномочия получила (мы оставляем за скобками способ, которым она взяла власть в стране) в довольно молодом возрасте, и потребовалось некоторое время для того, чтобы детально ознакомиться с положением и определить свою позицию как по этому, так и по многим другим вопросам.

В этом смысле характерным был Манифест о даровании вольности российскому дворянству от 18 февраля 1762 г. [5], то есть изданный вскоре после восшествия Екатерины II на престол. Этим актом отменялась обязательная государственная служба для дворян. Как отмечается в литературе, «дворяне теперь практически не несли обязанностей перед государством, но при этом сохраняли за собой сословные привилегии, в том числе и почти исключительное право приобретать землю. В манифесте законодательно была закреплена учебная повинность для дворянских детей, что было направлено на повышение образовательного уровня будущих государственных служащих» [6, с. 117].

Позже, когда императрица ощутила необходимость более широкого привлечения дворян к государственной службе, ей пришлось искать пути решения этой проблемы, что вполне вероятно могло сгенерировать конфликт с определенной частью дворянства, имевшего большие привилегии. Исходя из этого, она решила, в рамках своих либеральных воззрений (разумеется, «либеральность» на фоне абсолютизма была весьма условной) провести обсуждение данной проблемы. Она приняла решение о создании Комиссии, которой предстояло собрать и обобщить мнения по этому поводу разных

категорий лиц из числа элиты. Так, А.П. Бестужева-Рюмина считал необходимыми следовать такой схеме: «служба-карьера-владение землей», при этом последнее («земля») означало еще одну привилегию для дворянства, которая, однако, даровалась только за государственную службу [7, с. 26-34], и эта идея нашла поддержку Комиссии, которая в целом, если иметь в виду главный вопрос, не считала нужным принуждать дворян к госслужбе. Однако такая позиция не устраивала Екатерину II, которой нужна была, напротив, обязательность дворянской службы, и Комиссия была распущена.

Дискуссия о государственной службе, однако, получила продолжение. Так, в своем «Наказе» [8] Екатерина II указывала, дворянство можно получить за воинские или гражданские заслуги, и только лишь именным императорским указом, однако вопрос об обязательности службы был ею обойден, причем было констатировано, среди дворянства нет единства по этому вопросу [9, с. 39]. Осенью 1768 г. материалы новой Комиссии по дворянскому вопросу были переданы в Сенат, и уже на основе полученных мнений императрицей был составлен законопроект, отражающий ее взгляды. Этот проект был направлен ближайшему окружению Екатерины II (И.П. Елагину, С.М. Козмину, А.А. Безбородко и др.), после чего в апреле 1785 г. была издана известная Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства [10]. В это законодательном акте были оценены заслуги дворян, при этом дворяне все же освобождались от обязательной службы – как видно, Екатерина II не решилась на радикальное решение. Вместе с тем определенный шаг в этом направлении был все же сделан, поскольку в законе указывалось, что если возникнет государственная необходимость, то «дворянин обязан по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной» [10]. Дворянин, не служивший совсем или не выслуживший обер-офицерский чин, лишался голоса на дворянском собрании, а также права быть избранным на выборную дворянскую должность, кроме того, открывались более широкие возможности разночинцам занимать значимые должности и получения выслужного дворянского звания [11, с. 365], что для аристократии было нежелательным явлением.

В этой связи появилась необходимость в систематизации правил приема на государственную штатскую службу. В 1790 г. был издан Указ [12], одной из задач которого было упорядочение продвижения по службе дворян и недворян, усложнив последним приобретение дворянства на службе. Следует еще отметить, что особенностью системы чиновничества в России рассматриваемого периода было то обстоятельство, что она начала иметь отчетливо выраженный сословный характер и, кроме того, весомую роль в вопросах присвоения очередных чинов имел Сенат – так, когда требовалось назначить на высшую должность лицо, имевшее чин на два-три класса ниже, чем предполагала новая должность, решением Сената ему присваивался соответствующий чин.

Указанная практика способствовала быстрому продвижению по Табели о рангах тех людей, которых следовало наградить за особые заслуги перед императрицей, то есть, представители дворянской элиты уже не стремились рано уходить в отставку, и продолжали служить во многом по причине престижа службы, который поддерживало правительство [13, с. 56]. Это означало, что верх одержала екатерининская концепция государственной (гражданской) службы, согласно которой на государственной службе должны были в обязательном порядке находиться представители дворянства как наиболее просвещенного и влиятельного сословия, которые должны были стать кадровой управленческой основой задуманных императрицей реформ в разных областях

социально-экономической жизни России, но для этого такая служба должна была иметь дополнительные стимулы, которые и были сформированы в годы ее правления.

1. Архипова Т.Г., Румянцева Т.Г., Сенина А.С. История государственной службы. М., 1999.
2. Ежов М.В. История государственного управления и государственной службы России. СПб., 2004.
3. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого. М., 1891.
4. Метушевская Т.И. Модель государственной службы в России в XVIII в. // История государства и права. 2007. № 5.
5. Манифест о даровании вольности российскому дворянству от 18 фев-раля 1762 г. // ПСЗ-1. № 11444.
6. История государственного управления в России / Под ред. Р.Г. Пихои. М.: РАГС, 2004.
7. Куломзин А.П. Первый приступ в царствование Екатерины II к состав-лению высочайшей грамоты дворянству российскому // Материалы для истории русского дворянства, СПб., 1885. Вып. 2. С. 26-34.
8. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении про-екта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
9. Фаизова И.В. Служба дворянства после манифеста 1762 г. о вольности дворянской. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
10. Грамота на права, вольности и преимущества благородного россий-ского дворянства от 21.04. 1785 г. // ПСЗ-1. № 16187.
11. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. М., 1974.
12. Указ «О правилах производства в статские чины» от 16. 12.1790 г. // ПСЗ-1. № 16930.
13. Козлова А.А. . Отношение элиты российского дворянства к госу-дар-ственной службе в период правления Екатерины II. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

РАЗДЕЛ VII. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Базиева Г.Д.

Этнокультурное образование в Кабардино-Балкарской Республике

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»**doi: 10.18411/lj-01-2019-54**idsp: ljjournal-01-2019-54***Аннотация**

В полиэтничных регионах проблемы этнокультурного образования актуализируют задачи формирования как этнической, так и гражданской идентичности. В статье рассматриваются основные направления деятельности общеобразовательных учреждений КБР, развивающих интерес к родному языку и литературе, традиционной и мировой культуре. Подчеркивается, что в основе современного этнокультурного образования лежит комплексный культуролого-краеведческий подход.

Ключевые слова: этническая культура, культурное наследие, краеведение, идентичность, Кабардино-Балкарская Республика.

Abstract

In polyethnic regions of a problem of ethnocultural education update problems of formation of both ethnic, and civil identity. In article the main activities of the educational institutions of KBR developing interest in the native language and literature, traditional and world culture are considered. It is emphasized that an integrated kulturologo-local history approach is the cornerstone of modern ethnocultural education.

Keywords: ethnic culture, cultural heritage, study of local lore, identity, Kabardino-Balkar Republic.

В современный период актуальность проблем развития этнокультурного образования не вызывает сомнений: в различных регионах разрабатываются краеведческие программы по усовершенствованию системы образования на основе системного изучения окружающего культурного пространства. В этой связи новыми становятся и концептуальные основы этнокультурного образования: важное значение в системе гуманитарного образования приобретает культурологический подход, направленный на формирование креативной, разносторонней личности, способной к широкому взаимодействию в различных сферах социальной практики. Общеобразовательные междисциплинарные культуролого-краеведческие курсы рассматриваются как инновационные, занимают центральное положение между традиционными способами исторического изучения региона и осмыслением современных проблем его развития [1, с. 30].

Система образования – один из наиболее массовых и действенных каналов трансляции знаний о культурном наследии разных народов, формирующий у подрастающего поколения интерес не только к духовному и материальному наследию, расположенным на территории проживания, но и к достижениям мировой цивилизации в целом. В сфере начального образования Кабардино-Балкарской республики большим этнокультурным потенциалом обладают следующие дисциплины: «Родной язык», «Родная литература», «Мировая художественная культура», «Экология», «История КБР», «География КБР», «Изобразительное искусство», «Музыка».

В институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ), разрабатываются

специальные программы и курсы, направленные на качественное повышение уровня преподавания различных дисциплин с учетом этнокультурных и региональных особенностей. Программа А.И. Шаваевой «Изобразительное искусство и художественный труд» (для учащихся 1-4 классов КБР), составленная на основе федеральной программы по изобразительному искусству, разработанной Б.М. Неменским, кроме общих, включает также этнорегиональные разделы: «Памятники архитектуры в моем краю», «Музеи народных промыслов», «Пейзаж родной земли», «Народные праздники».

Программа курса «Краеведение» (авторы Л.И. Писарева и М.Х. Мирзоева), включающая следующие темы: «Традиции и обычаи», «Путешествие в историю», «В гости к мастерам», «Человек – творец», «Мир природы», «Наш город» и «Путешествие по республике», нацелена на культурно-историческую и духовно-нравственную составляющую в воспитании детей младшего возраста. В числе основных задач курса: расширение и систематизация знания детей о природе КБР, истории, ее национальной культуре и традициях; творческое использование регионального материала в образовательно-воспитательном процессе, формирование нравственных качеств личности и интернационально-патриотических чувств в условиях многонациональной республики.

Важные этнокультурные функции несут такие предметы как «Родной язык» и «Родная литература». Специфика полиэтничных республик Северного Кавказа, в том числе и Кабардино-Балкарии, связана с тем, что жители сельских населенных пунктов (как правило, моноэтнических) лучше владеют родным языком, чем городские жители, для которых языком межнационального общения является русский язык, а владение родным языком либо ограничивается разговорным уровнем, либо вообще отсутствует. В этой связи неоднозначно был воспринят указ президента РФ от 26 октября 2018 г. № 611 «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации», по которому изучение родных языков становится факультативом (в законе КБР «Об образовании» от 24 апреля 2014 (с изменениями на 17.04. 2017) кабардинский и балкарский языки были обязательными предметами для учащихся – носителей одного из данных языков). Определенной коррекции, по мнению исследователей, требует и программа по изучению национальных литератур, в которой изучению фольклора уделяется ограниченное количество часов. Проблема заключается в том, что в отличие от культур с профессионально развитой литературой, устно-поэтическое творчество народов Северного Кавказа по объему и разнообразию жанров, сюжетов, мотивов богаче и самобытнее, чем письменная литература [3, с. 10].

В образовательных учреждениях республики введены также курсы «Культура народов КБР» и «Основы мировых религий», которые преподаются в 10-х или 11-х классах. Курс «Культура народов КБР» рассчитан на разностороннее изучение истории формирования этнической культуры, а также ее современное развитие (этнографические особенности, искусство, литература, национальные языки и проблемы их сохранения и др.). В сфере среднего и высшего образования активно используются труды ученых КБИГИ (Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований) и КБГУ (Г.Х. Мамбетов «Традиционная культура кабардинцев и балкарцев», Л.З. Емузова «Физическая география Кабардино-Балкарской республики» (для 8 класса), Р.А. Бураев «Экономическая и социальная география Кабардино-Балкарской республики» (для 9-го класса), «История Кабардино-Балкарии» (под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Т.Х.Кумыкова и засл. деятеля науки КБР И. М.Мизиева), К.Х. Унежев «Культура адыгов(черкесов) и балкарцев, «Писатели Кабардино-Балкарии» (под общей ред. доктора филологических наук, засл. деятеля науки КБР Р.Х. Хашхожевой) и др.).

Качественному улучшению этнокультурного образования способствуют образовательные проекты по присвоению школам культуротворческого статуса (Республиканская школа-интернат, МОУ № 4 и №5 г. Нальчика, школа №1 с. Кенделен Эльбрусского района КБР и др.). В таких учебных заведениях активно преподаются

дисциплины краеведческой направленности, открываются школьные этнографические музеи, учащиеся принимают участие в республиканских и региональных смотрах, конкурсах «Мой край – Кабардино-Балкария», «Моя родословная», «Моя малая Родина», «Я люблю тебя, Россия» и др.).

В современный период разрабатываются преемственные модели этнокультурного образования от дошкольного до вузовского уровней, а также активно обсуждается новая система ценностей и целей образования, основанная на идеях культуросообразности и личностного развития в условиях полиэтнического пространства. В этой связи особую актуальность приобретают исследования по формированию патриотических чувств на основе осознания многовековой истории межнациональных отношений на территории РФ [2, с. 295-305].

Система образования может непрерывно транслировать в современное общественное сознание лучшие духовно-нравственные ценности и идеалы, составляющие основу культурного наследия, как отдельных национальностей РФ, так и государства, в целом, формируя этническую и гражданскую идентичность подрастающего поколения. В «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г.» в числе важных задач выделена необходимость приобщения детей к культурному наследию, предполагающая эффективное использование уникального российского культурного наследия, в том числе литературного, музыкального, художественного, театрального и кинематографического; создание равных для всех детей возможностей доступа к культурным ценностям; воспитание уважения к культуре, языкам, традициям и обычаям народов, проживающих в Российской Федерации [4, с.8].

Проблемы этнокультурного образования связаны с необходимостью социализации личности как в моноэтнических, так и полиэтнических обществах, в этой связи особое значение на всех уровнях образовательной и культурной политики приобретают принципы максимальной социальности, культуросообразности (соотношения этнических и общечеловеческих традиций) и диверсифицированности, обеспечивающей различные уровни этнокультурного образования.

1. Базиева Г.Д. Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик, 2013. 170 с.
2. Боров А.Х., Дзамихов К. Ф., Муратова Е. Г. Об основных этапах совместного развития России и народов Кабардино-Балкарии // Социально-гуманитарные знания. №2, 2017. С. 295-305.
3. Карданова М. М. Национально-региональный компонент в школьном историческом образовании Кабардино-Балкарии : Дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2002. 168 с.
4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года/ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. С. 7. // URL: rospsy.ru/system/.../Strategiya_razvitiya_vospitaniya.pdf (Дата обращения: 20.12.18).

Семенов С.Г.

Навруз, Наръс – праздник пробуждения природы и начало новой жизни

*Общественное объединение «Сувар»
(Россия, Чебоксары)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-55

idsp: ljjournal-01-2019-55

Аннотация

В статье описывается «Навруз, Наръс», как международный праздник. Что готовится к празднику и какие блюда украшают в этот день праздничный стол. Также как народный праздник достиг международного статуса.

Ключевые слова: праздник «Навруз, Наръс», пробуждение, проросшая пшеница, весеннее солнцестояние, традиционные блюда.

Abstract

The article describes Navruz, Narās, as an international holiday. What is preparing for the holiday and what dishes decorate the holiday table on this day. Just as the national holiday has reached international status.

Keywords: Navruz, Narās holiday, awakening, sprouted wheat, spring solstice, traditional dishes.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлено тем, что в последнее время древнейший праздник Навруз (Нарās – по суваро-чувашски) завоевывает все большую популярность. Навруз (имеются другие варианты: Ноуруз, Невруз; дословный перевод означает «новый день») – или праздник Нового года, корни которого надо искать в глубине тысячелетий. Он опирается на древние земледельческие традиции и является символом возрождения жизни. Праздник «Навруз-Нарās» отмечается в дни весеннего равноденствия или начала нового солнцестояния по солнечному календарю, в пору пробуждения природы от зимнего сна и вхождения солнца в созвездие Овна, тем самым подтверждая его планетарность. Иначе говоря, это взаимосвязь космоса и земли предвещает новый импульс, обновление, пробуждение природы и всего живого на земле, включая и человека [1; 6; 7].

Необычно ценной чертой этого праздника является то, что, не взирая ни на что, он выстоял, и настолько глубоко сплотился с душевными чувствами народов этой земли, что они с большим трепетом ждут его ежегодного наступления и готовы его встретить достойно.

Солнце является значимым атрибутом в нашей жизни, небесные светила, созвездия и звезды на этот день после годового круговорота прибывают на свои точки первоначального пребывания и принимаются к движению по новому кругу. День, когда уравниваются день и ночь по солнечному календарю, принято считать началом Нового года. Существует мнение, что в этот день происходит пробуждение природы, которая на землю спускает добро и благодать, изгоняет злые духи, которые не проникнут в обитель людей. Поэтому «Навруз-Нарās» считается светлым и веселым праздником.

В традиции празднования «Навруз-Нарās» заложены нравственные качества людей, обладающие открытостью, сердечностью, отзывчивостью, милосердием. Это тоже имеет немаловажное значение и причиной того, что его наступление ждут с нетерпением. С Навруз-Нарāсом начинаются подготовительные работы нового земледельческого года в крестьянской среде, поэтому он имеет важное прикладное значение, т.к. отмечается момент перехода к земельному труду, новому земледельческому циклу [1; 4; 5; 6].

Этот момент имел большое значение, как для благополучия общины, так и для понимания и мироощущения землепашца, поскольку земледелец мыслил рамками земледельческого цикла, основным принципом которого выступал день сева. Благодаря этому, с Навруз-Нарāсом начинались не только подготовка к посевным работам, но и целая стадия жизнедеятельности людей.

Праздник Навруз не относится к конкретной религии или конфессии, а акцентирует обновление, зарождение природы. Он как народный праздник, существует испокон веков, органично внедрился в культурную жизнь многих народов и регионов мира.

Отличительная черта Навруз-Нарāса – его светский характер в отличие от большинства торжеств в исламском и христианском мире.

С сентября 2009 г. Навруз числится в репрезентативном списке нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, а с конца февраля 2010 г. 64-я сессией Генеральной Ассамблеи ООН было объявлено 21 марта, как «Международный день Навруза». Эта дата празднования – 21 марта, избрана неслучайно, потому что она приходится на весеннее равноденствие, когда продолжительность дня равняется с продолжительностью ночи, и весна решительно входит в свои права. Тем самым Навруз и

мусульманский Новый год отличаются друг от друга, потому что основой мусульманского календаря является лунный годичный цикл [8].

Так как один год солнечного календаря содержит 365 (366) дней, а лунного – 354 (355) дней, в связи с чем, лунный год со всеми своими датами относительно солнечного передвигаются приблизительно на одиннадцать дней вперед.

Мы вправе думать день весеннего равноденствия, как «официальное» начало весны в северном полушарии. К примеру, в 2017 году весеннее равноденствие наступило 20 марта в 10.29 по Гринвичу (13.29 мск). В то самое время центр Солнца пересекает небесный экватор и покидает южное полушарие Земли в сторону северного. С данной минуты до самого летнего солнцестояния ночи становятся короче дней.

Праздник «Навруз-Наръс» является самым древним на Земле, так как его праздновали еще до зороастрийские времена, т.е. до VII в. до н.э. «Навруз-Наръс» посвящались много теплых строк древнегреческим географом и историком – Страбоном (64–63 до н.э. – ок. 23–24 н.э.). В своих записях он представляет, какой смысл праздник имел в те времена, как народ почитал этот праздник. «В самые древние, давние времена и по сегодняшние жители Междуречья собираются в этот день в Храме огня. Это самый почитаемый праздник, когда торговцы закрывают свои лавки, ремесленники прекращают работу, все веселятся, угощают друг друга теми напитками и кушаньями, которых коснулся огонь» [7]. Также этот праздник восхвалялся в своих стихах поэтом Фирдоуси (935–1020 гг.), философом, поэтом, математиком, астрономом и астрологом Омаром Хайямом (1048–1131 гг.) [8].

Принято считать, что по происхождению праздник «Навруз-Наръс» относится древнеиранскому легендарному пророку Заратустры, связанному с культом Солнца. Возможно, именно от зороастризма «Наръс» приобрел обряд почитания предков. В этот день обязательно нужно навестить родных и близких с угощением и попросить прощения [1].

До начала праздника проводилась тщательная уборка жилья, обновлялась домашняя утварь и одежда, украшались жилища, убиралась территория вокруг обиталищ от мусора, приводились улицы в совершенный порядок от зимней грязи. К празднику все надевали новую одежду, покалялись, примирялись с недругами, простили долги.

Даже на современном этапе, приходу Навруз-Наръс, т.е. Новому году готовятся и проводят предварительный символический обряд очищения. Последняя среда недели перед наступлением Навруз-Наръс – особенная, которая называется «средой радости», так как в этот день все улицы городов и сел светятся от зажженных костров. Поэтому в этот день все люди, от стариков до малых детей семь раз должны перескочить через один и тот же костер, или же перепрыгнуть последовательно через семь костров. Последнюю ночь проходящего года провожают особенно весело, обрызгивая друг друга чистой водой и перепрыгивая через чистый ручеек с тем, чтобы очистить свое тело и дух от накопившихся прошлогодних грехов.

Навруз-Наръс – это что-то больше, нежели просто праздник. Традиционные блюда древнего и красивого праздника очень разумны, полноценны углеводами, белками и жирами. Главным украшением праздничного стола является проросшая пшеница. Нашим предкам в течение тысячелетий после продолжительной зимы приходилось бороться с недостатком витаминов в организме, с помощью элементарного, но весьма результативного средства – проросшей пшеницы. Благодаря современной науке можно доказать, что пятьдесят граммов ростков пшеницы содержат столько же витаминов «С», сколько содержит шесть стаканов апельсинового сока.

В составе проросшей пшеницы содержатся почти вся группа витаминов «В» и продукт богат минералами, такими как: калий и железо, цинк, кальций, фосфор, селен, магний, натрий, медь и марганец.

В этот день ритуальным блюдом из проросшей пшеницы в течение многих тысячелетий украшались праздничные весенние столы, с которыми связаны многочисленные предания, легенды, верования и традиции.

В течение двух недель до начала праздника начинается проращивание зерен пшеницы. Зерна пшеницы до праздника должны иметь зеленые всходы до семи сантиметров и украшать праздничный стол и являются главным символом и украшением стола, также рождением новой жизни – Нового года. Это начало приготовления, но на этом подготовка не заканчивается, перед самым праздником зерна проращиваются снова, как основа праздничного стола. Всем гостям предлагается блюдо с едва взшедшими зернами, как символа приобщения к возрождению всего живого. В этот день накрывается стол не только проросшей пшеницей, но и разными сладкими блюдами.

Ритуал «Навруз-Наръс» – это не только сладкий стол и обильное застолье, но он сопровождается еще и детскими песнями про праздник. Детей щедро одаривают разными сладостями в каждом доме, куда они приходят петь песни про Новый год. Все улицы наполнены в эти дни песнями, танцами, шутками.

В древности «Навруз-Наръс» праздновался ровно тринадцать дней. По окончании торжеств народ выходил в поле, где и встречал Новый год. Такая существовала примета. Считалось, что человек вышедший в праздничные дни в поле испытать наслаждение природой, в течение всего будущего года будет испытывать удачу и достаток.

Праздник «Навруз-Наръс» не имеет к исламской, христианской, буддистской религии никакого отношения.

Майкун (на современный суваро-чувашский язык переводится как «Великий день, возжжение огня Нового года»). Наръс, Майкун – один из самых главных праздников наших предков, и этот день праздник справляли у родственников по мужской линии с 21 марта по 1 апреля [1].

Возвращаясь к историческим корням данного праздника, можно найти в нем много схожего со славянским праздником Масленица. Масленица – это также древний славянский праздник, также пришедший из древней культуры и сохранившийся после принятия христианства. И по времени Масленица совпадает с празднованием «Навруз-Наръс». По своей жанровой составной Масленица – это та же, как и Навруз, самый веселый и сытный народный праздник, который продолжается целую неделю [3].

Появлению «Нового солнца» символизирует румяный и горячий блин, но со временем возник новый календарь, и со смещением чисел в нём – праздник переместился на иную дату, и до сегодняшнего дня дошёл как «проводы зимы» на Масленицу.

Среди обычаев празднование Масленицы также включает в себя прыжки через костер, изгнание злых духов, праздничные представления, народные гуляния. Также, как и «Навруз-Наръс» Масленица на протяжении многих веков сохраняла характер народного гулянья.

Подобно «Навруз-Наръсу» существует праздник «Масленица» символизирует проводы зимних холодов и встречу весны. В «Масленицу», как и в преддверии «Навруз-Наръса», сжигается деревянное чучело, тем самым объявляется всем о приходе тепла, придающего человеку новую жизненную энергию. Каждый из семи дней народных гуляний отмечается массовыми играми, катаниями на санках, разведением костров и прочими забавами, а также выпечкой традиционных для этого праздника блинов. Особое место в дни «Масленицы», как и в «Навруз-Наръсе», отводится посещению молодыми супругами родителей, старших по возрасту родственников, помощи неимущим, молитвам [1; 3; 5].

Есть много разных традиций подготовки и празднования этого большого праздника, которые дошли до нас от наших прародителей из глубины веков.

«Навруз-Наръс» – праздник обновления и слияния с природой. С точки зрения эзотерики, основные действия Навруз-Наръса направлены на приобретение благоприятных энергий возрождения и света. Как результат вобравший в себя культурные

традиции нескольких цивилизаций, он считается древнейшим доисламским и дохристианским праздником. Его воспевают на родном языке многие народы, что является значимым вектором в идейно-эстетическом воспитании молодого поколения, которое способствует формированию национального самосознания подрастающего поколения и расширяет их мировоззрение

Следует отметить, что «Навруз-Наръс» появился и празднуется с незапамятных времен, когда современные религии и национальности еще не существовали. Множество праздников у разных народов имеют родственные корни, только именуются они по-разному и имеют некоторые отличия. За многие сотни лет праздник «Навруз-Наръс» не исчез, сменив разных правителей и завоевателей на своем пути. Он просто выжил за счет широкой социальной основы при различных верованиях и государствах, а также приобрел значимый государственный смысл. В США 21 марта отмечается как День сельского хозяйства. У иранцев, для которых Навруз является действительно народным праздником, бытует два Навруза. Это: Малый и Большой Науруз. Малый Науруз – начало весны. Большой Навруз – шестой день месяца Фарфардин [2; 4; 5; 6].

В заключение необходимо отметить то, что в Российской Федерации уже существует традиция ежегодно отмечать «Навруз» на официальном уровне. Так, при поддержке московской мэрии и содействии российского Союза соотечественников проводятся мероприятия, связанные с празднованием этой даты. К примеру, 21 марта ежегодно в концертном зале «Россия» московского спортивного комплекса «Лужники» собираются различные творческие коллективы из разных стран ближнего зарубежья и регионов России. Организуются выставки, в том числе и кулинарные, с демонстрацией самобытной народной кухни, ярмарки продаж национальных поделок, а также специальные детские программы. Подобные мероприятия проводятся в таких российских городах, как Воронеж, Чебоксары, Ростов-на-Дону, Краснодар, Калуга, Кострома, Казань, Новосибирск, Ярославль, Тула, Владимир, Муром, Химки, Тамбов, Калининград, и другие. В последние годы возрос интерес к древнему празднику «Навруз-Наръс» и среди самого русского народа. Они воспринимают его как предвестник грядущей весны и пробуждение природы. Из этого следует, что в перспективе это яркий, веселый и «сладкий праздник» охватит многие страны и континенты, потому что он вне религии и вне национальности и имеет светский характер.

1. Алмантай, В.Н. Культурная идентичность суваро-чувашей в условиях глобализации / В.Н. Алмантай. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 167 с.
2. Айни, С. Гулянье в Файзабаде. – Соч. – Т. 4. – М., 1974.
3. Лыкошин, Н. Встреча весны – Сайл в Худжанде/Туркестанские ведомости, от 16.03.1903. – № 22.
4. Негмати, А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. – Душанбе, 1989.
5. Раджабов, З.Ш. Страницы прошлого. – Душанбе, 1986.
6. Рык-Богданик. Навруз в Ходженте//Туркестанские ведомости. – 12.03.1906, – № 40.
7. Страбон. География. – М.: «Наука», 1964.
8. <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5639>; <http://www.uztour.biz/navruz.htm>; <http://www.navruz.edunet.uz/>; <http://www.lawfulstate.ru/civboomreligissl.html>; <http://www.navruz.edunet.uz/gip.htm>

РАЗДЕЛ VIII. ФИЛОЛОГИЯ

Mironenko V.V.

The pragmatic aspect of the functioning of English phraseological units with ethno cultural semantics*Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, branch in Sevastopol
(Russia, Sevastopol)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-56

idsp: ljjournal-01-2019-56

Abstract

The article is devoted to the problems of studying the structure of the value of ethnocultural phraseological units of English origin from the standpoint of cognitive semasiology. The leading role of the internal form in the formation of the value of ethnocultural phraseological units is established, the place of the ethnocultural component in their semantic structure is determined.

Keywords: phraseological units, ethnocultural semantic component, image, language picture of the world, language, culture.

Аннотация

Статья посвящается проблемам исследования структуры значения этнокультурных фразеологизмов английского происхождения с позиций когнитивной семасиологии. Установлена ведущая роль внутренней формы в формировании значения этнокультурных фразеологизмов, определено место этнокультурного компонента в их семантической структуре.

Ключевые слова: фразеологизмы, этнокультурный семантический компонент, образ, языковая картина мира, язык, культура.

Today in modern linguistics a considerable attention is paid to the study of language in close connection with the culture of the people who speak it. The ethnocultural originality of phraseological units has been recognized by researches since the inception of phraseology as a separate philological field.

For the formation of the linguistic-culturological direction in the field of phraseology, an important role was played by the ideas of the relationship of language and culture, proclaimed in the framework of the linguistic tradition (N.F. Alefirenko [1], V.A. Maslova [3], M.I. Makrushina [4], A.M. Molodkin [5] and others).

According to the structural, functional and semantic or anthropocentric approach to the study of phraseological units, in the development of phraseology as a linguistic science, classical, post-classical and modern stages can be identified. They have their own priorities in the study of idioms. Ethnocultural issues become extremely relevant for anthropocentric-oriented phraseology.

Idioms have ethnocultural, they reflect the national culture both dismembered and complex, as well as through their prototypes which describe certain customs, traditions, peculiarities of life, culture, historical events.

A phraseological image often retains the national specificity of the phraseologism because it relies on realities that are known only to one people, representatives of one nation. The national specificity of the phraseological image reflects the way of life and character of the people, its history, spiritual life, unique traditions, customs and ethnic life in a special selection of lexical components of a particular phraseological unit.

The national specificity of the phraseological units of English is a multidimensional phenomenon, which should be investigated for a number of parameters in the process of

semantic analysis of a phraseological unit: identifying the components of a phraseological unit, their etymology, their semantic analysis.

Phraseological units that characterize denotation by appealing to the views of native speakers about a particular phenomenon of national culture are called ethnic units. They may be spiritual or material. Internal form determines the ethnic and cultural specificity of the phraseological units. It fixes verbal associations in the semantic structure, evokes a figurative representation of the subject. The brightness of the image depends on the degree of transparency of the internal form. The disappearance of the corresponding realities, traditions, social or cultural phenomena destroys the derivational semantic link between the phraseologism and its prototype.

From the point of view of cognitive semasiology, the nature of the ethnocultural component of a phraseological meaning and its place in the general semantic structure of phraseological unit are determined in accordance with the type of structure of consciousness with which this component is associated. The value of any language unit is qualified as an element of two structures of consciousness – cognitive and pragmatic. It gives the basis for selection of cognitive and pragmatic components of value.

Phraseological units with an ethnocultural semantic component can be viewed from two points of view: an Englishman as an individual subject, an Englishman as a subject of interaction with society.

According to the general methodological setting of anthropocentrism, the personality which has a variety of its properties and states is the core of denotative sphere of phraseological units with the ethnocultural component.

There are phraseological nominations of a person's social origin, his gender and age characteristics, mental abilities, moral qualities, character traits and appearance among the phraseological units with ethnocultural component. The social origin of a person can be prestigious, for example, 'to grow up with the rituals of Henley and Wimbledon' (grow up in a wealthy family, belong to the upper classes), or not prestigious, for example, 'country blood' (a person who has dark-skinned ancestors). Gender signs of the individual are illustrated by such phraseological unit as 'blue stocking' (a pedantic woman devoid of femininity), age signs – 'Tyburn blossom' (a young offender), phraseological unit expresses mental abilities 'wise man of Gotham' (a man who makes unreasonable things), moral qualities – 'Sir Galahad' (noble). Human traits that are reflected in the meaning of phraseological units with ethnocultural component are predominantly negative – 'pudding heart' (coward).

The human condition is divided into mental and physical. Among the mental states are allocated emotional state is allocated among the mental ones. Such idioms can illustrate this: 'to get the hump and pleased as Punch' (satisfied), 'two stops from Becontree' (crazy). Mental states may be both positive and negative. As for physical conditions of a person which are reflected in the phraseological units with ethnocultural semantic component are always negative. For example, 'one over the eight' (being drunk), 'to sup with Sir Thomas Gresham' (being hungry), 'Drury Lane ague' (venereal disease), 'Davy Jones's locker' (grave of sailors who drowned in the sea) [2].

From the point of Englishman as a subject of interaction with society, phraseological units with ethnocultural semantic are the most numerous. There are fragments that express natural, man-made and symbolic environment. A special place is occupied by idioms, in which the estimated component dominates. Englishman's habitual life is reflected in the phraseological names that contain the plants, for example, 'Cheddar pink' (a kind of carnation) (flowers), creatures, for example, a 'furry thing' (rabbit), stars, for example, 'Charles's Wain' (Ursa Major), geographic regions such as 'the Land of Cakes' (Scotland).

Culture of the British also may be expressed in the phraseological names of buildings, for example, 'Anderson shelter' (Anderson bomb shelter), vehicles, for example, 'the two penny tube' (London Underground), tools, for example, 'Brummagem screwdriver' (hammer), clothes, for example, 'British warm' (short warm overcoat) [6, c. 65-68].

The group of phraseological units with ethnocultural semantic component consists of units in which the ethnocultural component is associated with the cognitive component of

phraseological meaning. The correlation of the ethnocultural semantic component with different layers of cognitive meaning predetermines the peculiarities of the interaction of the cognitive component of phraseological units with the pragmatic one.

The linguo-culturological parameter of the semantics of phraseological units is the way of ethnic commentary of the internal form. The figurative basis is the national vision of the surrounding reality which is presented by a stable unit and called the phraseological picture of the world.

Linguistic and cultural commentary of idioms shows the hidden, not evident features of the embodiment of culture in idioms. Phraseologisms are considered as an ethnocultural text that can be interpreted by indicating cultural meanings that are embedded in the semantics of a phraseological unit.

In the conclusion it should be noted that the phraseological system of the language represents a form of reflection in the minds of its carriers of objective reality, systemic relations of the realities of the world. It is structurally embodied in a phraseological fragment of the linguistic picture of the tongues of native speakers that systematizes knowledge of the surrounding reality and represents language knowledge of the means of linguistic phraseologies. The phraseological corpus of a language, being part of the linguistic picture of the world, is a strictly ordered system of phrases, each of which performs certain functions in the process of reflecting certain fragments of the surrounding reality.

The ethnocultural identity of the linguistic community is most clearly revealed in phraseology. The phraseological system of the language, that is an integral part of the language system, reflects the dialectical unity of language and culture, language and society.

1. Алефиренко Н.Ф. Языковой сознание и лингвокультурология образной идиоматики / Н.Ф. Алефиренко // Фразеологическая картина мира: Материалы Международной конференции «Фразеология и миропонимание народа». – Ч. 1. Тула: ТГПУ, 2002. – С. 5–12.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2006. – 580 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. 2-е изд., стереотип. – М.: Изд-во Академия, 2004. – 208 с.
4. Макрушина М.И. Понятие «картина мира» в лингвистике / М.И. Макрушина // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации. – Волгоград: Изд-во Перемена, 2005. – 485 с.
5. Молодкин А.М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном аспекте / А.М. Молодкин. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 184 с.
6. Нагорная А.А. Структурно-семантические особенности английских фразеологических единиц с национально-культурным потенциалом / А.А. Нагорная // Межкультурная лингвистика и формирования иноязычной коммуникативной компетенции: материалы междунар. научно-практической. конф., 28-29 сент. 2006 – М., 2006. – С. 65–68.

Джабраилова В.С., Фомичева М.П.

Медийный дискурс как объект лингвистического исследования

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/lj-01-2019-57

idsp: ljjournal-01-2019-57

Аннотация

В статье рассматривается понятие, функциональные особенности и специфика понятия «медиадискурс», который представляет интерес для лингвистов, поскольку именно этот вид дискурса фиксирует текущие языковые нормы, вводит в корпус языка неологизмы, позволяет отследить современное состояние лексико-грамматического состава языка. Для изучения актуального состояния языковой системы необходимо понимать среду, из которой приходят лексические и грамматические единицы, влияющие на развитие языковой системы в целом.

Ключевые слова: медийный дискурс, функциональные особенности медиадискурса, цифровая коммуникация, языковые, культурные и коммуникативные нормы, участники коммуникации, тексты медийного дискурса (медиатексты), медиа-язык.

Abstract

The article discusses the concept, functional features and specific peculiarities of the notion “media discourse”, which is of interest to linguists, since it is this type of discourse that fixes the current language norms, introduces neologisms into the system of a language, and allows tracking the current state of the lexical and grammatical texture of the language. To study the current state of the language system, it is necessary to understand the environment from which the lexical and grammatical units come, influencing the development of the language system as a whole.

Key words: media discourse, functional features of media discourse, digital communication, language, cultural and communicative norms, participants of communication, texts of media discourse (media texts), media language.

В последние десятилетия XX века в научно-лингвистической литературе появилось понятие дискурса. Наиболее динамично развивающимся его видом по праву считается медиадискурс, поскольку он представляет собой совокупность различных средств коммуникации и способов передачи информации, образующих медиасреду, которая, вследствие отсутствия информационных границ, обладает способностью меняться, развиваясь вместе с общественными явлениями и подстраиваясь под них.

С точки зрения лингвистики проблема определения термина «медиа дискурс» является актуальной, поскольку именно этот вид дискурса фиксирует текущие языковые нормы, вводит в корпус языка неологическую лексику, позволяет отследить современное состояние лексико-грамматического состава того или иного языка, помогает выявить тенденции перевода в рамках отдельных тематических направлениях. Для понимания функциональных особенностей медийного дискурса, необходимо дать ему определение.

В.В. Красных под дискурсом понимает вербализованную речемыслительную деятельность, в основе которой лежат как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Дискурс – это «совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации» [5, с. 113].

Существуют различные типы дискурса. С одной стороны, исследователи разграничивают национальные дискурсы (например, русский, английский, испанский и т.д.), с другой – в рамках одного национального дискурса они выделяют, например, дискурс поэтический, эстетический, научный, критический, педагогический, юридический, политический и другие. По сравнению с другими типами дискурса в социуме чаще всего проявляет себя медиадискурс, в настоящее время представленный, главным образом, сетью Интернет, и это не случайно. Благодаря Интернету возросло не только количество подключенных к сети пользователей, но и также предложение опосредованной компьютером форм коммуникации. В личной жизни и профессиональной сфере, а также во многих науках, таких как социальные науки, психология, теория коммуникации, лингвистике, они стали играть все большую роль, интерес к компьютерной коммуникации вырос. Таким образом, можно согласиться с тем, что «цифровые средства массовой информации могут оказать революционное влияние на наш язык общения, и они могут изменить весь строй нашего мышления» [12]. Кроме того, так как новые формы коммуникации имеют настолько широкое и разнообразное применение, компьютер может рано или поздно стать серьезной конкуренцией для обычных средств коммуникации, таких как газета, радио или телевидение. Языковые, культурные и коммуникативные нормы в компьютерной коммуникации значительно изменились по сравнению с обычными средствами массовой информации. В то время как пользователь компьютера решает, в зависимости от того, кому и как он пишет, уважать ли ему культурные и коммуникативные нормы, как автор текста он оказывает существенное

влияние на нормы языкового употребления в новых средствах массовой информации [14; с.9].

На рубеже третьего тысячелетия в коммуникативных процессах произошли серьезные изменения, связанные с всевозрастающим воздействием современных массмедиа на жизнь отдельных индивидов и общества в целом. Можно сказать, что современная языковая личность живет в пространстве медиатекстов, представленных контекстом массовой информации. И изучение медиатекстов является основой для формирования представления о том, как реальность конструируется и репрезентируется в средствах массовой информации. Цифровая среда представляет собой пространство для осуществления диалога. Принципиальной в ней является возможность быстрого и несложного переключения между ролью реципиента (читателя или слушателя) и ролью источника новостей (пишущего или говорящего). Как правило, все участники коммуникации в курсе темы предварительного общения, так что при планировании нового сообщения предусматриваются предыдущие сообщения [11].

Тексты медийного дискурса, представленные в сети Интернет, безусловно влияют на текущее состояние языка. Большинство людей в Германии, например, мало ценят хороший стиль речи, немецкий язык все больше приходит в упадок. С таким мнением по опросу, проведенному Институтом Алленсбах по изучению общественного мнения в 2008 году, согласились 65 процентов респондентов. Опрос был проведен по поручению общества немецкого языка (DGfS) и немецкого языкового совета. 43 процента респондентов назвали одной из причин ухудшение языка то, что "при обмене SMS и электронной почтой мало обращают внимания на хороший стиль". Также в прессе и общественных кругах наблюдается озабоченность тем, что язык и навыки письма ухудшаются из-за новых средств массовой информации и Интернета.

Лингвистическое исследование в области сетевых коммуникаций оценивает такое развитие языка, в целом, оптимистично. Несомненно, Интернет меняет язык, но изменения ограничиваются письменной речью, и их можно классифицировать как разграничение письменных текстов с характерными образцами формулирования. Многие образцы письменной речи в сети отличаются от профессионально отредактированных текстов. Это можно объяснить изменением условий, в которых чтение и письмо происходит в сети. Нет никаких свидетельств того, что области текстовых категорий, для которых важна лингвистическая разработка, находятся под влиянием неформальных шаблонов письма в сети. Кроме того, нет также доказательств того, что школьные навыки письма ухудшаются вследствие пользования электронной почтой или социальными сетями. Эмпирические исследования, напротив, показывают, что молодежь, как правило, может различать языковые стили и регистры [15].

С лингвистической точки зрения, Интернет – это среда, которая значительно расширила функциональные области письменных действий. Так как электронная почта часто заменяет не только почту и факс, но и телефонный звонок, часть устных разговоров смещается в письменную речь.

Цифровая коммуникация окружает нас и формирует нашу жизнь. Во многих ситуациях, не только личной, но и профессиональной жизни, в образовании и учебе мы используем все больше коммуникационных приложений, чтобы поддерживать дружеские отношения, общаться с единомышленниками, чтобы участвовать в социальных процессах и образовании мнений, обмениваться знаниями, или для того, чтобы совместно с другими организовать процесс обучения или рабочий процесс. Для успешной работы с формами цифровой коммуникации в личной и профессиональной жизни, в школе, учебе и обучении важно знать общие условия общения и языковые особенности, и уметь отличать чаты, форумы, социальные сети, SMS, WhatsApp от других форм общения. Особенно это касается письменной цифровой коммуникации: письменные сообщения, которыми обмениваются в цифровой связи, имеют значительные отклонения от текстов литературного письменного языка. Важно знать эти отклонения и уметь объяснить, как они осуществляются – и почему написание в цифровой коммуникации служит другим

целям, нежели подготовленные тексты, предназначенные для последующего чтения, а не для дальнейшего развития текущих диалогов и коммуникаций.

В то же время необходимо иметь в виду, что хотя цифровая связь имеет ряд „типичных“ элементов (в том числе ориентация на разговорный сленг, смайлики, эффект быстрого письма), но все равно сообщения не всегда одинаково оформлены. Как в устном, так и в письменном общении в повседневной жизни, лингвистическое оформление высказываний в цифровой коммуникации имеет большое разнообразие - в зависимости от того, кто общается с кем, с какой целью, на какую тему и в каких социальных сферах деятельности [11].

Возвращаясь к вопросу определения медиатекста, следует сказать, что границы этого дискурса обозначить крайне сложно, но это представляется важным, поскольку для изучения динамики развития языка необходимо понимать статус языкового материала, из которого извлекается та или иная изучаемая единица, которая впоследствии маркирует собой языковую среду. Рассмотрим различные подходы к определению этого явления.

Под медиатекстом, как правило, понимают «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [8 с.13]. Немецкие лингвисты Кох и Остеррайхер при описании устного и письменного языка выделяют в рамках медийного текста концептуальную устную речь, медийную устную речь, и письменную речь [13]. К категории медиатекстов относятся газетно-публицистические тексты, рекламные тексты, телетексты, Интернет-тексты, PR-текст и т.д. [4, с. 320].

Большинство ученых сходятся в том, что термин медиатекст является родовым обозначением «ряда предшествующих терминов» и основными сферами его функционирования являются журналистика, PR и реклама [8, с. 13]. Иными словами, в медиатексте пересекаются коммуникативные сферы производства информационных продуктов – журналистика, реклама, PR.

В ряде научных работ предлагается список отличительных признаков рассматриваемого феномена, который, по определению, и должен составлять содержание понятия «медиатекст». Специфика медиатекста определяется, прежде всего, внешними условиями его существования, к которым относятся:

- особый тип и характер информации, транслируемой СМИ;
- производство «на поток», одноразовость, невозпроизводимость;
- коллективное производство медиапродукта (всякий текст создается и обрабатывается несколькими лицами (журналистом, редактором, оператором, режиссером, монтажером и т.д.);
- опосредованность общения и особый характер обратной связи (ограниченный, минимизированный или вовсе отсутствующий, отложенный во времени и пространстве);
- значимость технических средств, посредством которых транслируется сообщение (технические возможности не просто «упаковка» контента – они преобразуют и структурируют само сообщение, поэтому, например, одна и та же новость формирует денотативный план разных новостных печатных, радио-, теле- и Интернет-текстов.
- экономический параметр, определяющий идеологию издания и влияющий на его содержательное и техническое воплощение [8, с. 11 – 13].

Т.Г. Добросклонская, рассматривая медиатекст как «сложное, многоуровневое и многомерное явление», предлагает следующую систему параметров: способ производства, форма создания, форма воспроизведения, тематическая доминанта, канал распространения, функционально-жанровый тип текста [3, с. 31]. В качестве важного статусного параметра медиатекста исследователи выделяют канал распространения – телевидение, радио, СМИ, Интернет, где опредмечивается определенным образом кодировка действительности [6, с. 41].

Абсолютное большинство исследователей отмечают многоуровневый, динамичный характер медиатекста. По мнению М.Ю. Казак, медиатекст как

многоуровневый знак объединяет в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (медийные, вербальные, невербальные) и демонстрирует свою открытость на знаковом, композиционно-структурном и содержательно-смысловом уровнях» [4, с. 322].

Все исследователи в области лингвистики отмечают, что ключевой фигурой во многих медиатекстах является нарратор, т.е. автор, который является не просто составителем текста, а субъектом всего текстового пространства. Его ярко выраженное присутствие позволяет предъявлять различные виды информации: подтекстовую, фактологическую, концептуальную. Актуализация диалоговых отношений «автор – адресат» происходит благодаря выстраиванию сложных прагматических связей с целевой аудиторией [6, с. 141 – 142].

Массовость, как считает Л. Селезнева, – основной признак медиатекста, т.к. он направлен на массовую аудиторию, характеризующуюся разнородностью состава и неопределенным количеством неизвестных адресатов [7].

В медиатекстах происходит фиксация реальных событий, которые нагружаются дополнительными информационно-культурными смыслами с помощью медиа-языка – комплекса выразительных средств. Именно медиа-язык определяет характер медиакультуры, несущей материальные и интеллектуальные ценности в общество [10, с. 21]. При этом следует отметить, что интерпретация всех тематических и смысловых кодов таких новых текстов требует особой подготовки реципиента, потребителя информации [1, с. 275].

Медиатекст создается не только с помощью медиаязыка (вербального и невербального), в его создании участвуют творчество автора, его языковые вкусы и чисто индивидуальные пристрастия, а также возможности канала распространения.

Изучение медиатекста происходит на функциональном и прагматическом уровнях. В первом случае медиатекст рассматривается как продукт речевой деятельности и стиля. Во втором случае изучаются коммуникативное намерение, коммуникативная установка и адресность медиатекста, а также его воздействие на реципиента [2, с.26].

Таким образом, стилистические и коммуникативные нормы определяют выбор средств и их организацию в медиатексте. Связь языковых норм с текстом обязательно должна опираться на функционально-стилистическую классификацию текстов, на их жанровые различия.

Существуют различные типологии медиатекстов, что неудивительно, если принять во внимание их принципиальную разнородность. По мнению Г.Я. Солганика, идеальной была бы такая классификация, в которой все виды и типы текстов выделялись бы на основании единого релевантного критерия, однако такой критерий пока не найден, да, видимо, и невозможен в принципе [9, с.8].

Итак, современная система медиадискурса – это динамично развивающаяся структура, внутри которой существуют свои внутренние и внешние связи. Внутренняя связь между различными текстами данного дискурса обусловлена единым типом творчества – публицистическим, а внешняя – тем, что каждый текст медийного дискурса, в отличие, например, от текста литературного, всегда порождается потребностями отражения современной жизни с целью воздействия на общественное мнение. Это то, что и по сей день остается в качестве основной системообразующей характеристики медиадискурса.

1. Антонова Л.Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2011. – №2. – Том 1 (Гуманитарные науки). С. 275-278.
2. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. – М., 2008. – 280 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. – 203 с.
4. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста / М.Ю. Казак // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 320 – 334

5. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Овчарова Г.Б. Специфика коммуникативных продуктов в пространстве медиа // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. Сб. материалов V Международной научно-практ. конференции. Белгород, 2014. С. 140-142.
7. [Электронный ресурс]: науч.журнал/Селезнева Л. Специфика медиатекста в PR-дискурсе./ Электронная библиотека БГУ, 2013. режим доступа к журн.: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/50709>, свободный
8. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А.Кузьмина – Омск, 2011. – 414 с.
9. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.
10. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с.
11. [Электронный ресурс]: Beißwenger, Michael: Sprache und Medien: Digitale Kommunikation. In: StudiKurs Sprach- und Textverständnis. E-Learning-Angebot der öffentlich-rechtlichen Universitäten und Fachhochschulen und des Ministeriums für Innovation, Wissenschaft und Forschung (MIWF) des Landes Nordrhein-Westfalen. Essen 2015, S. 3-5, режим доступа к журн.: http://www.michael-beisswenger.de/pub/beisswenger_digikomm_preview.pdf, свободный
12. Bittner, Johannes: Sprache, Digitalität, Kommunikation. Erich Schmidt Verlag, Berlin 2003, S. 24
13. Koch, Peter/Oesterreicher, Wulf: Sprache der Nähe – Sprache der Distanz: Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte. In: Olaf Deutschmann (Hrsg.) Romanistisches Jahrbuch 36. Berlin/New York 1985. S. 15-43
14. Marterer, Julia Johanna: Sprache und Neue Medien. Analyse des Sprachgebrauchs in den Kommunikationsformen E-Mail und Chat. Gießen 2006, с.9
15. Storrer, Angelika: Über die Auswirkungen des Internets auf unsere Sprache //Hubert Burda, Mathias Döpfner, Bodo Hombach & Jürgen Rüttgers (Hrsg.): 2020 – Gedanken zur Zukunft des Internets . Essen: Klartext Verlag, S. 219-224.

Книга Г.П.

Проектно-исследовательская деятельность учащихся как эффективное средство их интеллектуального и творческого развития

Государственное учреждение образования "Гимназия г.Пружаны"
(Россия, Пружаны)

doi: 10.18411/lj-01-2019-58

idsp: ljournal-01-2019-58

Аннотация

В работе говорится о создании системы работы на уроках белорусского языка и литературы и внеурочное время, которая дает возможность учителю и ученикам реализовать основные принципы исследовательской работы в школе.

Ключевые слова: проектно-исследовательская деятельность, самостоятельность, творческая личность.

Abstract

The paper deals with the creation of a system of work in the lessons of the Belarusian language and literature and extracurricular time, which allows teachers and students to implement the basic principles of research at school.

Key words: design and research activities, self-reliance, creative personality

Цель моего опыта по теме – расширение познавательных интересов, практических навыков учащихся, их интеллектуального и творческого потенциала через применение проектно-исследовательских методов обучения на уроках и во внеурочное время.

Современное общество ставит задачи качественных изменений в деятельности всей школы, придавая большое значение формированию способности ученика к самостоятельному поиску информации. От нашего понимания значимости этих умений и готовности к формированию соответствующих навыков у учащихся зависит не только успех детей в познавательной и практической деятельности, но и в определенной степени вероятность их социальной адаптации. Всё это обуславливает необходимость применения

в образовательном пространстве школы исследования как средства, организующего учебную деятельность учащегося. В настоящее время, пожалуй, нет школы, в которой не говорили бы об исследовании, о педагогических технологиях, которые направлены на организацию самостоятельной работы школьников.

Одной из наиболее эффективных и современных форм совершения самостоятельного обучения является выполнение школьниками самостоятельных исследований. Почему? Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, врожденное любопытство детей и их влечение к переосмыслению мира делают исследование очень важной для них сферой деятельности. Во-вторых, выполнение детьми самостоятельных исследований даёт возможность удовлетворить их индивидуальные потребности и запросы, их индивидуальные возможности.

Одной из наиболее эффективных и современных форм совершения самостоятельного обучения является выполнение школьниками самостоятельных исследований. Проблему исследовательской деятельности в школе рассматривали на протяжении многих лет А. Ф. Ануфриев, А. И. Бируля, П. Вайнциг, И. М. Кузнецов, Ю. М. Куражковский, А. В. Леонтович, Н. Б. Шумакова, В. П. Вахтеров. Работы данных исследователей явились методологической основой опыта, который я предлагаю. Самый пламенный защитник и пропагандист активных методов обучения, в основе которых лежит эвристический метод или метод исследования, В. П. Вахтеров говорил, что "образован не тот, кто много знает, а тот, кто хочет много знать и кто умеет добывать эти знания". Он подчеркивал исключительную важность мыслительных умений школьников: умения анализировать, сравнивать, комбинировать, обобщать и делать выводы, важность умения пользоваться приёмами научного исследования хотя бы и в самой элементарной форме. Для того, чтобы школьник овладел этими умениями, необходим другой метод обучения – эвристический, а не репродуктивный. Учитель в этом случае только ставит перед учеником задачу, даёт материалы, а ученик сам открывает то, что было открыто или изобретено к нему. В этом случае ученик не только обретает знания, но учится тому, как их добыть, как самому наблюдать, экспериментировать, обобщать, сравнивать, классифицировать. [3, с.148]

Цель этого метода – "вызвать" в сознании ученика тот самый мыслительный процесс, который переживает творец и изобретатель данного открытия или изобретения. Чтобы с успехом пользоваться эвристическим методом, нужно знать еще и детей, их силы и возможности, а главное – нужно умение управлять самостоятельной исследовательской деятельностью детей. Поэтому задача учителя – объяснить ученику непонятные термины и понятия на понятном им языке. С расширением исследовательской деятельности учащихся встает ряд вопросов, на которые нельзя дать однозначный ответ. Вахтеров В. П. говорил, что "многое из того, что усваивает ученик, забывается, но зато остается привычка определенным образом работать над материалом. Значит, ценны не одни знания сами по себе, а прежде всего способы, которыми они добываются". Наиболее часто применяю методы обучения, развивающие личность: проблемное обучение; частично-поисковые методы; проектно-исследовательские методы. Роль учителя в процессе применения проектно-исследовательских методов заключается прежде всего в построении таких заданий, которые обеспечили бы творческое применение учениками основных знаний. Кроме того, учитель должен контролировать ход работы учеников, направлять её в случае отклонения их от правильного пути, проверять результаты работы, организовать их обсуждение. Суть опыта заключается в создании системы работы на уроках белорусского языка и литературы и внеурочное время, которая дает возможность учителю и ученикам реализовать основные принципы исследовательской работы в школе. Идея опыта – совершенствование подготовки учащихся к НПК и Олимпиаде в рамках исследовательско-практической ориентации. Я на практике убедилась, что использование элементов проблемных, поисковых, проектно-исследовательских методов делает обучение более продуктивным. Развитие исследовательских умений и навыков учащихся

помогает достичь некоторых целей: поднять интерес учащихся к учёбе; мотивировать их на достижение более высоких результатов. Кроме того, проектно-исследовательские методы я давно применяю и при организации внеклассной работы с учениками. Это позволяет реализовать личный творческий и интеллектуальный потенциал учащихся в научно-исследовательской деятельности. Например, учениками были созданы 22 творческие и исследовательские работы. Совместно разработаны на основе исследований сценарии семейных обрядов: сватание, свадьба, хресъбины. Эти постановки были продемонстрированы перед родителями и на конкурсе "Родовод". При осуществлении такого обучения в урочное время ученики вынуждены сами постигать знания, а не получать их в готовом виде от учителя. При изучении новой темы мною создаются такие ситуации, которые дают ученикам возможность ознакомления с правилами и в то же время требуют от них самостоятельно выводить эти правила из предложенных упражнений и заданий.

Через характеристику образов на уроках литературы школьники имеют возможность выразить своё понимание поведения того или иного героя, сопоставить разные мнения об поступках, ошибках и жизненных взглядах людей. Каждый ученик самостоятельно изучает, описывает и интерпретирует те сведения и наблюдения, которые он наряду со всеми получает в ходе исследования. При изучении понятий я предлагаю ученикам примеры, из которых это понятие самостоятельно можно вывести. На уроках белорусского языка в 5-7 классах приобретение более простых знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения исследовательской работы, я осуществляю через обучение основам самостоятельной деятельности, развитию нестандартного мышления. Важно развивать навыки решения проблемной ситуации, критическое мышление. В качестве примера приведу следующие методы:

В конце урока предлагаю ученикам подумать над услышанным во время занятий и ответить на вопросы. Предлагаю выбрать тему, требующую анализа, рассуждений. Достаточно эффективно использую приёмы технологии критического мышления: составление кластера, использование таблиц, синтезирование информации с помощью синквейна. В 8-11 классах я предлагаю задания сравнительного анализа языкового материала; задания, требующие критического мышления, размышлений; задания, требующие синтеза материала, формулирования выводов.

Когда исследуется явление или предмет, выходящие за пределы предмета, который я преподаю, то стараюсь организовать консультации со специалистами по исследуемым проблемам. Например, при написании исследовательской работы "Чудотворные иконы Беларуси" мы обращались к отцу Михаилу, а также встречались с сотрудниками краеведческого музея. А во время написания исследовательской работы "Проблемы молодежи в прозе XXI века" мы пригласили на урок Валерия Гапеева, который смог дать ответы на все вопросы наших начинающих исследователей литературы. Когда проводили исследование об особенностях белорусского костюма, то пришлось встречаться с руководителем театра моды при Пружанском центре творчества детей и молодежи Лапука В. М. При выборе темы я предлагаю своим учащимся несколько проблем, а они сами выбирают то, что для них интереснее и ближе. Успех гарантирован, если тема не только интересна для ученика, но и актуальна для ученического коллектива.

Проектно-исследовательской деятельностью со своими воспитанниками я занимаюсь с 2004 года и за это время разработаны творческие и учебно-исследовательские проекты. В 2009 году со своим сценарием о Беловежской пуше Брестскую область на международном экологическом фестивале "Природа Беловежской пуши глазами детей", который проходил на базе республиканского лагеря "Зубренок", представила наша ученица. Такой чести она заслужила как победительница республиканского конкурса театрального творчества "Природа. Культура. Экология" в номинации "Импровизационно-игровые театрализации" с работой "Мифическая сказка". С научно-исследовательскими и творческими работами мы выступали на НПК, были

победителями не только на районном, областном, республиканском, но даже и на международном уровне. Мы принимаем активное участие в различных конкурсах, где также отмечены дипломами и грамотами.

Результативность проектно-исследовательской деятельности учащихся

2016	"История моего рода"	Республиканская конференция научно-исследовательских работ	Диплом III степени
2016	"Чернобыльская трагедия глазами Е.Василевич"	Районная научно-практическая конференция	Диплом III степени
2016	"Белорусские поэты - переводчики русской классики"	Районный конкурс творческих работ	Диплом III степени
2017	"Моя фамилия - лучшая в мире"	Районный конкурс учебно-исследовательских работ	Диплом I степени
2018	"Здесь родные держат корни"	Республиканский конкурс научно-исследовательских работ	Диплом II степени

Я являюсь руководителем 8 видеопроектов: "Сегодняшние творители национальных традиций"; "Люди, создающие красоту", "Творец современной истории", "Мои земляки - моя гордость", "Моя семья - моя гордость", "Стёклышко счастья", "Живой источник талантов родного края", "Голубая мечта". Эти проекты были приурочены к акции "Живу в Беларуси и тем горжусь", они демонстрировались перед учениками и родителями, на научно-практических конференциях. Все проекты были победителями конкурсов. Достаточно высокую эффективность предлагаемого опыта подтверждают и результаты районных, областных и республиканских олимпиад. Мои ученики каждый год становятся победителями олимпиад по белорусскому языку и литературе, интернет-олимпиад, заочных олимпиад по журналистике и олимпиаде, посвященных белорусским классикам.

1. Источник №1 Ануфриев А.Ф. Научное исследование. Курсовые, дипломные, диссертационные работы. М., 2002.
2. Источник №2 Бирюля А.И. Методы научной работы. Харьков, 1982.
3. Источник №3 Вахтеров В.П. Избранные педагогические сочинения. Москва, «Педагогика», 1987.

Кузьмичева В.А.

**Семантико-синтаксические особенности глаголов, объективирующих фрейм
«социальная деятельность по достижению цели»**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-59

idsp: ljjournal-01-2019-59

Аннотация

Статья посвящена проблеме практического применения современной лингвистической теории: семантики фреймов. Значения глаголов как единиц языка исследуются через их когнитивные представления. В статье рассматриваются проблемы формирования, описания и репрезентации компонентов фрейма на языковом уровне.

Ключевые слова: фрейм, когнитивная семантика, концепт, прототип, глаголы, социальная деятельность.

Abstract

The article is devoted to the problem of practical application of the modern linguistic theory: frame semantics. The meanings of the verbs as the parts of language are investigated

through their cognitive representation. The article deals with the problem of formation, description and representation of the frame components on the language level.

Keywords: frame, cognitive semantics, concept, prototype, verbs, social activity.

Ориентация в окружающем мире требует от человека осмысления поступающей к нему информации, организации ее в связные структуры и тем самым формирования определенного образа. Когнитивное направление лингвистики пытается выяснить, как именно знания о мире преломляются в человеческом сознании и какие механизмы задействованы в их репрезентации на языковом уровне.

В задачи нашего исследования входило рассмотрение когнитивных оснований семантики глаголов социальной деятельности по достижению цели (aim, arrive, acquire, achieve, attempt, attain, accomplish, deserve, emulate, exceed, excel, fulfill, intend и др.) через обобщение когнитивных представлений, стоящих за их значениями. В связи с этим необходимо было описать соответствующий концепт и выявить формирующие его концептуальные признаки.

Антропоцентрическая направленность лингвистики, а также постулаты когнитивной семантики открывают возможности репрезентации различных видов жизнедеятельности человека и способов его взаимодействия с окружающей средой. В системе языка глаголы социальной деятельности по достижению цели отражают многозначность концепта человеческой деятельности как процесса восприятия мира.

Мы попытались исследовать механизмы репрезентации данного концепта на языковом уровне, опираясь на теорию фреймовой семантики двадцатого века [2; 6; 11] и последних лет [1; 5; 7], а также теорию концептуальной интеграции [4; 12]. Первая оперирует понятием фрейма как некой когнитивно-пропозициональной модели, организующей знания о той или иной стереотипной ситуации. В основе второй лежит важнейшее свойство человеческого сознания – устанавливать связи между различными ментальными пространствами, постоянно формирующимися в нашей голове и позволяющими выйти за рамки непосредственно наблюдаемого.

Ментальные пространства структурируются фреймами и, благодаря свойствам последних, способны накладываться одно на другое, образуя своеобразный «гибрид». При этом наследуются какие-то исходные признаки и возникают новые, создавая иной фрейм с присущими только ему свойствами.

При анализе когнитивной работы в голове человека по образованию концепта социальной деятельности по достижению цели мы пришли к следующим выводам. Система онтологических характеристик, отражающая отношения объективного мира и определяющая место в ней человеческой деятельности, такова, что активность любого живого организма, в конечном счете, вызывается его потребностями и направлена на их удовлетворение. Потребности человека являются мотивом, толчком к деятельности, стимулируют ее, однако при этом сами формы и содержание деятельности определяются общественными условиями, требованиями и опытом. Такой тип поведения настолько специфичен, что для его обозначения употребляется особый термин – деятельность социальная.

Фактические результаты деятельности сопоставляются с моделью желаемого будущего – цели, которая обязательно представлена в голове человека. Ситуация социальной деятельности по достижению цели может быть объективирована концептами «цель» и «деятельность». Фрейм полученного интегрированного концепта представляет собой синтез исходных ментальных пространств и способствует реализации свойства человеческого сознания к постоянному созданию новых.

На примере исследования фактического материала рассмотрим механизм репрезентации фрейма социальной деятельности по достижению цели на языковом уровне. Фрейм, соотносимый с указанным концептом, можно представить в виде логически организованной структуры знаний о стереотипной ситуации, связанной с

осуществлением социальной деятельности по достижению цели. К тому же, данный фрейм обуславливает семантическую общность и разнообразие активизирующих его глаголов.

Исходя из характеристики стереотипной ситуации социальной деятельности по достижению цели, предположим, что ее прототипический субъект наделен признаками «одушевленности», «активности», «волитивности», «контролируемости», «сознательности» и др., а потому, на основании уже существующих исследований категории субъекта [3; 9; 10], является агенсом.

Очевидно, что субъект – центральный актанта в ситуации социальной деятельности по достижению цели, он формирует ее синтаксический репертуар. В роли агенса в данном случае могут выступать одушевленные имена существительные, называющие человека (речь идет о деятельности социальной, то есть присущей только человеку), а также их субституты (местоимения, субстантивированные прилагательные и т. п.).

При этом осмыслению глаголов социальной деятельности как акциональных способствует прекрасное сочетание агентивного субъекта с модальными глаголами.

Ясно, что социальная деятельность по достижению цели возможна лишь при активном субъекте, поэтому репрезентирующие данную ситуацию глаголы в пассиве не типичны. Однако допустимость пассивных конструкций в редких случаях объясняется тем, что реальный субъект, осуществлявший деятельность, может быть словесно не выражен, а в предложении его место занимает объект.

Если же в роли агенса действия выступает неодушевленный объект, то это происходит в результате метонимической или метафорической замены, а также олицетворения. При этом неодушевленному объекту как бы приписывается определенная активность в результате внешней каузации или стечения обстоятельств. Такой агенс наделен признаком «псевдоактивности».

Агенс действия, как правило, не отделим от бенефактора – очевидно, что целеполагающий субъект ставит желательные для него цели и стремится к их достижению.

Если же цели ставятся и осуществляются в интересах кого-то, то это требует отдельной позиции агенса и бенефактора, при этом употребляется глагол *to have to* или отрицательная форма глаголов *to want*, *to wish*, что погашает признак «волитивности», обязательный при постановке цели агенсом.

Объект может носить агентивный характер и в том случае, если субъект лишь каузирует деятельность, но сам ее исполнителем не является. Иными словами, происходит дифференциация инспиратора (вдохновителя) и агенса (исполнителя).

Активная, целенаправленная деятельность субъекта может быть только сознательной, поэтому животные, явления природы и артефакты в качестве агентивного субъекта не типичны, так как признаки «одушевленности» (для последних двух) и «сознательности» в реальном мире для них не характерны. Однако если субъект – «человек» лишен указанных признаков, то он сочетается с глаголами, передающими состояния, которые не выбираются и являются следствием объективно существующей причины, а не субъективной цели. В этом случае признаки «сознательности» и «контролируемости» могут погашаться наречием *unconsciously*.

Признаки «контролируемости» и «сознательности» при осуществлении деятельности по достижению цели на языковом уровне выявляются в контексте наречий и словосочетаний, выражающих степень качества, то есть зависимости исполнения задуманного от усилий субъекта.

Фазовые глаголы *to start*, *to begin*, *to continue*, *to stop* также способствуют интерпретации социальной деятельности субъекта по достижению цели на языковом уровне как контролируемой и сознательной.

В сочетаниях с модальными глаголами *can, must, should* и др. предполагается возможность или обязательность осуществления тех или иных событий со стороны субъекта и, следовательно, их интерпретацию в языке как контролируемых.

Итак, анализ фактического материала, отражающего возможные ситуации социальной деятельности по достижению цели, подтверждает нашу гипотезу о прототипическом субъекте, наделенном всеми признаками субъекта-агенса, который, в сочетании с указанными глаголами, приводит к активизации соответствующий фрейм и является обязательным в его структуре, так как определяет, по сути, всю последующую деятельность.

Иными словами, фрейм, благодаря своей иерархической структуре, гибкости и открытости границ, а также способности к активации через вариативный набор составляющих его компонентов, предполагает наиболее индивидуализированную репрезентацию знаний о стереотипной ситуации. При этом процесс понимания при вербализации фрейма определяется не только значениями языковых форм, но зависит от участников ситуации общения (используется экстралингвистическая информация). Следовательно, фрейм позволяет не отделять язык от его носителя и объясняет способность человека воссоздавать окружающий его мир через мысленную интерпретацию лексическими средствами.

Итак, фрейм является тем действенным механизмом, который превращает формы когнитивного освоения действительности в материальную сущность посредством языка.

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: ТГУ, 2001.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
4. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции // Изв. РАН. – СЛЯ. – 2001. – Т. 60. – № 3. – С. 44 – 49.
5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 1999.
8. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН. – СЛЯ. – 2000. – Т. – С. 3 – 15.
9. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
10. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: УРСС, 2001.
11. Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23.- М.: Прогресс, 1988. – С. 52 – 92.
12. Fauconnier G., Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. – Cambridge, 1994.

Нестеренко Е.Ю.

Обращения в русском медицинском дискурсе

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-60

idsp: ljjournal-01-2019-60

Аннотация

В статье анализируется система обращений в русском медицинском дискурсе. Представлены результаты опроса, проведенного среди русских респондентов, нацеленного на определение главных тенденций в развитии поля обращений. Рассматривается выбор обращения в неравностатусной коммуникации в диадах

«врач/медсестра -пациент» и «врач – представитель среднего медицинского персонала», а также в равностатусном общении между коллегами медицинского учреждения.

Ключевые слова: статусные обращения, медицинский дискурс, антропонимы, нулевой вокатив, эмотивные обращения.

Abstract

The paper considers the vocative system in Russian medical discourse. The paper researches the survey conducted among Russian doctors, nurses and patients. The survey tries to find the fundamental tendencies in the advances of the vocative system. The author examines the choice of vocatives used by doctors, nurses and patients while interacting with each other. In this way, the paper analyzes communication between both superiors and inferiors and among equals.

Keywords: status vocatives, medical discourse, anthroponyms, zero vocative, emotive vocatives.

Медицинский дискурс остается в центре внимания исследователей на протяжении последних десятилетий [1, 3, 5, 8 и др.]. Большое количество работ, посвященных исследованию дискурса, создает иллюзию исчерпанности проблемы. Тем не менее многочисленный исследовательский материал указывает на дискуссионность некоторых проблем.

В. И. Карасик выделяет такие виды институционального дискурса, как медицинский, педагогический, политический, научный и др. Они являются статусно-ориентированными, отражающими взаимодействие «представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [4, с. 190-191].

Некоторые ученые считают, что медицинский дискурс отражает коммуникативную деятельность только в сфере «врач – пациент» [7, с. 15]. Другие исследователи утверждают, что медицинский дискурс – сложное речевое образование, включающее в себя как общение врача с пациентом и его родственниками, так и официальную и неофициальную коммуникацию с коллегами и младшим медицинским персоналом [2, с. 21].

В статье рассматривается выбор обращения в неравностатусном общении, представленным диадами «врач/ медсестра – пациент» и «врач – представитель среднего медицинского персонала», и в равностатусной коммуникации между коллегами медицинского учреждения.

Целью данного исследования является выявление частотности форм обращений, используемых в современном русском медицинском дискурсе, а также основные тенденции и потенциальные возможности употребления нераспространенных в настоящее время форм вокативов. Основным методом является метод сбора социолингвистических данных (анкетный опрос).

Согласно классификации В. И. Карасика вокативы делятся на нестандартные и стандартные, последние, в свою очередь, подразделяются на определенные и неопределенные. Среди определенных обращений ученый различает статусные, антропонимические, эмотивные и дейктические. Статусные обращения подразделяются на общие (e.g. Mr., sir и др.) и специальные, которые бывают прямыми (e.g. King) и опосредованными (e.g. Your Majesty) [6, с. 203].

Для того, чтобы определить, насколько распространены статусные обращения в медицинском дискурсе в современном обществе, нами был проведен опрос 35 врачей (29 женщин и 6 мужчин) в возрасте от 22 до 70 лет, работающих в разных лечебных учреждениях Екатеринбурга, 30 медсестер и 2 медбратьев в возрасте от 21 до 63 лет, работающих в больницах Екатеринбурга и санатории «Северное сияние» г. Саки и 195 пациентов Екатеринбурга и г. Саки.

Выбор анкетирования в качестве метода исследования обусловлен необходимостью определить самые последние тенденции в языке. Опрос позволяет получить эмпирическую информацию о новейших языковых изменениях.

Рассмотрим неравностатусную коммуникацию в диаде «врач – пациент». В результате опроса выяснилось, что к большинству врачей пациенты обращаются по имени и отчеству. Это отмечают 73,7% врачей. Остальные признают, что пациенты используют специальное статусное обращение доктор. Более половины врачей (57,5%) фиксируют, что больные иногда обращаются к ним, используя вокатив доктор, 18,2% пациентов употребляют это обращение очень часто, 15,2% больных редко пользуются этим вокативом, а 9,1% пациентов никогда не обращаются так к врачу. Более трети врачей (38,2%) не считают специальные статусные обращения доктор и доктор + фамилия общеупотребительными, тогда как 29,4% находят их распространенными. Более половины докторов заявляют, что пациенты никогда не используют специальное статусное обращение доктор + фамилия, и лишь 5,9% врачей фиксируют этот вокатив в речи пациентов. Не является распространенным и специальный статусный вокатив господин/ госпожа + фамилия при обращении пациентов к врачу. Более того, 79,4% докторов не хотели бы слышать такое обращение в свой адрес. Лишь 2,9% мечтали бы о таком обращении, а 17,7% допускают, что такой вокатив станет распространенным, например, через 40 лет. Большинство врачей (91,4%) хотели бы, чтобы пациенты называли их по имени и отчеству, 8,6% отдали бы предпочтение специальному статусному обращению доктор. Ни один из опрошенных врачей не выбрал специальный статусный вокатив господин/ госпожа + фамилия. Общаясь с пациентами, большая часть врачей (90,3 %) использует антропонимы. Остальные предпочитают нулевую форму обращения, эмотивные вокативы зайка моя и малыш или уменьшительно-ласкательную форму имени. Скорее всего, эти варианты обращений наиболее распространены в педиатрии.

Перейдем к рассмотрению коммуникации внутри медицинского коллектива. Результаты анкетирования свидетельствуют, что, обращаясь к группе врачей, 88,2% докторов используют специальный статусный вокатив коллеги, иногда добавляя этикетную модификацию уважаемые. 5,9% предпочитают специальное статусное обращение господина, такое же количество врачей выбирают нулевой вокатив. Большинство респондентов (91,7%) признает, что другие врачи называют их по имени и отчеству, иногда по имени. Всего 8,3% врачей слышат в свой адрес специальное статусное обращение коллеги. Разговаривая с медсестрами, врачи используют антропонимы: 65,7% предпочитают этикетные вокативы «имя + отчество», остальные ограничиваются именем. Ни один из опрошенных не употребляет специальное статусное обращение госпожа/ господин + фамилия. 69,7% респондентов считают его неуместным. 24,2% врачей полагают, что этот вокатив может стать распространенным через 5-10 лет. Специальный статусный вокатив медсестра/ сестра также не является в России общеупотребительным. 69,8% врачей никогда им не пользуются, 9% выбирают его иногда, остальные употребляют его очень редко. Все опрошенные врачи отмечают, что медсестры обращаются к ним по имени и отчеству, что полностью совпадает с их предпочтениями. Группу медсестер 69,7% врачей называют специальным статусным обращением коллеги, один респондент использует вокатив сестрички, остальные – антропонимы, специальные статусные обращения медсестры, девочки и дамы или эмотивное обращение дорогие мои.

В соответствии с данными проведенного опроса выяснилось, что к медсестрам/ медбратьям большая часть больных обращается, используя антропонимы: 51,4% называют их по имени и отчеству, 22,9% по имени, 2,9% по фамилии. Согласно опросу медсестер, лишь небольшая часть пациентов (11,4%) употребляют специальное статусное обращение сестра/ медсестра. Около трети медсестер (37,5%) признают, что больные иногда называют их, используя это статусное обращение. 18,8% медсестер слышат этот

вокатив в свой адрес довольно часто, а к четверти (28,1%) пациенты никогда так не обращаются. Большая часть медсестер (93,6%) не хотела бы, чтобы больные называли их госпожа/ господин + фамилия. Чуть более 3% мечтали бы услышать этот специальный статусный вокатив в свой адрес, остальные предполагают, что данное обращение может стать общеупотребительным в будущем. Большинство медсестер (96,9%) предпочитают антропонимы при обращении к ним пациентов, лишь одна медсестра выбрала бы специальный статусный вокатив сестра/ медсестра. 66,7% медсестер обращаются к пациентам по имени или имени и отчеству, некоторые – по фамилии, остальные используют специальные статусные обращения дамы, девушки, сударыня, женщина, господин/ госпожа + фамилия.

Согласно проведенному исследованию, более трети медсестер не считают специальные статусные вокативы доктор и доктор + фамилия распространенными. Подавляющее большинство (94%) называет врача по имени и отчеству, 6% предпочитают специальное статусное обращение доктор. Более трети (36,4%) медсестер употребляют его иногда, около четверти (24,2%) – довольно часто, остальные пользуются им очень редко или никогда. Большая часть медсестер (71%) считает специальное статусное обращение господин/ госпожа + фамилия неуместным при общении с врачом. Лишь шестая часть (16,1%) медсестер полагает, что оно станет распространенным лет через 20. При необходимости обратиться к группе врачей около половины (46,9%) медицинских сестер предпочли бы нулевой вокатив, треть (37,5%) выбрала бы специальное статусное обращение коллеги, возможно, добавив к нему этикетный эпитет уважаемые, остальные воспользовались бы специальными статусными вокативами доктора/ уважаемые доктора, врачи, господа или антропоним. Медсестры признают, что врачи обычно обращаются к ним, используя антропонимы (57,2% – имя и отчество, 40% – имя), лишь одна медсестра слышит в свой адрес специальное статусное обращение сестра/ медсестра. Это почти совпадает с их предпочтениями. 65,7% хотели бы, чтобы к ним обращались по имени и отчеству, 28,5% – по имени.

При равностатусной коммуникации в диаде «медсестра – медсестра» самыми распространенными также остаются антропонимы. Их использует подавляющее большинство медицинских сестер (55,3% медсестер обращаются к коллегам по имени и отчеству, 36,8% – по имени), лишь одна использует вокатив сестра/ медсестра. Любопытно, что в свой адрес они чаще слышат имя (60,5%), а не имя и отчество (31,6%). Группу медсестер большинство (69%) называет специальным статусным обращением коллеги, остальные используют специальные статусные обращения девочки, девушки, девчонки или антропоним.

При рассмотрении результатов исследования пациенты были разделены на 6 групп: мужчины поколения Y (17-32 гг.), поколения X (35-52 гг.), поколения Бэби-бумеров (53-73 гг.) и женщины тех же поколений. Выяснилось, что большинство мужчин поколения X и женщин поколений X и Бэби-бумеров (66,7; 62,5 и 69,2% соответственно) обычно обращаются к врачу, используя двухкомпонентный антропоним имя и отчество. Более половины женщин поколения Y (51,5%) предпочитают нулевую форму вокатива, заменяя обращение этикетной формулой «Простите». Мужчины поколения Y обращаются к врачу по имени и отчеству (41,1%) или используют нулевой вокатив (41,1%). Более трети мужчин поколения Бэби-бумеров употребляют специальное статусное обращение доктор. Тем не менее половина мужчин поколения X никогда не использует это обращение. 33,9% мужчин поколения Y никогда не пользуются им, а 32,1% выбирают его иногда. Более трети мужчин поколения Бэби-бумеров (38,5%) редко употребляют такое обращение. Женщины поколений Y и X редко пользуются этим вокативом (42 и 42,8%). Женщины поколения Бэби-бумеров называют так врача иногда. Еще менее распространенным является специальное статусное обращение доктор + фамилия. Более половины пациентов всех групп никогда не прибегают к нему. Более 50 % респондентов

четырёх групп не считают специальные статусные вокативы доктор и доктор + фамилия распространёнными, лишь половина женщин поколения Бэби-бумеров и 37,5% мужчин поколения X рассматривают их как общеупотребительные. Пациенты всех групп полагают, что специальное статусное обращение господин/ госпожа + фамилия неуместно при разговоре с врачом. Тем не менее от 13,8 (женщины поколения Y) до 27,3% (женщины поколения Бэби-бумеров) допускают, что оно станет распространённым в будущем. Некоторые считают, что это случится через 3 года, другие предполагают, что на это потребуется целое столетие. Адресуя свою речь группе врачей, более половины респондентов 5 групп, выбрали бы нулевой вокатив, тогда как 62,5% мужчин поколения X воспользовались бы специальным статусным обращением уважаемые врачи. Специальный статусный вокатив господи выбрали бы более трети (38,5%) женщин поколения Бэби-бумеров. Подавляющее большинство пациентов (в 3 группах 100%) хотели бы, чтобы врач обращался к ним, используя антропоним (имя или имя и отчество). 12,5% мужчин поколения Y предпочли бы услышать в свой адрес специальное статусное обращение господин/ госпожа + фамилия, что позволяет надеяться на растущее распространение этого вокатива в будущем. Любопытно, что к медсестре более половины пациентов поколения Y и женщин поколения Бэби-бумеров обращаются, используя нулевой вокатив. Подавляющее большинство женщин (85,7%) и менее половины мужчин (44,5%) поколения X предпочитают антропоним в виде имени и отчества. Мужчины поколения Бэби-бумеров в равной степени (по 38,5%) употребляют антропоним или нулевую форму обращения. Специальное статусное обращение сестра/ медсестра выбирают от 7,5% (женщины поколения Y) до 22,2% (мужчины поколения X) пациентов.

Таким образом, в русском языке в медицинском дискурсе самыми частотными обращениями являются антропонимы. Самые распространённые из них – имя + отчество. Пациент или родственник пациента при коммуникации с врачом использует антропоним имя + отчество, специальное статусное обращение доктор или нулевой вокатив. Средний и младший медицинский персонал чаще всего использует антропонимы, обращаясь друг к другу: имя и отчество или имя. Аналогичным образом врач обращается к медсестре/ медбрата. Специальные статусные обращения могут употребляться с этикетными эпитетами уважаемый, дорогой. В медицинском дискурсе к группе врачей обращаются, используя специальные статусные обращения коллеги, иногда с этикетной модификацией уважаемые. Данный вокатив подчеркивает профессиональную общность и совместную деятельность врачей. Таким образом, в XXI столетии в медицинском дискурсе прототипическими обращениями являются антропонимы.

1. Ахнина К. В. Сетевой медицинский дискурс: языковые и коммуникативно-прагматические характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ К. В. Ахнина. – М., 2016. – 211 с.
2. Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ М. И. Барсукова. – Саратов, 2007. – 438 с.
3. Бейлинсон Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Л. С. Бейлинсон. – Волгоград, 2011. – 187 с.
4. Карасик В.И. О категориях дискурса/ В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. С.185–197.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ В. И. Карасик. –Волгоград: Перемена, 2002а. – 477 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса/ В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002б. – 333 с.
7. Карымшакова Т. Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Т. Г. Карымшакова. – Улан-Удэ, 2015. – 201 с.
8. Полякова С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ С. В. Полякова. – Пермь, 2011. – 179 с.

Роббек Л.В.**Аллитерационно-ассонансная звуковая гармония в Бурятских улигерах**

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской Академии наук
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-61

idsp: ljjournal-01-2019-61

Аннотация

Всестороннее изучение языка эпических произведений разных народов – весьма актуальное направление языкознания. Аллитерация, как одно из наиболее ярких свойств языка фольклора, до сих пор требует пристального внимания специалистов. Целью работы является анализ аллитерационно-ассонансной звуковой гармонии в бурятских улигерах. Используются методы сравнения, сопоставления, обобщения и типологизации. Выводы: в бурятских улигерах аллитерация – достаточно распространённое явление, а способы её образования имеют сходство со способами в тюркских эпосах.

Ключевые слова: эхирит-булагатские улигеры, аллитерация, ассонанс, звуковая гармония.

Abstract

Comprehensive study of the language of the epic works of different nations is a very relevant area of linguistics. Alliteration, as one of the most striking properties of the language of folklore, still requires close attention of specialists. The aim of the work is to analyze alliterative-
assonance sound harmony in the Buryat uliger. Used methods of comparison, comparison, generalization and typology. Conclusions: in the Buryat Uliger alliteration is a fairly common phenomenon, and the ways of its formation are similar to the methods in the Turkic epics.

Keywords: ekhirit-bulagatsky uliger, alliteration, assonance, sound harmony.

Эхирит-булагатские улигеры рассматриваются как наиболее ранний этап эпического творчества бурятского народа, а их язык поражает красотой стиля и обилием устойчивых поэтических формул. «Для бурятского эпоса, как и для всего тюрко-монгольского, характерна аллитерация, которая как метрическое средство поэтической речи появилась в глубокой древности. Повторение однородных звуков придаёт улигерному стиху особую звуковую и интонационную выразительность», - пишет Г.Б. Ринчинов, исследователь поэтики улигеров хори-бурят [1, с. 34].

В тюркологии аллитерацию исследовали такие учёные, как В.В. Радлов (1866) [2], И.В. Стеблёва [3], М.К. Хамраев [4], К. Рысалиев [5], В.М. Жирмунский [6], А.М. Щербак [7] и др.

Аллитерацию в бурятских улигерах изучили М.И. Тулохонов [8], Л.Ц. Санжеева [9], Г.Б. Ринчинов [1] и др.

Как пишет доктор филологических наук М.И. Тулохонов, «в качестве организатора улигерной речи большую роль играет аллитерация. Образность языка, его внутреннее созвучие зависят от последовательно выстраиваемой аллитерированной речи» [8, с. 9]. «Поэтика бурятского героического эпоса во многом определяется аллитерацией, которая органично вытекает из самого строя бурятского языка, не имеющего акцентированного ударения» [10, с. 13].

Мы провели анализ текста «Аламжи Бэргэн» Елбона Шалбыкова и пришли к выводу, что в эхирит-булагатских улигерах аллитерационно-ассонансная звуковая гармония – очень распространённое явление. Например:

Урайнай уриндо-ло,
Урин сагай түрүүндө-лө;

Сагай юүнэй сараюнда,
 Саарһан юүнэй нимэгэндү
 Түрэн гэхэн юүмэ-лэ,
 Гаран гэхэн юүмэ-лэ.
 Бэхэ үгэй бэлэндэ,
 Бээлэй үгэй дулаанда
 Түрэн гэхэн юүмэ-лэ,
 Гаран гэхэн юүмэ-лэ [11, с. 262]

*Он родился, говорят,
 В стародавние времена,
 В пору славного времени,
 Когда бумага была [совсем] тонкой,
 Тогда родился он, говорят,
 Тогда появился на свет, говорят.
 Когда без поясов было легко,
 Когда без рукавиц было тепло,
 Тогда родился он, говорят,
 Тогда появился на свет, говорят [11, с. 263].*

В этом примере аллитерационно-ассонансное созвучие охватывает по 2 строки: 1-2 строка – фонемы [у/а/и/р/н], 3-4 строка – фонемы [с/а/р/н], 5-6 строка – фонемы [ү/э/г], 7-8 строка – фонемы [б/э/л], 9-10 строка – фонемы [ү/э/г].

Звуковая гармония в бурятском эпосе, оказывается, расположена внутри эпических периодов и формул, образованных с помощью ритмико-синтаксического параллелизма:

Далан бугайн шандааһаар	<i>Он берёт</i>
Зүйжи зайжи ширдэһэн,	<i>Крепкий бухарский лук,</i>
Далан бухайн эбэрээр	<i>Умело сделанный</i>
Зүйжи зайжи элигэлһэн	<i>Из рогов семидесяти быков</i>
[11, с. 322]	[11, с. 322].

Звуковая гармония в бурятском эпосе образуется с помощью словесных повторов. Это можно наблюдать в вышеприведённом примере: повторы слов **далан**, **зүйжи** и **зайжи**.

В бурятских улигерах есть и последовательный повтор слов:

Хараашилан байхадан	<i>Вглядевшись, она увидела</i>
Гурибан ехэ халаатай,	<i>Три толстые ветви,</i>
Гурбан ехэ халаадан	<i>На этих толстых ветвях</i>
Гурбан басаган һуубал-даа.	<i>Три девицы сидят.</i>
Үе үгэй хүлаһаншаг	<i>Сидят они, покачиваясь,</i>
Найгулдажи һуубал-даа,	<i>Как камыш бессуставный,</i>
Үүлэ үгэй нарандли	<i>Сидят они, сияя,</i>
Яларажи һуубал-даа.	<i>Как солнце в безоблачном небе.</i>
Зүүнхэн хасарын толондо	<i>От блеска их левых щёк</i>
Зүүнхэн хада толтожи	<i>Восточная гора, говорят,</i>
Һуугаа гэхэн юүмэ-даа.	<i>Ярким светом сияет,</i>
Баруун хасарын толондо	<i>От сиянья их правых щёк</i>
Баруун уула толтожи	<i>Западная гора, говорят,</i>
Һуугаа гэхэн юүмэ-даа!	<i>Чудным светом светится</i>
[11, с. 382]	[11, с. 383],

так и перекрёстный повтор слов:

Хорин гурбан тологойтой	<i>У этого ядовитого змея</i>
Хорото шоротой могойе	<i>Двадцатипёрхогового</i>

Хорин гурбан толгойсын

Хуу татан дайражи

[11, с. 438]

Снеси подряд

Все двадцать три головы

[11, с. 439].

В эхирит-булагатских улигерах встречается также звуковое созвучие, образованное с помощью рифмы:

Хойто байһан тэнгэрье

Хуриһүйеын хүндүбэл,

Хара һалхи буулгабал,

Шара забха унаагабал

[11, с. 476]

Вскрыв облачный слой

Неба северной стороны,

[Аламжи] напустил сильный ветер,

Вызвав ненастье

[11, с. 477].

Встречается конечная рифма:

Байһан-хани яһайеын

Байһан хударин табилайл,

Булган-ханай хансуйяар

Бурьяса-ла һэбилэйл,

Халюун ханай хансуйяар

Харьяса-ла һэбилэйл.

Сагаан яһан байһаниин

Михатайхан бололойл

[11, с. 498]

Она собрала-сложила

Все кости [Аламжи],

Обмахнула их с шумом

Собольим своим рукавом,

Обмахнула проворно

Выдровым своим рукавом –

Белые его кости

Обросли мясом-плотью

[11, с. 499].

Встречается и срединная рифма:

Юһүн һүни юрьюсү,

Найман зүни наръяса

Наада түрү хатаржи

Зугаа хэжи байбал-даа,

Ажи болон яргаба

[11, с. 520]

Девять ночей

Восемь сторон [Земли] сотрясая,

Пировала-плясала свадьба.

Так гуляли,

Радуясь породнению

[11, с. 521].

Таким образом, в эхирит-булагатских улигерах мы наблюдаем наличие аллитерационно-ассонансной звуковой гармонии, и способы её образования очень похожи на способы образования звуковой гармонии в тюркских эпосах.

1. Ринчинов Г. Б. Жанровая специфика улигеров хори-бурят: Автореферат дис. ... канд. филол. наук (10.02.02). Улан-Удэ, 2006. 22 с.
2. W. Radloff. Ueber die Formen der Rede bei den altaischen Tataren. «Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. IV, 1866.
3. Стеблёва И.В. Поэзия тюрков VI-VIII веков. М.: Наука, 1965. 149 с.
4. Хамраев М.К. Основы тюркского стихосложения (на материале уйгурской классической и современной поэзии). Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1963. 213 с.
5. Рысалиев К. Киргизское стихосложение: Автореф. дис. ... докт. филол. наук (10.02.02). Фрунзе, 1965. 112 с.
6. Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 3-24.
7. Щербак А.М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 142-153.
8. Тулохонов М.И. Героический эпос бурят: вопросы поэтики и стиля: Автореферат дис. ... докт. филол. наук (10.01.09). Улан-Удэ, 1993. 51 с.
9. Санжеева Л.Ц. Функциональные особенности фоноэстетических средств в поэтике бурятской гээриады // Вестник ЧитГУ, 2010. № 1(58). С. 105-110.
10. Историческая энциклопедия Сибири. Улан-Удэ, 2009. 180 с.
11. Кузьмина Е.Н. Указатель типичных мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Н.: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

Тураева А.Р.

Когнитивные подуровни внутренней семантики эргонимов, функционирующих в разносистемных разнополюсных эргонимических комплексах

*Чеченский Государственный Университет
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-62

idsj: ljjournal-01-2019-62

Аннотация

В данной статье рассматриваются внутренняя семантика эргонимов функционирующих в разносистемных, разнополюсных эргонимических полюсах. Эргонимы – специфические единицы номинации объектов – зданий и организаций людей – имеют социально-мотивированную семантику. Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков, совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка. Концептосфера разных народов, как показывает изученные автором семантические пространства разных языков, существенно различается и по составу, и по принципам их структурирования и отражают социо и лингвокультурную специфику моно и многоязычного региона.

Ключевые слова: эргоним, концептосфера, семантика, когнитивные феномены, мотивированность, компоненты ядро, фильтры, модель.

Abstract

In the article the results of the structural and semantic comparative analysis of ergonims in the English, Russian and Chechen languages are presented. Similar and distinguishhing features of the structures are defined, conceptual peculiarities of the ergonomic complexes under investigation are revealed.

Key words: ergonym, structure, referent, isomorphism, allomorphism, concepts, semantics, nominative and pragmatic functions.

В данном разделе будут представлены результаты исследования глубинного уровня внутренней семантики эргонимов в трех сопоставляемых эргонимических комплексах. Этот уровень образован различного рода когнитивными моделями, имеющими как изоморфные, так и характерологические черты в каждом эргонимическом комплексе и отражают социо и лингвокультурную специфику моно и многоязычного каждого региона.

Проблемы когниомоделирования имен собственных затронуты в работах: [Карпенко, 2006; Стамбровская, 2004; Трапезникова, 2010; Романова, 1998; Березович, 2001 и др.], но все они выполнены с уклоном в концептологию, или концептуальный уровень, что для нас является уровнем поверхностной, концептуальной семантики, затрагивающей собственно когнитивные феномены лишь частично. Вслед за О.А. Донсковой мы полагаем, что когнитивная модель эргонима состоит из ряда элементов, часть из которых имеет общий, универсальный характер (связанных с понятиями дом/здание, торговля, услуга, объединение людей с какой-то долгосрочной целью и т.п.), другая же часть имеет специфико-этнический, национальный характер, социально-политический оттенок (см.: [1. с.11]).

В факте появления онима важен момент мотивированности, которая объясняется как целенаправленность именования объекта в соответствии с существующими в обществе традициями и стереотипами: называть маленькую собачку Шариком (огромный волкодав вряд ли получит такую кличку), предпочтительным именем для аптеки (стереотип только формируется) будет Айболит или 36,6, но не Гранд или Золотой Дворец. Последнее может быть именем ресторана, ювелирного салона, поскольку это

объекты в сознании социума более значимы, ассоциируются с высокими ценами и роскошью, редкостью, чего нет в понятии «аптека». Ниже мы подтвердим это наше предположение когнитивно-семантическим анализом конкретных лексем.

О.А. Донскова отмечает: «объекты как бы делятся на серьёзные и попроче: например, банк в любом языковом сознании есть объект весьма серьёзный, поначалу даже не имеющий отличительного имени собственного, тогда как парикмахерская или кафе занимают более низкую ступень в иерархии значимости» [1.с.13]. Наш материал показал, что наибольшую вариативность в именовании проявляют торговые объекты, так как продавать можно что угодно, сама же торговля является не столь значимым социальным занятием, как, например, оказание косметических услуг или приготовление пищи. Центральная часть когнитивной модели, или её ядро, образуется сочетанием трёх компонентов: 1) Референт – что называется; 2) Представление об объекте (большой/небольшой, значительный/ниже рангом, в помещении/вне помещения и т.п.); 3) Представление об ониме. Ядро является объективно детерминированным, связано с социальными представлениями как о предмете/референте, так и его возможным именованием. Таким образом, ядро когнитивной модели эргонима является социально-мотивирующим и статусным.

Особую роль в итоговом выборе имени объекта играют фильтры – это ближайшие к ядру компоненты, выполняющие роль контроля над будущей номинацией, фильтр – это и «пропуск» и запрет одновременно, поскольку если фильтр «пропускает» прогнозируемую номинацию, то он становится пропуском, «не пропускает» – запрет, но этот факт также важен для формирования семантики эргонима. В зависимости от этнолингвистической и социо-политической ситуации решающими становятся фильтры: этнический, религиозно-конфессиональный, языковой, социо-политический. Полагаем, что для чеченской эргоники чуждыми будут названия, популярные в русскоязычной и англоязычной среде, – три поросенка, свинка/ piglet, little pig. В этом случае в силу вступает религиозный, а с ним и этнический фильтры.

Религиозный (конфессиональный) фильтр пропускает имена людей арабского происхождения, арабские лексемы в названиях магазинов одежды, прецедентные имена (типа Мекка). При этом отвергаются имена, отмеченные иной конфессией.

В языковом сознании именующего субъекта, как правило, находится некая парадигма возможных имен, признаков, образов, приобретающих черты стереотипа. Чем дольше история развития эргонимической номинации в социуме, тем больше вырабатывается стереотипов, тем прочнее когнитивные модели эргонимов разных эргонимических объектов. В когнитивных моделях англоязычной эргоники, на наш взгляд, велика роль стереотипов, традиций, большую роль играют фильтры европейской и чисто британской (или американской) культуры.

В русскоязычной эргонимике, имеющей иную историю развития, стереотипов с долгой историей меньше, но роль идеологем, или советских стереотипов именования, все ещё остается весомой. Например, именованья, в основе которых лежит метафора полета, продвижения вперед: Авангард, Полет, Восход, Рассвет, Заря, Локомотив и т.п.

Третью группу компонентов когнитивной модели эргонима образуют триггеры, в терминологии О.А. Донсковой – операторы, или «выбираемые, оперативные, вариативные компоненты» [1.с.14]. Триггер «запускает» тот или иной механизм номинации, к ним относятся: метафоризация (включая метонимию и функциональный перенос – такая номенклатура метафоризации была предложена в свое время Ю.С. Степановым [6.с. 23-24]), словообразование (различного рода: аффиксация, аббревиация и т.д.), заимствование и трансоимизация (переход онима из одного разряда в другой, например, антропоним → эргоним, типа Смирнофф).

Нельзя исключить из когнитивной модели эргонима и оценочный компонент, который наряду с компонентом «представление об объекте» создает прагматический потенциал онима. Приятное в лингвистике описание оценочности через коннотацию мы

исключаем, поскольку она связана с поверхностной семантикой, однако считаем оценочный компонент-слот возможным в модели. Ему отводится роль дополнительного, или факультативного, вложенного слота (см. о вложенных оценочных слотах: [7.с.378]). Оценка мыслится как престижный/непрестижный, приятный/неприятный (банк, торгово-развлекательный центр/палатка на автобусной остановке; массажный салон/клиника, больница, кабинет дантиста и т.п.). Оценочный слот обозначен на схеме пунктирной рамкой.

Данная модель, её компоненты, как будет показано ниже, связана с поверхностной семантикой эргонима, репрезентируясь в ней через образ референта, образы его имен: нарицательного (номена) и собственного (онима) и, наконец, через семантическую структуру слова.

Полагаем, что схематически когнитивная модель эргонима выглядит следующим образом:

Рис.1 Когнитивная модель эргонима

В когнитивной модели запечатлены этно-культурные и социо-культурные представления об объектах именования, маркированные социумом, уровнем его развития, эпохой, стереотипами представления о потенциальных онимах, пути именования и механизмы создания имени, объединенные в похожую на полевую структуру с ядром систему разнопорядковых слотов, разворачиваемых в мысленную процедуру именования: от референта (ядро), к представлению о предмете, представлению о возможном имени через фильтры – к триггерам.

Необходимо отметить, что не всегда вновь создаваемый объект сразу получает своё имя собственное, отличающее его от других подобных объектов. Это свидетельствует о незавершенности мыслительной операции именования и в целом о том, что понятие об объекте (а, следовательно, и его имени) ещё не сформировано. В когнитивной модели имени такого объекта остаются незаполненными, вернее,

недоработанными мыслительными операциями идентификации и дифференциации объектов, слоты представление об объекте и, как следствие, представление об ониме этого объекта.

Отсутствие имени собственного у нового объекта, уже вошедшего в поле объектов, образует некую изолированную зону эргониимики. Это потенциально онимная зона. Приведем пример. Первые фитнес-клубы, солярии, залы для игры в бильярд и боулинг не только не имели оригинальных собственных имен (как, например, «Пирамида» – бильярд-зал в г. Пятигорск), в когнитивных моделях этих объектов не была сформирована ядерная зона, поскольку даже понятие о референте (фитнес, солярий и т.п.) было весьма расплывчатым в силу новизны услуги и деятельности. На вывесках в начале 90-х можно было видеть самые различные идентифицирующие названия: Фитнес-зал, Клуб фитнеса, Зал фитнеса, Бильярд (но не зал бильярда), Боулинг, Боулинг-клуб, Ночной клуб, Игровые автоматы, Зал игровых автоматов и т.п. Варьирование порядка слов есть показатель того, что референт как социо-объект находится в стадии становления, а использование слов «клуб», «зал», «центр» в некоторой степени репрезентирует понятие «социальное объединение».

По мере формирования социального представления о новом объекте и его функциях постепенно формируется и представление о том, как он может называться, а, значит, получают свои очертания и все компоненты когнитивной модели.

Связь между когнитивной моделью и планом выражения эргонима является весьма тесной и осуществляется, как показало исследование, через отдельные семы или их пучки. Следует оговорить, что для когнитивного уровня не принято применять термин «сема» как название компонентов когнитивных моделей. Как известно, когнитивные модели, или в широком смысле, фреймы, состоят из слотов (slots), или узлов (knots) [Баранов, Добровольский, 1990:24] и подслотов или вложенных слотов. У слотов есть свои имена – «имя слота» и варианты его терминального наполнения [7. с.435]. Терминальное наполнение, или репрезентации, ещё называются «заданиями отсутствия» [9.с.29], т.е. предполагается, что слоты могут быть заполнены какими-то представлениями или понятиями, естественно, вербализованными в дальнейшем некими лексемами с тем или иным значением, которое обычно описывается как семема, или набор сем. Иными словами, в когнитивной модели возможно выделить смысловые компоненты, представляющие собой набор потенциальных сем или фигур, как у глоссемантиков, из которых после этапа вербализации и будет формироваться общий план выражения эргонимической единицы, его семантика.

Триггер-словообразование функционирует в большей степени в Ставропольском территориальном варианте русской эргониимики (Юна, Мерцана, Ларина, Медазон и т.п.), в Чеченском территориальном варианте русской эргониимики он используется только в названиях предприятий, в английской эргониимике – проявляется в аббревиациях – именах известных банков. Аналитизм английского языка проявляется в нивелировании роли данного триггера в КМ эргонимов.

Полагаем, что дальнейшее исследование когнитивных моделей эргонимов и их репрезентаций в разных языках приведет к детализации как самой модели, выделению в ней новых компонентов-слотов, так и усовершенствованию механизма реализации КМ в пространствах разных языков и культур.

1. Донскова, О.А. Особенности связей поверхностного и глубинного уровней семантики онима/О.А.Донскова//Университетские чтения – 2011. 13-14 января. – Ч.VII. - Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С.11 – 16.
2. Карпенко, О.Ю. Проблематика когнитивной ономастики. – Одесса, 2006. – 328 с.
3. Леонович, О.А. В мире английских имен: Учебн. Пособие по лексикологии/ О.А.Леонович. – 2-е изд, испр. И доп. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 160 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 1997.

5. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. I-II. – 536 с.
6. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: изд.3-е испр. и дополн.- М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
7. Шибкова, О.С. Когниолингвистическая концепция категории качество: дисс. ... д-ра филол. наук. – Ставрополь, 2006. – 453 с.
8. Minsky, M. Matter, mind and models // Minsky M. L. (Ed.) Semantic information processing. – NY: MIT Press, 1995. – P. 4 – 29.

РАЗДЕЛ IX. АРХИТЕКТУРА

Зинов И.А.¹, Зинова А.И.², Боброва Д.П.²**Энергетические исследования вертикальных тепловых жалюзи системы солнечного теплообеспечения в условиях Республики Башкортостан**¹*Башкирский государственный университет, Бирский филиал
(Россия, Бирск)*²*Ижевский государственный технический университета им. М.Т. Калашникова
(Россия, Ижевск)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-63

idsp: ljjournal-01-2019-63

Аннотация

В работе проведен краткий обзор систем солнечного отопления. Описана лабораторная установка для исследования возможности применения солнечной системы теплоснабжения зданий на основе тепловых жалюзи в условиях средней полосы России. Приведены результаты исследования, которые показали, что в зимне-весенний период с квадратного метра вертикальной темной поверхности для 55° северной широты можно снять до 2,5...3,5 кВт·ч тепловой энергии.

Ключевые слова. Солнечное отопление, тепловые жалюзи, солнечная энергетика.**Abstract**

The paper conducted a brief overview of solar heating systems. A laboratory device is described for the study of the possibility to use the solar heating system for heat supply of buildings on the basis of thermal blinds in central Russia natural conditions. The results of the study are presented, which showed that in the winter-spring period, up to 2.5 ... 3.5 kW · h of thermal energy can be removed from a square meter of vertical dark surface for 55 ° north latitude.

Keywords: Solar heating, thermal blinds, solar energy

На данном этапе развития вся энергосистема в основном использует такие виды невозобновляемых ресурсов энергии как углеродистое топливо и урановое топливо. Гидроэнергетика в мире также вызывает вопросы с точки зрения экологической безопасности. Отрицательное воздействие на окружающую среду, а также на экономику в целом подвигает человечество ко все большему применению других видов источников энергии, альтернативных источников: энергия геотермальная, солнечная, ветровая, энергия течений, приливов, волн и рек, а также энергии биомассы. Многие из данных видов источников энергии являются последним продуктом преобразования энергии Солнца.

На сегодняшний день повсеместно производятся исследования в области использования солнечной энергии. При достижении верхней границы атмосферы Земли, радиация солнца влечет с собой энергию в размере $5,6 \cdot 10^6$ ЭДж в год. Если сравнить выработку мировой энергии за год с солнечной энергией, которая достигает поверхности земли, то можно заметить, что солнечной больше в 9 тысяч раз.

Приведем некоторые из основных плюсов солнечной энергии. Во первых, она вездесуща, во вторых - почти неиссякаемая, и в третьих - она доступна на бесконечный отрезок времени в неизменной форме. К недостатком можно отнести лишь то, что солнечная энергия имеет низкую плотность потока (от 800 до 1000 Вт/м²), ее сила меняется в течении дня, а также она зависит от сезонов.

Большая часть генерируемой энергии в мире используется на покрытие бытовых нужд – горячее водоснабжение и отопление. Для того, чтобы удовлетворить спрос населения, применяют различные виды систем, где используется в качестве энергии солнечная радиация. Например, тепловые теплицы, солнечный пруды, солнечные коллекторы, тепловые аккумуляторы, стена Тромба и т.д. Использование такого спектра разработок помогло бы повысить экономический и экологический потенциал стран. Подобные системы уже используются во многих экономически развитых странах. И чем выше становится стоимость энергоносителей, тем интенсивнее происходит внедрение в эксплуатацию систем по использованию солнечной энергии.

Для исследования была выбрана одна из технологий теплоснабжения с применением солнечной энергии, которая была разработана Н. Саундерсом. Его система была использована в проекте дома Cliff House, который использует для отопления на 100% энергию солнца. Он находится в Вестоне, шт. Массачусетс, США, с южной стороны скального уступа на высоте в 12 метров.

Разработка имеет вид теплицы, пристроенной к дому с южной стороны. Внутри нее находятся тепловые вертикальные жалюзи, расположенные недалеко от стекла. На них попадает солнечное излучение, которое превращается в тепловую энергию. В свою очередь тепловая энергия с помощью конвекции нагретого воздуха поступает в тепловой аккумулятор – емкости с водой – находящиеся на чердаке. Теплый воздух направляется по воздуховодам с помощью вентиляторов в помещение, а также в нижний тепловой аккумулятор (бункер с камнями) на первом этаже, помещенный под пол. А также доля энергии используется для ГВС (горячего водоснабжения).

Возникло желание проверить эффективность данной установки в условиях республики Башкортостан. Вследствие этого нами была положена задача: при помощи тепловых вертикальных жалюзи изучить получение и преобразование солнечного энергии в тепловую. Цель: использование в перспективе данной системы в сфере теплоснабжения зданий и сооружений в средней полосе России.

Во время изучения процессов была изготовлена опытная модель тепловых жалюзи (рис.1).

Рис. 1. Модель тепловых жалюзи, использованная в опытах

Основными элементами устройства по исследованию тепловых жалюзи являются: прозрачная пластиковая труба длиной 1,15 м и диаметром 0,11 м, внутри которой расположена жалюзи темно-зеленого цвета. В верхней части трубы над полоской жалюзи

установлен свободно, без трения вращающийся винт. Винт использован от кулера компьютера.

Опытная установка установлена в помещении, напротив окна южной экспозиции, как это имело бы место в теплице дома с солнечным обогревом.

Принцип действия устройства заключается в том, что жалюзи, находящееся внутри пластиковой трубы нагревается за счет солнечных лучей, та, в свою очередь, отдает тепло окружающему ее воздуху. Конвективный поток теплого воздуха, двигаясь вверх, приводит в движение винт.

Винт тарирован — получена функция приведенной тепловой мощности N в зависимости от частоты вращения винта n .

Тепловая мощность потока нагретого воздуха определялась в зависимости от массового расхода m , изобарной теплоемкости C_v ($C_v = 1005$ Дж/(кг·град) при температуре 40°C), и разности температур Δt , воздуха, выходящего из трубы, и комнатной температуры.

$$N = mC_v\Delta t$$

Массовый расход воздуха определялся как

$$m = Q_v\rho$$

ρ – плотность воздуха. При температуре 40°C $\rho = 1,128$ кг/м³

Q_v – объемный расход воздуха, который в свою очередь определялся в зависимости от проходного сечения винта S , имеющего форму кольца, и скорости движения воздуха, которая вычислялась по шагу винта и частоте его вращения n (об/мин):

$$Q_v = Sh_v n / 60$$

Скорость вращения винта регистрировалась видеосъемкой, с последующей раскадровкой.

Результаты тарировки были проверены путем помещения в трубу электрического ТЭНа, мощность которого изменялась ЛАТРОм, а измерялась вольтметром и амперметром. Расхождение результатов оказалось в пределах $\pm 10\%$.

Наблюдения проводились в световой период дней второй половины марта. Ниже на рис.2 показаны результаты измерений. Здесь на графике ломанным линиям соответствует $N_i(t_i)$ – изменение мощности Вт/кв.м. в течении светового дня, кривая это $N(t)$ – аппроксимирующий полином пятой степень для всех дат.

Рис. 2. Изменение тепловой мощности для всех дат

Общее количество полученной солнечной энергии соответствует площади под линиями изменения мощности на графике. Для получения усредненных за ряд дней данных ломаные были аппроксимированы в полиномы 2..10 степени с помощью пакета прикладных программ MathCAD. В результате интегрирования полученных полиномов в пределах светового дня выявлено, что в течение суток вертикальной темно-зеленой поверхностью, ориентированной на юг, в тепловую энергию преобразуется до 3,1...3,3 кВт·ч/м² солнечного излучения. Анализ источников информации показал, что на широте Башкирии на вертикальную матовую поверхность темных тонов, ориентированную на юг в феврале-марте составляет 5...6 кВт·ч/м². Следовательно, в реальных условиях солнечной системой, построенной на тепловых жалюзи можно использовать около 60% солнечной энергии. Это обусловлено пропускательной способностью ограждающих конструкций (в опыте – однокамерный стеклопакет из стекол без покрытий и прозрачный пластик) и поглощательной способностью материала жалюзи (темно-зеленая бумага), которые зависят от угла падения солнечных лучей.

В результате исследования была определена эффективность тепловых темнозеленых жалюзи в зимне-весенний период. С квадратного метра вертикальной темной поверхности для 55° северной широты можно снять до 2,5...3,5 кВт·ч тепловой энергии, а летом на горячем водоснабжении и кондиционировании можно сэкономить до 2,0...2,5 кВт·ч. Следовательно, можно сделать вывод, что рассматриваемая система теплоснабжения, использующая энергию солнца, пригодна для использования в условиях РБ, а также субъектов Российской Федерации, имеющих сходные климатические условия.

1. Танака С. Суда Р. Жилые дома с автономным солнечным теплоснабжением / под ред. М. М. Колтуна, Г. А. Гухман - Стройиздат, 1989;
2. Shurcliff W. Суперсолнечный дом Cliff House / пер. с англ О. Б. Меньшенин. www.mensh.ru -2006.

Клочко П. И., Протопопова Д.А.

Основные принципы проектирования большепролетных спортивных сооружений

*Донской государственный технический университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-64

idsp: ljjournal-01-2019-64

Аннотация

Спорт - это неотъемлемая часть жизни человека, поэтому важно грамотно подходить к проектированию и строительству спортивных сооружений с учетом всех требований и принципов.

Ключевые слова: спорт, проектирование, спортивное сооружение.

Abstract

Sport is an integral part of human life, so it is important to competently approach the design and construction of sports facilities with all the requirements and principles.

Keywords: sport, design, sports facility.

Спорт сопутствует жизни человеческого общества с незапамятных времен, причем в античный период он получил значительное развитие. В глубокой древности физические упражнения, в большинстве случаев, носили культовый характер и были связаны с гигиеной; однако, в военной подготовке, и в играх и развлечениях физические упражнения играли значимую роль. Развитие физической культуры, появление в обиходе

разнообразных игр и спортивной борьбы, вызвали необходимость строительства специальных сооружений, а новые сооружения оказывали, в свою очередь, влияние на прогресс в развитии спорта и физической культуры. Еще в каменном веке строились так называемые кромлехи, то есть площадки, окруженные каменными столбами; кромлехи служили, в частности, ареной для соревнований в физической силе и для выступлений певцов и поэтов, то есть были прообразом современных театров и стадионов.

Прогресс строительной техники, появление новых материалов в строительстве привели, подобно тому, как это было в древние времена, ко многим изменениям в архитектуре спортивных сооружений, что в основном сказалось на формах крытых сооружений (спортивных залов, плавательных бассейнов), стадионов с трибунами большой емкости, а также на конструкции специальных устройств, например, вышек для прыжков в воду.

В России, как и во всем мире, происходит популяризация физической культуры. Возникла объективная социальная потребность в расширении сети физкультурно-спортивных объектов, которая переходит в область общенационального интереса.

Анализируя отечественный и зарубежный опыт проектирования и строительства объектов спортивного назначения можно выявить определенные особенности и тенденции развития спортивных объектов зимних видов спорта, а именно с точки зрения:

- Функционального зонирования,
- объемно-планировочных решений и конструктивных особенностей,
- архитектурной направленности.

Функциональное зонирование является важным этапом на стадии проектирования. Как правило, изначально определяют состав помещений, их функциональное назначение, взаимосвязь между данными помещениями и возможность их совместного использования.

На основе полученных данных, создают структуру здания, которая должна соответствовать всем поставленным требованиям из задания на, требованиям пожарной безопасности и учитывать местные природные условия. В мировом опыте отслеживается тенденция формирования спортивных комплексов с включением в их состав помещений с преобладающей торговой или развлекательной функцией. Данные виды комплексов являются наиболее перспективными, так как удовлетворяют потребностям широкой аудитории.

Объемно-планировочное решение объектов определяют его залы, вместимость трибун, наличие горнолыжных или иных трасс и других помещений, входящих в спортивный комплекс, которые одновременно задают особенности конструирования этих сооружений. Таким образом по объемно планировочному решению подобные комплексы подразделяются на: компактные, линейные (без застраивания подтрассового пространства) и совмещенные (с застраиванием подтрассового пространства).

Зарубежный опыт строительства в данной области богаче и разнообразнее, это обусловлено прежде всего высоким уровнем развития экономики зарубежных стран, большей популярностью зимних видов спорта и развитой инфраструктуры.

Проанализировав полный перечень требований, предъявляемых к сооружениям обозначенного типа, можно определить ключевые принципы их проектирования:

- высокая функциональность;
- уникальность конструкции;
- экономичность;
- практичность;
- безопасность;
- эффективный менеджмент;
- гармония с окружающей средой;
- возможность развития объекта.

В каждом спортивном сооружении, предназначенном для тренировочных занятий и соревнований, предусмотрен ряд вспомогательных помещений для обслуживания спортсменов и зрителей. Это гардеробная, раздевальная, душевые, уборные, кабинет врача, комната для массажа, комната для администрации, помещение для хранения инвентаря и др.

Для обеспечения хороших условий для занятий спортом и предотвращения спортивного травматизма большое значение имеют планировочные мероприятия. В зависимости от назначения, отдельные виды спортивных сооружений требуют и соответствующих планировочных решений. Для большинства из них обязательными являются следующие:

- а) расположение на благоприятных, здоровых, хорошо проветриваемых и инсолированных, достаточных по размеру территориях;
- б) зонирование территории;
- в) правильное взаиморасположение мест или помещений для зрителей и спортсменов во избежание предотвращения пересечения потоков;
- г) возможность последовательного использования помещений (поточность);
- д) планировка отдельных помещений должна обеспечивать их функциональную связь;
- е) наличие вспомогательных сооружений;
- ж) оптимальные условия среды в закрытых помещениях (микроклимат, качество воздуха, освещение, инсоляция, акустика и др.).

Однако потребность в строительстве спортивных сооружений все еще довольно высока. Ведь главные критерии таких помещений – это не столько скорость строительства, сколько качество, надежность, долговечность и функциональность. Спортивные сооружения должны представлять собой довольно сложный объект, где наряду с привычными и прочными строительными материалами должны использоваться сложные инженерные системы. Также не стоит забывать и о такой составляющей строительства, как стоимость проекта. И естественно, что чем она ниже, тем это лучше.

1. Бурлаков И.Р. Спортивные сооружения и комплексы: Учебное пособие /Бурлаков И.Р., Неминуций Г.П. – Ростов-на-Дону, 1997.
2. Каратаев О.Р., Новиков В.Ф., Перикова Е.С., Шипилов Р.В. Спортивные сооружения: Учеб. пособие. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2008.
3. Фомина В. Ф. Архитектурно-конструктивное проектирование общественных зданий: учебное пособие / В. Ф. Фомина. – Ульяновск: УлГТУ, 2007.

Клочко П. И., Протопопова Д.А.

**Основные виды конструкций, применяемые при строительстве
большепролетных зданий**

*Донской государственный технический университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-65

idsp: ljjournal-01-2019-65

Аннотация

В спортивных сооружениях часто используются большие пролеты, поэтому существуют разные системы покрытия и конструкции для решения данной проблемы. В статье рассмотрены основные из них.

Ключевые слова: конструкция, большепролетные здания, покрытие

Abstract

In sports facilities are often used more spans, so there are different coating systems and structures to solve this problem. The article describes the main ones.

Keywords: construction, large-span buildings, coating

В зданиях с помещениями больших размеров, в которых в связи с их назначением не могут быть установлены промежуточные опоры (в зрительных и спортивных залах, бассейнах, выставочных павильонах и др.), систему конструкций покрытий выбирают в зависимости от условий эксплуатации и намеченного архитектурно-композиционного решения.

Широкое внедрение в строительство современных высококачественных строительных материалов (железобетон, высокопрочная сталь, алюминий, синтетические материалы и др.) обеспечило возможность широкого применения эффективных конструкций для перекрытия больших пролётов.

В зависимости от применяемого в покрытии материала эти конструкции можно разбить на три большие группы:

- из жёстких материалов (металл, бетон, дерево, пластмассы);
- из нежёстких (гибких) материалов (тросы, кабели, тонкие металлические листы, ткани, синтетические плёнки);
- комбинированные (сочетающие в себе материалы разных групп).

Рассмотрим несколько современных покрытий из разных материалов на примерах большепролетных сооружений, в т. ч. и спортивных.

Плоскостные распорные конструкции из жёстких материалов.

Арочные покрытия перекрывают пролеты 100 м и более.

Рисунок 1. - Арка

Высокие архитектурные качества арочных конструкций позволяют во многих случаях получить выразительные интерьеры крупных залов.

Арки могут быть деревянными, металлическими и железобетонными, сплошного или решетчатого сечения. При малых пролетах до 30 м деревянные и железобетонные арки имеют прямоугольное сечение, а металлические - двутавровое. При пролетах от 30 до 50 м независимо от материала - двутавровое, а при пролетах более 50 м - решетчатое.

Подъем арок обычно составляет от 1/4 до 1/6 пролета, а расстояние между арками 6-12м.

Пространственные конструкции из жёстких материалов. Перекрёстные системы покрытий.

Перекрестно-стержневая конструкция - пространственная сетка, состоящая из перекрещивающихся поясных стержней и пространственной решетки, поставленной по диагонали квадратных ячеек. Возможности такой конструкции (структуры) очень широки, так как ее можно опирать на колонны в любой точке. При этом все возможные варианты получаются на основе ограниченного сортамента стержней, что позволяет

организовать их поточное производство с высокой степенью механизации и автоматизации технологических процессов. Расход материалов на такое пространственное покрытие на 20-30% ниже, чем в обычных покрытиях по стропильным фермам.

Рисунок 2. – Перекрестные системы покрытия

Такие конструкции применяют для самых разнородных покрытий с опиранием по контуру на внутриконтурные колонны. Устраиваемые консоли по всем или некоторым сторонам могут придавать покрытию любую форму в плане. Подобные конструкции применяются при строительстве крупных павильонов.

Тонкостенные пространственные конструкции. Оболочки.

Цилиндрические оболочки из железобетона появились в конце 20-х годов XX в. и не потеряли своего значения до сих пор.

Цилиндрические оболочки могут применяться при пролетах до 24 м при ширине оболочки 6-12м, высоте 2-3м и толщине 3 см. Иногда цилиндрическим оболочкам придают несимметричное сечение, например при устройстве шедовых (пилообразных) покрытий больших пролетов.

Рисунок 3. – Оболочки

Купольные покрытия являются наиболее эффективными с инженерной точки зрения, позволяя с незначительным расходом материалов перекрывать большие пространства. Не случайно купола получили в архитектуре такое широкое распространение с древних времен.

Рисунок 4. – Купольное покрытие

Тонкостенные пространственные конструкции. Складки.

Наиболее простые пространственные конструкции - это складки, т.е. пространственные балки, составленные из отдельных плоских элементов.

Рисунок 5. – Складчатое покрытие

Пространственные конструкции из нежестких материалов. Висячие конструкции

В висячих конструктивных системах основные несущие элементы – гибкие тросы, цепи или кабели. В висячих конструкциях они воспринимают только растягивающие усилия, работают на растяжение и называются вантами.

Рисунок 6. – Висячие покрытия

Висячие покрытия подразделяются на покрытия, уложенные непосредственно по тросам, и на покрытия, подвешенные к несущим тросам.

В результате работы выяснилось, что оболочки, мембраны и т.п., будучи новыми конструктивными системами по сравнению с плоскостными конструкциями (балками и фермами), способствуют проникновению в архитектуру духа современности; их проектирование и возведение связано и вытекает из объективных условий: функции, местных строительных материалов, возможностей строительной индустрии, средств и сроков, отпущенных на строительство.

Вместе с тем выявлено, что построение архитектурных форм подчиняется законам восприятия их человеком. И, чтобы конструктивные формы стали архитектурными, необходимо затратить материалы и труд на решение эстетических задач архитектуры.

1. Бурлаков И.Р. Спортивные сооружения и комплексы: Учебное пособие /Бурлаков И.Р., Неминуций Г.П. – Ростов-на-Дону, 1997.
2. Еремеев П. Г. Металлические конструкции покрытий уникальных большепролетных сооружений// Промышленное и гражданское строительство. 2007. № 3.
3. Кирсанов Н.М. Висячие и вантовые конструкции. М.: «Стройиздат», 1981.

Козырева Е.А., Голубинова М.Д.

Ближние усадьбы высшей знати, как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга, на примере дачи К.Е. Сиверса

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-66

idsp: ljjournal-01-2019-66

Аннотация

В работе рассматриваются исторические этапы строительства, реконструкции дачи К.Е. Сиверса, как одного из примеров ближних усадеб высшей знати, а также проблемы сохранения и приспособления для современного использования в настоящее время.

Ключевые слова: усадьбы высшей знати, дача К.Е. Сивера, проблемы сохранения объекта, объект культурного наследия.

Abstract

The paper deals with the historical stages of construction, reconstruction of the cottage of K. E. Sivers, as one of the examples of the near estates of the highest nobility. Problems of conservation and adaptation for modern use now.

Keywords: estates of the higher nobility, house of E. K. Seaver, of the problems of preservation of the object, cultural heritage site.

В Санкт-Петербурге и вокруг Санкт-Петербурга до 1917г можно отметить наличие усадеб, которые по своему содержанию и амбициозности, могут в чем-то поспорить с Императорскими загородными дворцово-парковыми комплексами. Но в тоже время имеют характерные отличительные особенности, по которым их можно отделить как от Императорских дворцовых загородных комплексах, так и от помещичьих усадеб. Такой особый тип объектов можно обозначить как «ближние усадьбы высшей знати». Это не Императорские пригородные резиденции, и не дворянские загородные дачи. Усадьбы (точнее - дворцово-парковые комплексы) высшей знати традиционно развивались как особый тип объектов на прилегающей к столичному городу территории. В настоящее время многие из них находятся в границах современной городской черты [7, с. 17].

Эти усадьбы создавали великолепные миры вокруг столичного города и были амбициозными центрами притяжения, зачастую предreshая судьбу владельцев (Каменный остров – Бестужев-Рюмин). В некоторых случаях, когда владелец разорялся, такие усадьбы выкупались в казну города, становясь Императорскими резиденциями (Елагин остров, Таврический дворец и т.п.) иногда передавались лечебным организациям (Дача К.Е. Сиверса, Новознаменка и т.п.).

Одним из примеров таких усадеб является дача К.Е. Сиверса.

Первым владельцем располагавшейся здесь «приморской дачи» был адмирал И.М. Головин, при котором еще в 1720г. был возведен господский дом и службы. Впоследствии дача была разделена между его сыновьями - вице-адмиралом А.И. Головиным и бригадиром И.И. Головиным. Последний продал свою часть сенатору А.Л. Нарышкину [6, с. 127].

В середине XVIII в. усадьба перешла к генерал-поручику графу К.Е. Сиверсу, который не только приобрел у Е.А. Нарышкиной и наследников Головина всю территорию бывшей дачи И.М. Головина, но и увеличил ее, присоединив с запада часть имения Ф.М. Апраксина, после чего общая ширина участка по Петергофской дороге составила 140 саж. В конце 1750г. по проекту Бартоломео Франческо Растрелли начинается возведение каменного усадебного дома «большого загородного дворца, по дороге в Петергоф, принадлежащего гофмаршалу, графу де Сивере», который стал одной из последних работ великого мастера барокко в России (илл. 1).

Рисунок 1 Проект дачи К.Е. Сиверса. Арх.Ф.-Б. Растрелли. Кон. 1750-х гг.

Строительство одноэтажного на высоком цоколе здания с высоким мезонином было завершено в 1760-1761 гг. [1, с. 320]. Представление об этом произведении Растрелли дают чертежи, хранящиеся в собрании Национальной библиотеки в Варшаве. На планах второй половины XVIII в. показана парадная часть ансамбля, включавшая дворец с флигелями, к югу от которого простирался большой регулярный сад с круглым прудом посередине. Осевые дороги, являясь стержнем ансамбля, делили надвое как верхнюю, так и приморскую часть.

В 1779г. дача К.Е. Сиверса была приобретена князем Г.А. Потемкиным, при котором под руководством садовника Вильяма Гульда были произведены масштабные ландшафтные работы по созданию английского сада с системой прудов и каналов [3, с. 12].

В 1781 г. дача была приобретена у Потемкина императрицей в счет погашения долгов. Затем Екатерина II пожаловала ее вице-канцлеру графу И.Л. Остерману, добавив к этому 10.000 тыс.руб., употребленные на перестройку здания в классическом стиле [2, с. 148]. Возведение над главным корпусом башни с часами и сооружение галерей с

колоннадами дорического ордера, соединивших главный корпус с фланкирующими его флигелями, совершенно изменили облик усадебного дома. Весь барочный декор был удален, окна оформили плоскими сандриками на кронштейнах, в центре садового фасада соорудили шестиколонный портик [1, с. 515]. В первой трети XIX в. дача принадлежала князю П.П. Щербатову [6, с. 130].

В 1820г. было решено отделить дом умалишенных от Обуховской больницы и наиболее подходящим местом для размещения лечебницы признали пригородной усадьбу князя Щербатова [6, с. 127]. В 1828 г. покупка дачи была утверждена императрицей Марией Федоровной и в том же году арх. Д. Квадри, в соответствии с требованиями придворного медика И.Ф. Рюля, начал производить работы по приспособлению существовавших зданий и сооружению новых больничных и хозяйственных построек [2, с. 150]. Работы были завершены в 1831г., однако перевод больных на новое место отложен в связи с эпидемией холеры.

Открытие больницы, рассчитанной на 120 коек, было произведено в сентябре 1832 г. В декабре того же года в бывшем парадном зале значительно перестроенного главного корпуса была освящена церковь во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости». Образа для храма писал художник Я.В.Васильев. В главном корпусе была также устроена небольшая лютеранская часовня [2, с. 148].

Уже к середине 1830г. назрела необходимость расширения больницы на 50 мест. В 1836-1838 гг. по проекту архитектора П.С. Плавова была произведена пристройка к существующим флигелям новых корпусов, в результате чего главное здание приобрело вид почти квадратного каре, с небольшим разрывом со стороны сада (напротив пруда). При этом была решена задача изоляции неизлечимых больных. В части новых корпусов разместились квартиры медицинского персонала.

Дальнейшее расширение больницы относится к середине XIX в. В 1847-1850 гг. архитектором Платовым возводится в стилистике позднего безордерного классицизма отдельный корпус для неизлечимых больных (50 мужчин и 50 женщин) (илл. 2). Одновременно строится дом для служащих больницы. После окончания работ были снесены два ветхих жилых дома. Перед главным зданием распланировали сквер с газонами, площадками и клумбами [3, с. 12].

Во второй половине XIX в. каре главного корпуса со стороны сада замкнул небольшой жилой дом, построенный между торцами его крыльев.

Рисунок 2 Больница Всех Скорбящих на Петергофской дороге. Литография середины XIX в.

В первые годы советской власти (1922 г.) больнице присвоили имя знаменитого швейцарского психиатра Огюста Фореля, известного своими симпатиями к Советской России. Центральная (1-я) Психиатрическая больница им. Фореля в ведении Горздравотдела, обслуживала Кировский, Ленинский, Куйбышевский, Фрунзенский и Московский районы Петрограда [4, с. 303].

В 1941 г. больница оказалась на переднем рубеже фронта. В главном здании некоторое время находился штаб 21 дивизии НКВД. За годы Великой Отечественной войны постройки больницы получили очень серьезные повреждения. В послевоенные годы было произведено обследование зданий и признано нецелесообразным их восстановление в первоначальном виде [5, с. 492].

В 1950-1964 гг. под руководством арх. Л.Л. Шретера, при участии Ю.А. Визенталя, Л.М. Гольдвассера и В.И. Заусской был разработан и в значительной степени реализован проект создания здесь «Кировского городка» - комплекса жилых зданий для рабочих Кировского завода [5, с. 490].

В 1960-1980 гг. застройка пространства бывших садов жилыми кварталами микрорайонов «Дачное» и «Юго-запад» привели к сокращению территории памятника до размеров участка непосредственного окружения центральной части (ядра) комплекса.

В 2004 г. производились работы по благоустройству территории: восстановлены исторические аллеи и мощение булыжных откосов пруда.

Пример ансамбля жилого городка для рабочих, созданного в 1950г. на основе усадьбы второй половины XVIII в. с сохранением элементов первоначальной планировки и реконструкцией старых построек. В современном виде принадлежит к лучшим образцам послевоенного неоклассицизма ленинградской архитектурной школы и является градостроительным акцентом в застройке проспекта Стачек.

Таких усадеб, как дача К.Е. Сиверса, в разное время было не более 50, некоторые из них частично сохранились и просуществовали до наших дней, некоторые остались в истории и воспоминаниях современников тех лет. Наше время требует сохранения этого исторически сложившегося феномена «ближних усадеб высшей знати» не только как градостроительных объектов, но и как фундаментальных следов развития культуры и дореволюционной жизни города. Столичный Санкт-Петербург не мог оставаться только в границах императорских резиденций, не мог существовать без этого великолепного ожерелья пригородных усадеб высшей знати.

1. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1996. С. 515.
2. Денисов Ю.М. Усадьба XVIII века на Петергофской дороге. // Архитектурное наследство. № 4. М., 1953. С. 148-154
3. Карпущенко В.М. Проспект Стачек. Л., 1978. С. 12.
4. Ленинград. Путеводитель. Сост. В.А. Витязева, Б.М. Кириков. Л., 1986. С. 303.
5. Фролов В.А. Логин Шретер // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 490-491.
6. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2001. С. 127-131.
7. Семенцов, С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия / С. В. Семенцов. // Вестник гражданских инженеров. – 2014. – 4. – С. 16-24.

Михайлов А.В.

Особенности определения предметов охраны для объектов типа «дачи»

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-67

idsp: ljjournal-01-2019-67

Аннотация

В работе рассматриваются проблемы связанные с определением предмета охраны в соответствии с действующим законодательством по охране объектов культурного наследия для объектов типа «дачи». К дачам можно отнести здания с сезонным нахождением хозяев и обслуживающего персонала. Особенности определения предметов охраны для объектов типа «дачи».

Ключевые слова: объекты культурного наследия, предметы охраны объекта культурного наследия, парк, ограда, дача.

Abstract

The paper deals with the problems associated with the definition of the subject of protection in accordance with the current legislation on the protection of cultural heritage for objects such as "cottages". The cottages can be attributed to buildings with the seasonal presence of the owners and staff. Features of definition of subjects of protection for objects of "giving" type.

Key words: objects of cultural heritage, objects of protection of object of cultural heritage, Park, fencing, giving.

Понятие "предмет охраны" является ключевым при определении границ допустимого вмешательства при ремонте и приспособлении памятника к современному использованию. В обоих случаях работы на памятнике допускаются "без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны". Тем же условием определяется и право пользования памятником для юридических и физических лиц. Содержанием предмета охраны определяются те обязанности, которые государство налагает на арендатора или собственника. Таким образом, именно состав и содержание предметов охраны в каждом конкретном случае служит гарантией сохранения памятника. [1, с. 12]

"Предмет охраны" – понятие достаточно новое для нашего законодательства, оно только начинает реально, массово применяться.

Чтобы полностью сформировать предмет охраны объекта недвижимости необходимо выявить основные его качественные характеристики. Для этого необходимо рассмотреть объект с точки зрения архитектуры, градостроительства, истории, археологии, эстетики, искусства, науки и техники, этнологии или антропологии и социальной культуры.

Целью определения предмета охраны является сохранение особенностей объекта культурного наследия, дошедших до нашего времени либо от первоначального замысла архитектора, либо как результат определенного исторического этапа его существования. В конечном итоге, предмет охраны – еще одна степень защиты объекта культурного наследия. [3, с. 57]

Не смотря на наличие до сих пор множества дискуссий о вреде или пользе расчленения объекта на составляющий его предмет охраны, я, руководствуясь нормами действующего законодательства об охране объектов культурного наследия, а также своими наработками по подготовке методики определения предмета охраны для объектов культурного наследия предпринял попытку укрупненной систематизации предметов охраны, акцентировав внимание на наиболее проблемных аспектах градостроительных и нематериальных характеристик, в том числе: 1. Нематериальное значение предмета охраны; 2. Нематериальные атрибуты предмета охраны; 3. Способы или методы сохранения нематериальных атрибутов.

Одним из наиболее сложных в определении является предмет охраны объекта Дачи – сезонное нахождение хозяев и обслуживающего персонала.

Анализируя существующие предметы охраны «Дачи» можно сделать вывод, что для данного типа объектов устанавливаются только следующие типы предметов охраны:

- Архитектурно-художественное решение;
- Конструктивная система;
- объемно-планировочные
- пространственно-планировочные
- в некоторых присутствуют Декоративно-прикладные элементы

Рассмотрим некоторые из таких объектов культурного наследия.

Дача Санкт-Петербург, Ломоносов, Иликовский просп., 8. Здание двухэтажное, деревянное, сложное в плане. К главному объему, выходящему на Иликовский проспект, с востока примыкают одноэтажные пристройки. Главный объем на 6 осей имеет асимметричный фасад с ризалитом на 2 оси в южной части. Ризалит завершен щипцом с сильно вынесенным каризом, поддерживаемым кронштейном. [6, с. 305] Северная часть фасада главного объема ступенчатая в плане, с пряслами на 2 и 1 ось. Здание обшито «вагонкой», окна с простыми наличниками. Интерьеры не обследованы. Представляет ценность, как элемент исторической дачной застройки вдоль Иликовского проспекта. Предмет охраны: градостроительная ситуация, объемно-пространственная композиция здания.

Дача И.Ф.Кречева Санкт-Петербург, Курортный район, г. Сестрорецк, ст. Курорт, Григорьева ул.,18, Курортная ул., 6. Двухэтажный бревенчатый на гранитном цоколе с угловой многогранной верандой дом в стиле модерн с использованием мотивов традиционного русского народного зодчества. [7, с. 210] Асимметричная объемно-пространственная композиция состоит из двухэтажного со скошенным северо-восточным углом и выступом на северной стороне основного объема и примыкающих к нему: с запада - завершенной высоким шатром летней пристройки с поддерживающими фигурный навес парадного крыльца брусчатыми резными столбами (в центре); с северо-западного угла – пятигранного двухэтажного объема с шатровым шестискатным завершением (декорировано под лемех) и широкими полками. Стены обшиты вагонкой, прорезаны разными по размерам и конфигурации - прямоугольными, стрельчатыми, трапециевидными с мелкой расстекловкой верхних фрамуг окнами, обрамленными рамочными наличниками (с пропиловкой и гладкими). В 1928 г. произведена достройка юго-западного угла, в 1987 г. – к восточному фасаду пристроена кирпичная котельная. Внутренняя планировка не изменилась: по обе стороны коридора расположены жилые комнаты, в концах его две лестницы на второй этаж; восточная часть дома занята хозяйственными помещениями. Предметы охраны: объемно-пространственная композиция, фасады. Образец доходного загородного дома начала XX века.

Дача Санкт-Петербург, Выборгский район, Левашово пос., К.Маркса пр.,2, Маяковского ул.,31. 1-этажный со 2 мансардным этажом деревянный дом с башней, надстроенной 2-м этажом над верандой и увенчанной 6-гранным шатром со шпилем и «слухами» [6, с. 150]. Дом состоял из двух объемов- основного здания и флигеля, поставленных под прямым углом друг к другу. Крыши двускатные. Основное здание было торцовым фасадом обращено к пр.К.Маркса, продольным –к ул.Маяковского. Фасад по пр.К.Маркса (юго-западный) имел 4 оси в первом этаже и 1 – в мансардном; с запада был пристроен входной тамбур под двускатной кровлей. Широкое трехчастное окно 1-го этажа – в прямолинейных наличниках, 2-го – в наличниках с глухой резьбой. Широкий свес кровли был декорирован подвесной композицией с масверком, поддерживавшейся фигурными кронштейнами, располагавшимися на уровне фриза. Фасад по ул.Маяковского (юго-восточный) имел 7 осей, над средними 4-мя – щипец с декоративной композицией, аналогичной юго-западному фасаду. Над примыкавшей с юга верандой – 6-гранная башня с шатром, первоначально имевшим чешуйчатую кровлю, и полицей, поддерживавшейся фигурными кронштейнами. Фасады были обшиты вагонкой с накладными планками, стилизовавшими фахверковую конструкцию. В настоящее время дом не существует. На его месте находится каменный коттедж, построенный в период между 1996-1999 годами.

История застройки: деревянный дом построен в начале XXв., когда был основан дачный поселок Левашово. Градостроительная ценность: дом располагался на пересечении ул.Маяковского и пр.К.Маркса, образующем небольшую площадь. Являлся архитектурным акцентом южной части пос. Левашово. Архитектурная ценность: редкий для застройки Левашова пример деревянного дачного дома, в архитектурном облике корого нашли отражение мотивы готики. Был одним из самых запоминающихся

домов пос.Левашово. Предметы охраны: объемно-пространственная композиция ,силуэт, фасады, границы участка.

Дача В. Д. Тырси́на Санкт-Петербург, Приморский район, пос. Ольгино, Советская ул.,2. Дача двухэтажная бревенчатая, оштукатуренная, на гранитном цоколе, прямоугольная в плане. Главный, юго-восточный, фасад акцентирован двухэтажным полукруглым центральным выступом с парадным входом. [7, с. 301] Здание имеет на крыше ротонду, смещенную к юго-восточному фасаду; справа и слева от нее две беседки с пирамидальными завершениями. Боковые фасады завершаются фигурными фронтонами. Парадный вход и ротонда оформлены колоннами с металлическими декоративными капителями. Выносы карнизов с металлическими сухариками и розетками. Углы рустованы. Окна в профилированных деревянных наличниках - прямоугольные и с полуциркульным завершением. К северо-западному фасаду примыкает одноэтажная хозяйственная деревянная пристройка с крытой лестницей на второй этаж.

Сохранилась историческая планировка интерьеров, деревянная лестница, элементы лепного декора. Дача 1914 года, является одним из наиболее интересных образцов стиля «неоклассика» в застройке поселка Ольгино. Предметы охраны - объемно-пространственное решение и историческая планировка дома, декор фасадов, деревянная лестница.

По результатам рассмотрения можно сделать вывод, что существующие предметы охраны охватывают материальную составляющую объект, при этом особенности характера сооружений и его местоположения в исторической среде в них не учтены.

Для каждого объекта так же важна градостроительная составляющая. При установлении предметов охраны необходимо учитывать как нематериальную составляющую данного типа объектов, но так же и влияние оказываемое данным объектом на окружающую его среду.

1. ТОО "Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга". Методические указания по проведению градостроительной, историко-культурной и технико-экономической экспертизы недвижимых объектов, состоящих под государственной охраной, в порядке подготовки их к приватизации. СПб. 1997.
2. Славина Т .А. Предмет охраны. К вопросу об охране и использовании природно-культурного наследия. // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 4, - СПб: Белое и чёрное. 1997. С. 10-23.
3. Гришин С.Ф. Проблемы внедрения предметного метода охраны исторической застройки при реконструкции городов // Промышленное и гражданское строительство. 2007. № 8. С. 57.
4. Закон «Об охране объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 №73-ФЗ.
5. Семенцов С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия // Вестник гражданских инженеров. № 4 (45).СПб., 2014. С. 16–24.
6. Пунин, А. Л. Архитектура Петербурга середины и второй пол. XIX века. Том 2. Петербург 1860-1890-х годов в контексте градостроительства пореформенной России / А. Л. Пунин. – СПб. : Крига, 2014. – 600 с.
7. Архитектура Петербурга середины XIX века / А. Л. Пунин. - Л. : Лениздат, 1990. - 349,[2] с.

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№46, 01.2019

Январь 2019 г.
Часть 3

SPLN 001-000001-0396-LJ

Подписано в печать 02.03.2019. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович